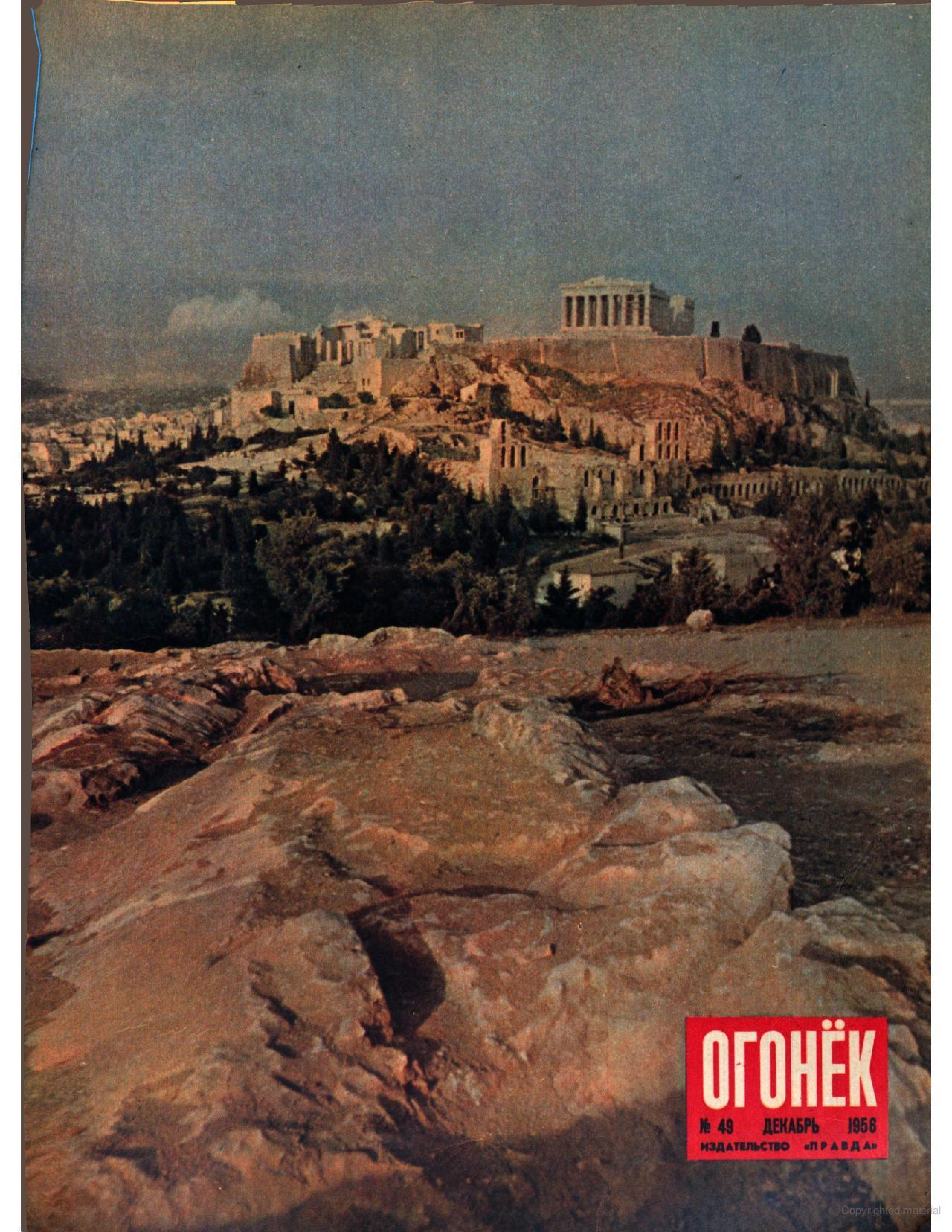
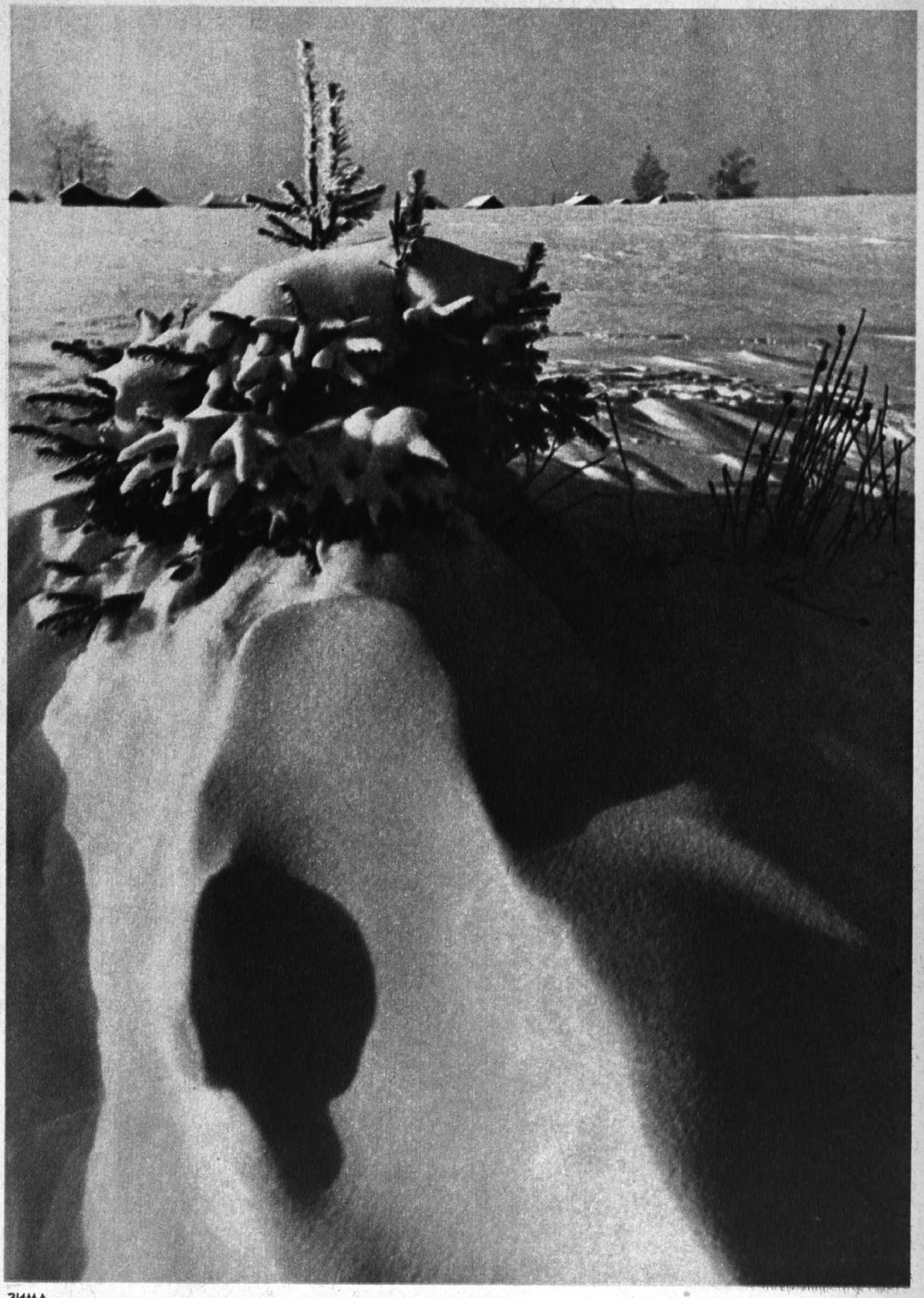

ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЗИМА.
Фото А. Скурихина.

На первой странице обложки: Греция. Акрополь в Афинах.
На последней странице обложки: Греция. Утро на дороге.
Фото А. Новикова.

ОГОНЁК Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

№ 49 (1538) 2 ДЕКАБРЯ 1956

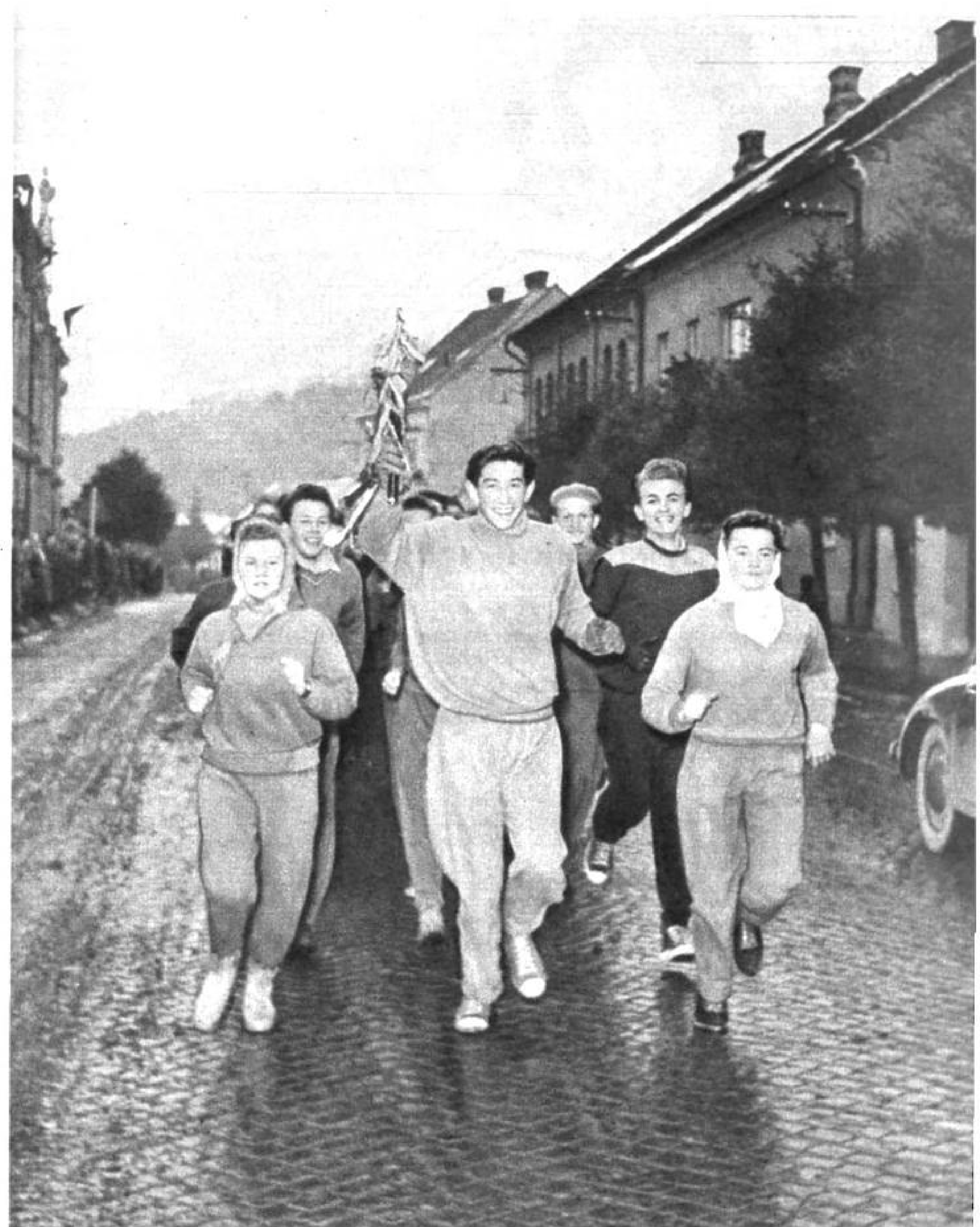
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Дружба на вечные времена!

Из Праги от города к городу, от села к селу прошла по Чехословакии до границы с Советским Союзом эстафета дружбы. Спортсмены, рабочие, школьники, пограничники пронесли по чехословацкой земле и вручили советским друзьям послание чехословацкого народа народам Советской страны. В этом послании говорилось: «Наша дружба с вами нерушима и крепка, как никогда. Она является порукой нашего суверенитета, нашей свободы и независимости, она закалена в нашей общей борьбе против германского фашизма и основана на наших общих жизненных интересах, на общих идеях».

Месячник чехословацко-советской дружбы, в дни которого была проведена эстафета, укрепил братские узы, связывающие народы двух стран социалистического лагеря. На вечере в Колонном зале в Москве представители трудящихся столицы аплодисментами встретили слова Посла Чехословакии Я. Вошаглика, когда он провозгласил здравицу в честь советского народа — верного друга и брата народа Чехословакии.

Вместе со всеми социалистическими странами Советский Союз и Чехословакия в одной шеренге идут вперед. Их дружбу ничто не может нарушить.

Чехословацкие школьники проносят эстафету дружбы по улице села Бучовице.
Фото Чехословацкого телеграфного агентства.

В Москве, в Центральном доме культуры трудовых резервов, состоялся вечер чехословацко-советской дружбы. На вечере присутствовали Посол Чехословацкой Республики в СССР Я. Вошаглик, вдова национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика Густа Фучикова и другие чехословацкие друзья. На снимке: учащаяся технического училища К. Бабкова вручает памятный подарок Густе Фучиковой.
Фото А. Стужина.

Члены чехословацкой делегации, доставившей в Советский Союз традиционную эстафету дружбы, побывали в колхозе имени Ленина, Иршавского района (Закарпатье). На снимке: гости беседуют с дояркой колхоза М. И. Шпак.
Фото Л. Ковгана (ТАСС).

А. М. Чугунов с дочерью Нелей и сыном Альбертом.
Фото Ф. Рыбакова.

КО ДНЮ КОНСТИТУЦИИ СССР

МЫ—СОВЕТ

Труженики-хозяева

А. М. ЧУГУНОВ,
заместитель начальника инструментального цеха Уралмашзавода

Не так давно в составе группы советских рабочих мне довелось побывать в Австрии, на одном из машиностроительных заводов Вены.

Это хорошо оснащенное, крупное предприятие. Меня, как слесаря-лекальщика, естественно, заинтересовал лекальный участок. Здесь с точностью до сотых долей миллиметра изготавливаются измерительные инструменты, которыми пользуются токари, слесари, фрезеровщики. Наблюдая за работой австрийских лекальщиков, я не мог не заметить, что у нас, на Уралмашзаводе, эти инструменты делают не только не хуже по качеству, но и быстрее.

— Не может быть! — обиделся мастер-австриец. — У нас первоклассные специалисты.

Он тут же познакомил меня с пожилым рабочим. Разговорились. Оказалось, что этот лекальщик еще в 1933 году был в Советском Союзе и обучал наших рабочих.

— Сколько времени положено вам на эту работу? — спросил я.

— На все пять шаблонов отводится пятьдесят четыре часа. А у вас?

— На Уралмаше это выполняют теперь почти втрое быстрее.

Лицо моего австрийского коллеги выражало столь явное недоверие, что я решительно снял пиджак.

— Давайте заготовки.

На следующий день я сдал мастеру готовые шаблоны, затратив на их изготовление тринадцать часов. Проверка в центральной измерительной лаборатории показала высокую точность. Мой австрийский коллега, выполнив за это время только четвертую часть задания, был явно смущен.

— Двадцать лет назад я учил русских, а теперь смотрите, что получается... Кто бы мог подумать!..— И он развел руками.

Лекальщики обступили меня, наперебой расспрашивали. Их интересовало все: сколько зарабатывают наши рабочие, как проводят свой досуг, какова продолжительность отпусков, сколько приходится платить за квартиру... И многие повторяли один и тот же навязчивый вопрос:

— Почему вы стараетесь работать быстрее? Кто вас заставляет?

— На советских заводах хозяева мы, рабочие. Трудимся на себя, вот и стараемся, — ответил я.

И, отвечая на расспросы, рассказал кое-что о себе, о своем жизненном пути. Отец мой погиб в борьбе за Советскую власть в дни Октябрьской революции, а я воспитывался за счет государства в детском доме. Потом окончил ФЗУ и с тех пор вот уже почти четверть века работаю слесарем-лекальщиком на Уралмаше. На заводе без отрыва от производства прошел курс средней школы, а сейчас учусь на вечернем отделении техникума. Рассказал я и о других рабочих завода, о нашем Дворце культуры, о новых школах, об огромном жилищном строительстве, которое ведется заводом.

Мои собеседники очень удивились, когда узнали, что я, простой рабочий, в течение четырех лет был членом Верховного суда РСФСР и являюсь автором двух книг о методах своей работы.

Когда мы прощались, один из рабочих, крепко пожимая руку, сказал:

— Теперь мне понятны причины таких успехов вашей страны. Ведь вы, труженики, там хозяева!

Почти два года прошло с этой памятной встречи в Вене. Много нового на пользу народа сделано в нашей стране за это время. Приняты замечательные законы о повышении пенсий, заработной платы низкооплачиваемым работникам с 1 января 1957 года, сокращено рабочее время в предвыходные дни.

Важные события произошли и в моей личной жизни. Хочется сообщить австрийским друзьям, что недавно я успешно закончил техникум, стал заместителем начальника инструментального цеха. Закончив школу с серебряной медалью, мой сын Альберт поступил в авиационное училище, а дочь Неля сейчас в десятом классе и мечтает о высшем медицинском образовании.

Таков наш советский образ жизни.

Грамота, наука, творчество

Профессор А. А. ИЗОТОВ,
доктор технических наук

Крытая соломой изба земской начальной школы мало чем отличалась от прочих крестьянских строений в нашей чувашской деревне Аблякино. Но с каким боязливым почтением переступала детвора бревенчатый порог ее, как напряженно вслушивались ребята в каждое слово молодого учителя! Он только недавно приехал к нам из города, не знал чувашского языка. А мы, ученики, ни слова не знали по-русски. Вот и пришлось учителю с самого начала овладевать обиходными словами чувашей, чтобы учить нас, крестьянских детей.

Учитель показывал ржаную краюху, говорил «Съгр» и потом, после паузы, пояснял:

— Хлеб. Съгр по-русски называется хлебом.

Поднеся ко рту стакан воды и сделав глоток, учитель говорил:

— Я пью. Понимаете, ребята, я пью!

И детвора хором повторяла незнакомые слова, казавшиеся поначалу такими сложными, такими трудными в произношении.

Не раз, бывало, встречая меня после школы, отец и дед делились своей заветной мечтой:

— Вот подрастет грамотей, поедет с нами в Чистополь на ярмарку, будет на улицах русские вывески читать.

Когда в Петрограде восставшие рабочие и солдаты свергли царя, мы, чувашские школьники, переходившие в четвертый, последний, класс, неожиданно оказались участниками политической жизни. На выборах в Учредительное собрание учитель поручал нам подводить к урнам неграмотных крестьян, раздавать им избирательные бюллетени с номерами политических партий.

Только через несколько месяцев, когда вслед за первым снегом появились в нашей деревенской глуши посланцы молодой Советской власти, мы поняли, что эти-то справедливые и смелые люди, прибывшие из Питера и Казани, и есть те самые большевики, чей избирательный список шел под номером пятым.

Большевики принесли нам новые, революционные законы. Чувашей перестали презрительно именовать «инородцами». Для всех крестьянских детей без различия национальности открылась школа второй ступени.

Но мне и года не довелось проучиться там. Тяжело больным возвратился с фронта отец, дед совсем состарился, и все заботы по хозяйству легли на меня, старшего в семье подростка. Трудное было время. После небывалой засухи 1921 года в Поволжье разразился голод. Но советская Родина и в ту суровую годину по-матерински заботилась о своих попавших в беду детях: русских, чувашах, татарах. Государственная помощь продовольствием и семенами, оказанная крестьянам Поволжья, позволила уже в следующем году поднять хозяйство, возродить жизнь в разоренных деревнях.

И вот однажды, шагая за плугом, я повстречал людей, никогда прежде невиданных в наших краях. Склонившись над теодолитами, развернув широкие листы чертежей, работали землеустроители, занятые разбивкой новых земельных наделов. Точно и уверенно изображали они на бумаге все, что лежало окрест. Шитый золотом глобус на форменных фуражках — эмблема Межевого ведомства — воспринимался мной как некий полный глубокого значения символ. Вот они, настоящие хозяева земли, мастера своего дела! Обязательно, во что бы то ни стало и я буду таким! Пойду в город учиться!

А. А. Изотов.
Фото О. Кнорринга.

В Казани, на подготовительном курсе чувашского педагогического техникума, собралось немало парней, обутых в лапти, одетых в домотканные армяки, слабо владевших русской речью. При ежемесячной стипендии в три с полтиной мудрено было чувствовать себя сытым. И курсанты работали: кто грузчиками на пристани, кто носильщиками на вокзале.

Учиться и работать было очень

...СКИЕ ЛЮДИ

трудно. Но мечта о знаниях не оставляла нас.

Задушевно, с большим чувством описывал нашу жизнь в те дни один из моих сверстников, начинающий чувашский поэт Петр Хузангай. Стихи его помещались не только в наших стенных газетах, но, случалось, и в литературных журналах.

Сильно завидовал я Хузангаю в умении владеть словом. Немалых трудов стоило мне одолеть грамматику. Но все-таки рабфак был окончен успешно и давал право на поступление в любой вуз.

Я стал студентом землеустроительного факультета Межевого института в Москве, а затем — Института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

Первая моя геодезическая практика проходила на родной Волге. Уже тогда, в 1930 году, начинались съемки местности в связи с предстоящим строительством гидростанции.

1931 год. В казахской степи только что уложены рельсы. Неподалеку от полотняного палаточного лагеря вглубь земли уходит ствол первой шахты. Вместе со строителями и горняками мы, геодезисты и топографы, закладывали новый социалистический город, новую крупнейшую кочегарку — Караганду.

Горы Урала и сибирская тайга. Междуречье Волги и Дона. Побережье Тихого океана. Заснеженные тундры Заполярья. Куда только не разъезжались выпускники нашего института! Довелось и мне в те годы потрудиться на просторах Родины.

Большое исследование о форме и размерах Земли начал член-корреспондент Академии наук СССР Феодосий Николаевич Красовский — мой учитель и научный руководитель. К этой работе он привлек и меня. В результате исследования установлены новые данные о форме и размерах нашей планеты. По решению правительства СССР эти данные приняты для составления точных карт территории Советского Союза. Ими пользуются теперь также в ряде стран народной демократии.

На полувековом жизненном рубеже, оглядываясь назад, с гордостью думаешь о судьбах своего поколения, о сверстниках, чьи мечты стали действительностью.

Кто теперь не знает в Чувашии Петра Петровича Хузангая, народного поэта республики, переводчика русских классиков! Общепризнанными авторитетами в высшей геодезии стали выпускники нашего института профессора П. С. Закатов, А. И. Дурнев и В. А. Магницкий.

Многие тысячи картографов, аэросъемщиков, геодезистов трудятся в разных отраслях народного хозяйства. Как приятно бывает при встречах узнавать среди них и тронутых сединой однокашников и более молодых, недавних своих учеников!

А в студенческой аудитории, глядя на юношей и девушек, вчера сошедших со школьной скамьи, видишь завтрашних инженеров, ученых, строителей коммунистического общества. И так хочется, чтобы у каждого из них была своя заветная мечта, чтобы каждый вырос в творца нашей советской жизни.

Учительница и ученики

Дареджан ДЖАВАХИШВИЛИ,
учительница Тквиавской сельской средней школы Грузинской ССР

Мы все, учителя, в любой стране, в любом конце земного шара делаем одно и то же дело и гордимся теми из своих питомцев, кто вырос честным, полезным для своего народа человеком. Но сейчас мне хочется говорить не о том, какие у меня есть знатные ученики, сколько среди них смельчаков, известных деятелей.

Сегодня я вспоминаю первые годы Советской власти в Грузии и себя, единственную в селе учительницу ликбеза — школы для взрослых. Тогда мало кто верил тому, что я, семнадцатилетняя девушка, сирота, способна чему-нибудь научить, и не каждый взрослый считал, что грамотность так уж необходима крестьянину. Но постепенно бывший помещичий дом, в котором разместилась начальная школа, стали по вечерам посещать взрослые люди. Одной классной комнаты уже не хватало, я рассаживала учеников в двух смежных классах и управлялась на «два фронта». Это продолжалось долго, потому что деревня была темная и надо было шаг за шагом переучить всех.

Из них, из этих моих «ликбезовцев», составилось прочное ядро колхозного актива. Один из них, пастух Васо Чихладзе, хоть и с некоторым опозданием, но все же закончил вуз и вот уже 10 лет работает директором нашей школы — в Тквиави давно уже существует средняя школа. Помню, как у Васо Размадзе, одного из самых прилежных ликбезовцев, появилась на свет дочь, которую родители в честь своей учительницы назвали Дареджан. Сейчас Дареджан Размадзе заведует в нашей школе учебной частью.

Я начала работать в селе одна. Теперь нас 45 педагогов, среди них 25 моих учеников. Мои ученики стали агрономами, врачами, из них скомплектован почти весь руководящий состав колхоза, включая и председателя Тариэла Дзамелашвили.

Я учительница. Но сдается мне, что я участвую и в строительстве сельских дорог, клубов, больниц, провожу в село электричество и радио... Ведь все это делают люди, которых и я вводила в жизнь.

Д. Джавахишвили с ученицами.
Фото В. Джейранова.

Путь, проверенный годами

Карл ТООМСАЛУ,
директор текстильной фабрики «Пунане Койт»

Помню, как незадолго до восстановления Советской власти в Эстонии я закончил срок службы в армии и вернулся в Синди. Почуяв перемены, хозяева Синди закрыли цех пестротканей. Сотни людей остались без дела, многие — без крова, иные в поисках новой работы вынуждены были расстаться с семьями.

Было это не так уж давно... Но многое произошло за минувшее время. Четыре года я, синдиский ткач, сражался против гитлеровцев. После демобилизации поступил на таллинскую фабрику «Пунане Койт» заведующим отделом труда и зарплаты. Потом меня выдвинули директором Пярнуской льнопрядильной фабрики, а оттуда снова вернулся на «Пунане Койт» — уже директором.

Помнит ли кто-нибудь из людей моего поколения хоть один случай, чтобы простой рабочий — будь он хоть семи пядей во лбу — стал управляющим фабрики! А сейчас в Таллине многие рабочие стали директорами заводов и фабрик: сапожник Э. Суйтцс — директор фабрики «Коммунар», чернорабочий И. Риисмантель — директор фабрики «Калев»; директор швейного комбината К. Пландовская, директор завода «Кунстсарве» П. Васе и многие другие тоже были простыми рабочими в начале своей трудовой деятельности. Сотни рабочих стали инженерами, техниками, механиками на заводах.

Об этих переменах в судьбе нашего народа мы не всегда помним в кипении рабочих будней. Бывает и так, что многое заслоняют мелочи. Но когда задумаешься, становится ясно, что все — и социалистическое отношение к труду, и чувство собственного достоинства, и вера в будущее, и многое другое, что пробудил социалистический строй, — всегда будет жить в эстонском народе. Для него нет иных путей, чем путь к социализму, путь, проверенный годами. Мы никогда не откажемся от этого пути. Он нами выбран, нами принят и нам нравится.

Карл Тоомсалу со сновальщицей Агнес Лийв.
Фото С. Розенфельда.

На улицах Будапешта

У проходной Чепельского комбината.

В городе работает метро.

Продают газеты.

О ТЕХ, КТО ЯВИЛСЯ С ЗАПАДА

А. НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Одинокий мальчуган бредет по улице, маленькая фигурка его теряется среди прохожих, потом появляется вновь.

— Как зовут тебя?
— Миклош.
— А куда ты идешь?
— Сам не знаю. Может быть... к тетке? — говорит он вопросительно.
— А домой?
— Там ничего нет. Нет дверей, окна разбиты. Отца нет, матери тоже.
— Их убили?
— Да.
— А кто?
— Они.— Мальчик кивает головой куда-то в сторону, словно вслед кому-то ушедшему. Губы его начинают трястись, он судорожно пытается проглотить комок, застрявший в горле.— Они,— повторяет он. Они...

Расскажем о тех, кому малыш не в состоянии придумать названия.

Янош Дериан перешел австро-венгерскую границу 29 октября. В Зальцбурге встречался с сотрудником американской Си Ай Си в отеле «Кюхне». В кармане у него был обнаружен документ, выданный пресловутым «Венгерским национальным революционным комитетом». В документе сказано, что Дериан является «активным участником революционной борьбы» и имеет «право» носить оружие. Бумага подписана председателем «комитета» Йожефом Дудашем, о котором — ниже. А вот еще документ — записка от 29 октября 1956 года, озаглавленная «В память об Австрии». Там упоминается и имя Дериана:

«Ухожу в Венгрию бороться против коммунистов и против советских. Оставляю эту прекрасную страну, где я так хорошо чувствовал себя и провел лучшие дни своей жизни. Моя фамилия Кохут Бела, мои друзья — Тот Иштван, Март Ференц, Дериан Янош, Чике Шандор, Тот Янош, Мишик Иштван, Михель Иштван».

Янош Дериан.

Бела Кохут.

Граф К. Хедервари.

Дериан ерзает на стуле. На нем сапоги, полученные в «Каритас» — римско-католическом благотворительном обществе в Австрии. Он шлялся там по многим местам, этот дезертир, бежавший из Венгрии, чтобы не служить в армии. Он, видите ли, хотел «изучать немецкий язык» и для этого отправился в Австрию. А там... Там однажды он

Записка «В память об Австрии» и документ так называемого «Венгерского национального революционного комитета» за подписью И. Дудаша.

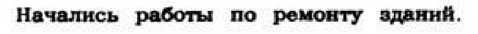
играл с друзьями в карты, и в комнату отеля вошел американский офицер. Выслушав американца, Дериан вдруг ощутил приступ сыновней любви: в Венгрии неспокойно, и он решил во что бы то ни стало немедленно повидать папочку

Торговля овощами на будапештском рынке.

Начались работы по ремонту зданий.

На автобусной остановке.

и мамочку. Он переходит границу Венгрии, причем австрийские пограничники не задерживают его. Оружие? Оружие он взял, чтобы «мстить за родителей», хотя они живы и здоровы.

Дернан нагромождает одну ложь на другую, кусая пересохшие губы. Все это заранее придумано, но слова застревают в глотке, диверсант волнуется. Просит папироску, но и после затяжки рассказ не становится складнее. Нет, он даже и не видел, как подобные ему бандиты убивали людей, грабили магазины и квартиры. А что до него самого, он и в мыслях не имел участвовать в чем-либо подобном... Он, конечно, «надеется на справедливость» и униженно просит о «великодушии».

Вот дружок Дернана — Бела Кохут. На нем спортивный костюм, на шее грязный белый шарф. Еще недавно он сидел в тюрьме в Австрии, в Гюссинге. Не успели его оттуда выпустить, как он уже постарался обегать филиалы радиостанции «Свободная Европа» в Граце и Зальцбурге, предлагая свои услуги в качестве «разоблачителя». Ему тоже давали деньги в разных «благотворительных» организациях, а в «Свободной Европе» отвалили целых 40 шиллингов. Теперь он утверждает, что в Венгрию вернулся... охранять магазины от разграблений и, конечно, чтобы «узнать о родителях». Со 2 ноября он расхаживал по Будапешту с автоматом...

Все это отребье нанимали за иудины сребреники разные шпионские центры — и организация Гелена, и «Национальный комитет», и «Венгерский комитет», и непосредственно американская разведка. Их спешно набирали в пивных, игорных домах, в тюрьмах, где они сидели за кражи. Из Франции в Австрию, из Западной Германии в Зальцбург и Линц поползли изгнанные народом «властители» Венгрии. Габсбурги, сын бывшего регента Хорти, разные гембеши, сарновы, фабианы и им подобные сидели наготове, а спущенная ими свора головорезов ринулась в Будапешт. Они «боролись за лучшую власть» и грабили магазины. Кричали о «свободе личности» и насиловали женщин. Разглагольствовали о гуманности и вешали честных патриотов. Как и водится в этом мире фашистского отребья, между ними самими уже шла драка за власть, возникали «группировки» и «партии», появлялись все новые «вожди» и «деятели».

Йожеф Дудаш — по профессии инженер, специалист по холодильникам. Но он вдруг стал героем площади Сены, где выступил с провокационной речью перед собравшейся толпой. Кто там был и что говорил, он «и сам не помнит». Потом он созвал собрание в одном из залов Будапешта. Кто успел попасть в зал, тот и голосовал за «правительство» во главе с Дудашем. Так он стал «руководителем венгерской нации». С группой вооруженных людей Дудаш явился в редакцию газеты «Сабад неп» и объявил себя главным редактором газеты, которую тут же переименовал в «Независимость». Большинство статей он писал сам. Его журналистская карьера кончилась 4 ноября. Аферисты и проходимцы, подобные Дудашу, в несметном числе пытались пролезть к власти, и, конечно, каждый изображал себя «борцом за счастье Венгрии».

Посмотрите на графа К. Хедервари. С 1927 по 1944 год он был членом сената. Таких, как он, представителей земельной аристократии там было 36. Поместья графа — 4 500 хольдов земли, лесов. Работало на него 300 батраков. Граф владел еще консервным и спиртоводочным заводами, особняком в Будапеште; 100 тысяч форинтов — таков был его ежегодный доход. Граф высказывается довольно откровенно: «Раз у человека конфисковали имущество, он не может быть другом». Граф почесывает затылок. Конечно, он не прочь вернуть все свои владения, но куда уж там... Он решил ограничиться тем, чтобы потребовать «компенсацию». На эти деньги он построил бы себе домик, завел бы огород.

— А кому же работать в огороде, ведь вам 68 лет?

— Ну, конечно, нашлись бы работники.

— Не расскажете ли, что вы делали в Будапеште в эти дни?

— Я не думал, что так получится,— уклончиво отвечает он и разводит руками.

После разгрома мятежников барон Сечени предлагал графу бежать за границу, но тот остался: а вдруг все-таки доведется делить «пирог», надо оттяпать кусок побольше... Теперь граф твердит, что «пусть будет народный строй, лишь бы ему дали «компенсацию».

На прямой вопрос, как он представляет себе дальнейшую свою судьбу, граф мнется:

— Это — смотря как. С изменениями или...

Господин граф все еще надеется на «изменения». Но ему не дождаться «изменений» в пользу помещиков и капиталистов. Народ уже сказал свое слово.

...Маленький Миклош вырастет. О нем есть кому позаботиться, и это, конечно, не те господа, которые с заокеанских трибун выступают в «защиту» венгров. Венгерский народ не нуждается в их «опеке». Миклош вырастет без них, большой и сильный, и он никогда не простит тем, кто перебрасывал через границы Венгрии убийц его родителей...

А Будапешт живет. К небу поднимаются дымы заводских труб. Кое-где позвякивают трамваи. Толпится на автобусных остановках народ, работает метро. На центральных улицах особенно много людей. В булочных прилавки полны хлеба, на базаре много овощей. Снабжение столицы продовольствием полностью урегулировано.

Особенно оживленно на улице Керут. Недавно контрреволюционеры жгли здесь книги. Сейчас книги вновь продают в киосках. Издалека слышны звонкие возгласы продавцов газет. В разбитых витринах, на лотках примостились продавцы галантереи и других товаров. По-обычному работают рестораны и кафе. На Дунае, деловито пыхтя, буксир тащит огромные баржи. В городе появилось много рабочих бригад. Повсюду встречаются люди, тянущие троллейбусные провода, ремонтирующие трамвайные пути, убирающие мусор и обломки с тротуаров. Пожалуй, самый дефицитный товар — это стекло. Его перевозят, бережно завернув в одеяла и тряпки. Стекла тщательно протирают и вставляют в витрины магазинов, окна домов.

К станкам встала подавляющая часть рабочих. Народная Венгрия с большой энергией начала налаживать нормальную жизнь.

Будапешт, 26 ноября.

Советско-румынские переговоры

В Москву прибыла правительственная делегация Румынской Народной Республики. 27 ноября в Кремле начались переговоры правительственных делегаций Советского Союза и Румынской Народной Республики. В переговорах с советской стороны приняли участие: Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, первые заместители Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян и М. З. Сабуров. С румынской стороны: Председатель Совета Министров РНР Киву Стойка, заместитель Председателя Совета Министров РНР Бырлэдяну Александру, председатель Госплана РНР Марин Гастон, министр финансов РНР Мэнеску Маня, министр внешней торговли РНР Попеску Марчел.

На снимке: во время переговоров в Кремле.

Фото А. Гостева.

Гости из Китая в СССР

Делегация Всекитайского собрания народных представителей продолжает знакомиться со страной. В Москве гости побывали на Всесоюзной промышленной выставке. Глава делегации, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей тов. Пын Чжэнь сказал, что все экспонаты, которые членам делегации удалось увидеть, красноречиво говорят об успехах коммунистического строительства в СССР.

На снимке: китайские гости в одном из залов павильона «Атомная энергия в мирных целях».

Фото В. Кошевого (ТАСС).

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН

12 ноября в Нью-Йорке начала свою работу очередная, одиннадцатая по счету, ежегодная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. На сессии присутствует около тысячи делегатов более чем от семидесяти стран мира. Среди делегатов — тридцать пять министров иностранных дел.

На снимке: делегация Советского Союза в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Справа налево: глава делегации министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов, заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов, постоянный представитель СССР в ООН А. А. Соболев.

Фото получено от фотослужбы ООН.

«Жаворонок»

«Жаворонок» — так называется румынский народный ансамбль песни и танца, с жизнерадостным, поэтическим искусством которого знакомится сейчас советский зритель. За немногие дни гастролей в Москве молодой коллектив и его солисты снискали популярность и любовь москвичей.

Программа коллектива обширна и разнообразна. В ней представлены и национальное народное творчество и произведения других народов.

Художественный руководитель ансамбля — лауреат Государственной премии Виорел Добош.

На снимке: выступление танцевальной группы ансамбля «Жаворонок».

Фото А. Трошина.

Памятник выдающемуся писателю

Тысячи трудящихся Сталинабада собрались на открытие памятника основоположнику таджикской советской литературы Садриддину Айни.

Советские читатели знакомы с творчеством этого замечательного мастера слова по его произведениям «Рабы», «Дохунда», «Бухара» и другим, которые неоднократно издавались на многих языках народов Советского Союза. Садриддин Айни был не только писателем, но и ученым. Им написано более 300 работ по истории, языкознанию, истории литературы. Ему была присвоена ученая степень доктора наук, он же был и первым президентом Академии наук Таджикской ССР.

Книги Садриддина Айни переведены на английский, немецкий, французский, индийский, польский, болгарский и многие другие языки мира.

В. НОСОВ

Фото Б. Шлихтинга.

Советские воины город за городом отбивали у врагов. Истра... Волоколамск... Боровск... Короткая передышка, и наступление продолжалось с нарастающей силой.

Декабрь 1941 года

Евгений КРИГЕР

Фото Павла Трошкина.

Пятнадцать лет назад были бои под Москвой, линия фронта подошла к сердцу России, и при мысли об этом каждому из нас, находился ли он на фронте или в тылу возле плавильной печи, становилось тесно в груди, трудно было дышать.

Враг под Москвой...

У нас, военных корреспондентов того времени, где-то в дальних ящиках хранятся блокноты с полустертыми карандашными заметками. Перелистывая один из таких блокнотов, я нашел давно забытую запись. Она не имеет прямого отношения к военной теме, в ней идет речь о людях прифронтового тыла, но воспоминание о боях под Москвой хочется начать с этой странички из старого блокнота.

Запись эта была сделана ночью в штабе полка, который расположился в единственной уцелевшей избе только что отбитой, сожженной врагами деревни.

«Ночью в штаб полка приводят пленных.

Им нужно пройти через первую половину избы, где на скамьях, на печи, на столе, на полу спит почти все население сожженной деревни. Больше людям некуда деться. Здесь грудные дети кричат на коленях у засыпающих женщин, здесь старики бормочут и стонут во сне, здесь дремлет, забывшись, усталое горе многих людей.

В другой половине избы бессонно работает штаб.

Когда дверь открывается и в клубах морозного воздуха появляются двое пленных, одна из женщин вскакивает и кричит, кричит, пятясь к стене, протирая глаза.

— Что такое? — раздраженно спрашивает кто-то из командиров в другой половине избы.

— Пленных доставили,— говорит красноармеец. — Да тут женщина испугалась. Спросонья, должно быть.

И тогда с пола поднимаются все лишенные крова, ограбленные, обездоленные, осиротевшие после того, как враги угнали в рабство многих людей этой деревни,— поднимается усталое горе. Оно обступает пленных со всех сторон, и пленные съеживаются, втягивают головы в плечи, и та женщина уже не кричит, а только смотрит на пленных, не отрываясь, как будто в первый раз увидела немецкий мундир. И старики смотрят, и дети смотрят, и пленным уже некуда деть глаза. Пленные тупо упираются взглядом в пол. Вид у них жалкий. Им холодно или страшно.

— А я думала — они,— медленно говорит та женщина, что кричала.

— Да гитлеровцы и есть,— удивляется конвойный. — Свеженькие, только что оттуда...

— Нет,— говорит женщина, и в голосе у нее уже не испуг, а что-то холодное, лютое, как декабрьская стужа.— Нет. Разве они такие были тут все время и еще вчера ночью, когда дома наши жгли? А теперь...»

Нет нужды приводить дальше эту запись из армейского блокнота. Я подумал тогда: в голосе у женщины был уже не испуг...

Мы стали тогда злыми? Нет, мы лишь взвесили горе, которое внезапно обрушилось на нас, и поднялись с этим горем, вошли с ним в войну, выстояли самые страшные месяцы и в декабрьских буранах 1941 года начали пробивать трудную дорогу к победе.

Мы знали тогда: у аккуратных генералов-гитлеровцев на все своя мерка, все подсчитают, все проверят линеечкой, заранее решат бой, как арифметическую задачу. Но часто гитлеровская линеечка оказывалась слишком короткой для измерения такой незнакомой и непонятной врагам величины, как сердце советского человека.

Мы вспоминаем первые месяцы войны, вспоминаем небо, оккупированное «юнкерсами» и «мессершмидтами», с горечью и болью вспоминаем, как сжимались кулаки у наших артиллеристов, наших пехотинцев при виде неравных воздушных сражений. Вначале враги имели численное превосходство в танках и авиации. Бессильная ярость охватывала нас, когда видели мы черные стаи гитлеровских самолетов, гнавшихся за одним — двумя краснозвездными «ястребками». «Ястребки» дерзко атаковали немецких бомбардировщиков, рушили на землю тяжелые корабли с их смертоносным грузом, но тут наваливалось на них по десять, по двадцать «мессеров», и надо было уходить, отбиваясь, надо было прижиматься к земле, к лесу, надо было обманывать противника головокружительным маневром, лишь бы выскочить, с перебитым фюзеляжем, с поврежденными крыльями дотянуть до своих, до расположения советских зениток.

Поздней осенью 1941 года враги подошли почти вплотную к Москве. Гитлеровские офицеры писали в Германию, что видят в бинокли дома русской столицы. Линия фронта проходила через дачные предместья. На окраинах города, прислушиваясь к близкой канонаде, москвичи воздвигали баррикады и противотанковые заграждения. По центральным улицам колхозные пастухи перегоняли скот из прифронтовой полосы куда-то в более безопасные места: Москва стала узлом военных дорог.

Сотни тысяч горожан были эвакуированы вглубь страны, а те, что остались, подавляя в себе жгучее чувство тревоги и горечи, работали на заводах, в учреждениях, в редакциях газет, большими отрядами отправлялись за город рыть окопы, ночами дежурили на крышах домов, а утром, в положенный час, как всегда, являлись на работу. Каждый знал, какая страшная угроза нависла над столицей, над всей страной, но не было в людях ни отчаяния, ни безнадежности. Где-то в глубине души жила уверенность: Москва выстоит, Москва никогда не будет под пятою врага.

Откуда приходила эта уверенность? Она возникала из жизненного опыта миллионов советских людей, видевших, знавших, как их страна со времени Октябрьской революции преодолевала самые невероятные, чудовищные трудности. И в бою и в труде. В битвах против белогвардейщины и 14 держав-интервентов и в легендарных усилиях первых пятилеток. Эту уверенность своим живым примером вселил в нас Ленин. А ленинское — бессмертно в народе, в партии, созданной Лениным и народом. Один пожилой человек, ученый, как-то сказал мне в те дни:

— Трудно сейчас. И может быть еще труднее, гораздо труднее. Но есть в стране сила, с которой народ все превозможет и победит.

Он помолчал и сам ответил на молчаливый вопрос:

— Наша партия...

Уверенность в победе, выражаемая не столько словами, а больше какой-то прочной и трезвой внутренней собранностью, еще отчетливее ощущалась на фронте.

Военная обстановка на подступах к столице была напряжена до последней степени. Порою командующие армиями, оборонявшими Москву, в ответ на просьбу о подкреплениях слышали односложное: «Подкреплений пока не ждите». И подкреплений не ждали, хотя знали, что подкрепления в конце концов будут и будет Победа. Самым распространенным видом обороны под Москвой были контратаки. Бои шли за каждую пядь земли, за каждую высотку, за участок проселочной дороги, за речушку, где и воды-то, кажется, не осталось: ее выплеснули рвущиеся снаряды, высушил непрестанный, яростный орудийный огонь.

В дневниках пленных или убитых гитлеровцев все чаще находили письма, где выражалось угрюмое, тоскливое недоумение: чем ближе к Москве, тем меньше надежды выжить, уцелеть. Чем ближе к Москве, тем труднее понять, кто же, собственно, наступает: гитлеровцы или русские?

И вот на какой-то черте железная, непостижимая для врагов советская оборона стала стеной на земле и в воздухе. На земле враги, гнавшие войска и технику с Западного фронта, даже из Африки, не могли больше продвинуться ни на метр. В небе германские воздушные силы получали такой отпор нашей авиации и зенитной артиллерии, что гитлеровские армады в разбитом строю поворачивали обратно, а к Москве все реже прорывались лишь одиночные самолеты.

Помню лунную морозную ночь в декабре, когда, совершенно закоченев, мы возвращались в Мо-

скву с одного из участков фронта. Во мгле что-то загромыхало, шофер метнул машину в сторону, и мимо нас, скрежеща гусеницами, прошел большой танк. Через мгновение — второй, третий... Мы встрепенулись. Шла колонна новых советских танков.

До той поры не часто нам приходилось видеть такое. Танки мы встречали, но их было мало, очень мало. Где-то уже за Можайском, ближе к Москве, мы провели один из дней октября вместе с горсточкой танкистов. Молодые парни, обросшие бородами, смертельно усталые, не спавшие несколько суток, возвращались в лес, чтобы пополнить запас горючего и снарядов, перекусить чем попало и снова вернуться в бой. Один, дожевывая кусок хлеба с вареным мясом, спросил товарища, только что пригнавшего в лес свой исхлестанный пулями и осколками танк:

— Ну что, опять идут?

— Идут! — свирепо и весело ответил тот. — Идут! Идут с битой мордой!..

Да, так было, но в ту памятную декабрьскую ночь мы впервые за долгое время увидели целую колонну новых крупных советских танков. Мы стали считать, и с каждым возникавшим из мглы танком наша неистовая радость увеличивалась так, что, выскочив из машины, мы наконец пустились в пляс под аккомпанемент гусениц, стучавших по окаменевшей от стужи земле.

— Что-то начнется! — кричали мы в моторном гуле. — Что-то скоро начнется!

И началось. В декабрьских буранах двинулась на врага ответная разящая сила советского наступления.

Гитлеровцы, печатавшие комендантские пропуска для ночного хождения по Москве, предвкушавшие банкеты в лучших московских отелях, вместо парадных сапог напялили на ноги соломенные чуни, накрыли головы бабьими платками и, перейдя от наступления к «подвижной» обороне, пятились все дальше на запад.

В их штабных приказах упоминались какие-то рубежи, где надлежит закрепиться, дать отпор внезапному русскому штурму. Но вал советского наступления отбрасывал их с рубежа на рубеж — в снега, в стужу, в страшную беду первого поражения.

В отбитых деревнях за станцией Балабаново, за Истрой, за Боровском мы встречали стариков, женщин, детей, загнанных в землянки, а в их домах, где квартировали гитлеровские офицеры и солдаты, стыло вино в недопитых стаканах, стояли елочки, празднично украшенные,— советское наступление сорвало врагам рождественский праздник. Пришлось ночевать под елками в русских лесах, на стуже, в метелях,— правда, всюду их настигал и подогревал ураганный огонь советской артиллерии и пехоты.

Нет, наступление не было легким. Враг, опьяненный успехами войны на Западе и в первые месяцы сражений на советской земле, огрызался умело и злобно; он еще верил в себя, в свою технику, в свои резервы. Поражение под Москвой гитлеровцы на первых порах считали неизбежной на войне случайностью. Но то, что казалось им случайностью, с каждым днем даже в их глазах перерастало в закономерность, тем более грозную, что причина ее была непонятной для наших врагов.

Закономерность нашей победы предопределялась характером советского человека, которого трудно рассердить, но если рассердишь — берегись! Закономерность нашей победы была предопределена грандиозным опытом Советской страны, преимуществами нашего строя, социалистической экономики, героизмом советских людей на фронте и в тылу, искусством наших полководцев. И прежде всего — организующей, вдохновляющей волей Коммунистической партии.

Советское наступление под Москвой не решало исхода всей войны. Но это было первое предзнаменование новых побед и последней великой Победы, завершившей войну далеко от Москвы, в Берлине. Советское наступление не сломило уверенности врага в том, что он еще может выиграть войну. Но с солдатами, офицерами, генералами Гитлера что-то непоправимое произошло в боях под Москвой, что-то в них зловеще надломилось. Недаром та женщина в штабе полка, увидев пленных, сказала:

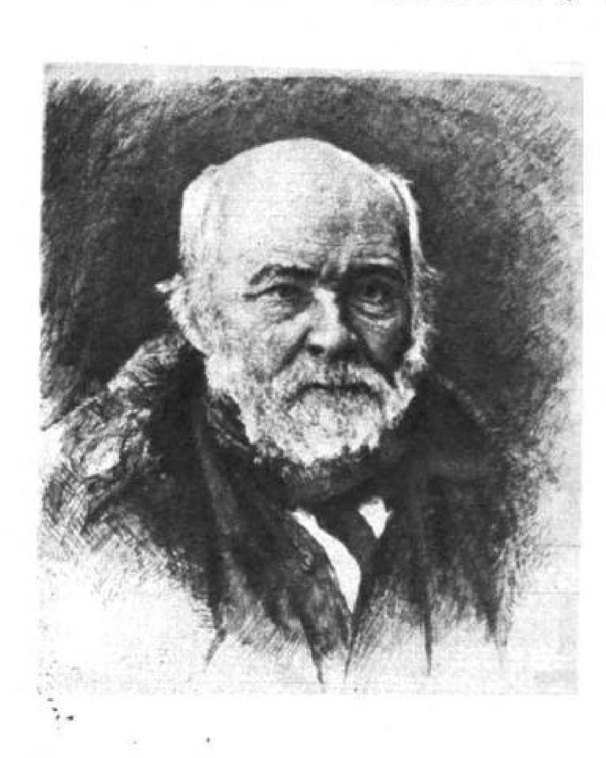
— А я думала: это они. Нет. Еще вчера они были совсем другими...

Может быть, эти слова простой русской женщины не мешает помнить всем, кто когда-нибудь задумает с оружием в руках пойти на советскую землю.

Деревня только что освобождена. В наступлении не тратят много времени на обед. Через несколько минут разведчики снова пойдут вперед.

ВЕЛИКИЙ ХИРУРГ

5 декабря — 75 лет со дня смерти великого русского хирурга и анатома, основоположника военно-полевой хирургии и хирургической анатомии Николая Ивановича Пирогова. Его заслуги перед мировой и отечественной хирургией огромны.

Блестящим хирургом-новатором и организатором проявил себя Николай Иванович во время войн на Кавказе и в Крыму. В этот период он создал ряд новых методов операций, впервые в истории войн глубоко изучил эфирный и хлороформный наркоз в военно-полевых условиях. В Крыму он широко применил гипсовую повязку. А его костнопластическая операция стопы положила начало развитию костнопластической хирургии.

Вскоре после возвращения из Севастополя из-за постоянных столкновений с медицинскими чиновниками в расцвете творческих сил Пирогов вынужден был уйти из Медико-хирургической академии. С тех пор он целиком посвятил себя педагогической и общественной деятельности. Эта сторона его жизни освещена сравнительно мало. А между тем Пирогов был одним из крупнейших педагогов второй половины прошлого века.

Педагогический талант Пирогова расцвел за 20 лет его работы в Дерптском университете и в Петербургской медико-хирургической академии. Прогрессивное выступление ученого в печати по вопросам воспитания получило одобрение передовых представителей русского общества. В течение нескольких лет Н. И. Пирогов был попечителем Одесского учебного округа.

В декабре 1859 года Министерство народного просвещения назначило в Петербурге совещание попечителей округов. Совещание должно было выработать правила о взаимоотношениях общей полиции и университетской администрации по надзору за поведением студентов. По этому вопросу Пирогов высказал свое мнение в докладной записке, недавно обнаруженной мною в Центральном государственном историческом архиве. В этой записке, поданной Пироговым 28 декабря 1859 года, выражено стремление знаменитого хирурга продолжать работу в области педагогики, которую он считает конечной целью своей жизни. Из записки явствует, что Пирогов тяготился теми полицейскими обязанностями, которые ему навязывали как чиновнику царского министерства, а еще, больше того, как лицу, за которым надзирал генерал-губернатор. Ученый смело заявляет представителю царской семьи, великой княгине Елене Павловне, и министру Е. П. Ковалевскому о том, что он должен разыгрывать роль полицмейстера, поставленного в зависимость от местного начальства.

По мнению Пирогова, для усовершенствования народного просвещения в России следует пристально изучить положительные и отрицательные стороны учебных заведений в западноевропейских странах.

Через год и три месяца после того, как Н. И. Пирогов передал эту записку, он был уволен под предлогом «расстроенного здоровья». Это вызвало возмущение передовой части русского общества. А. И. Герцен выступил в «Колоколе» с горячей защитой Пирогова.

Вскоре новый министр народного просвещения, А. В. Головнин, предложил Пирогову стать во главе группы молодых ученых, которая для усовершенствования направлялась за границу. Из-за границы Пирогов присылал отчеты и подробные письма, которые публиковались в газете А. А. Краевского «Голос». Из этих писем видно, что Николай Иванович относился весьма критически к тем порядкам, которые существовали в зарубежных университетах и средних школах.

А. ГЕСЕЛЕВИЧ,
доктор медицинских наук.

ПИСАТЕЛЬ, БОРЕЦ ЗА МИР

В первые революционные годы прошла в литературных кругах Петрограда молва о появлении нового поэта, кавалериста, недавно вернувшегося с фронта, молодого, но с седой головой, пишущего очень талантливые стихи. Особенно успешно в те годы он работал над балладой. Многие его баллады любители стихов заучивали наизусть, переписывали из журналов и альманахов, и задолго до появления первых книг Николая Тихонова его имя стало близко и дорого читателю.

Настоящий поэт всегда приходит с новой, пережитой и выстраданной им темой. Он появляется с новой, найденной им самобытной литературной формой. На перекличке поэтов его поколения голос Николая Тихонова с самых первых выступлений в печати звучал молодо и свежо, привлекая мужественностью интонаций, глубиной эмоционального воздействия, образной силой.

Перелистывая сегодня страницы первой книги Тихонова — она называлась «Орда»,— мы вспоминаем пору своей молодости, незабываемые двадцатые годы. Стихи Тихонова отличаются достоверностью и правдивостью изображения действительности. Черты времени отражены в них с удивительной точностью. Эпиграфом к «Орде» Тихонов взял строки Баратынского:

...Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил...

Эти прекрасные стихи многое объясняют в замысле книги. Составленная из произведений, написанных в 1919—1921 годах, она рассказывает о рождении нового мира. Суровые картины жизни того времени показывает нам поэт. Он не боится правды, и тем величественней становятся создаваемые им образы:

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор — золото лимонов.
Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке,
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.
Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

Как много говорит каждому из нас, людей старшего поколения, это небольшое стихотворение, которое можно, не боясь преувеличения, назвать классическим! С большой силой утверждается в нем рождение нового мира в великих испытаниях тяжелой борьбы. Но кровь, пролитая в борьбе за народное счастье, не пропадает даром, и в книге времен всегда будут бессмертны страницы, написанные в нашу эпоху.

Год за годом растет и развивается Николай Тихонов как поэт. Но тему утверждения и рождения нового мира он всегда считает родной и близкой себе. Особенно привлекают его люди времени великих преобразований, ровесники величайшей в истории человечества эпохи, озаренной гением Ленина. Тихонову сродни сильные, цельные характеры, непреклонные и упорные в достижении своих благородных целей, привлекающие своей духовной мощью.

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Уже во второй книге Тихонова возникает перед нами необъятная тема Востока. Помню, как-то Тихонов рассказывал мне о том, что еще в детские годы он был увлечен своеобразием и красочностью восточной жизни, богатством древнейшей азиатской и африканской культуры. С необычайной жадностью он поглощал все изданные в России книги о странах Востока и задолго до того, как побывал в Индии и Китае, Афганистане и Бирме, Сирии и Пакистане, хорошо изучил эти дальние страны. В начале двадцатых годов Тихонов пишет об Армении, о вольном народе Афганистана, мужественно поднявшемся на борьбу против английских захватчиков. Особенно значительной удачей молодого поэта становится замечательная поэма «Сами», рассказывающая о любви индийского мальчика к Ленину.

В двадцатых и тридцатых годах Тихонов много путешествует по советскому Востоку, мчится аллюром, «той юргой, что мила скакунам», по среднеазиатским пустыням, пешком проходит от края до края Кавказ, с опытными альпинистами поднимается на высочайшие снеговые хребты. Результатом этих путешествий становятся книги стихов и прозы, высоко оцененные Алексеем Максимовичем Горьким, любившим разностороннее и самобытное дарование Тихонова.

В это время начинается творческая дружба Тихонова с многими выдающимися деятелями грузинской, армянской, азербайджанской, узбекской, таджикской, туркменской национальных литератур и наступает блестящая пора его переводческой деятельности. Тихонов принадлежит к числу тех русских литераторов, которые сделали особенно много для укрепления дружбы советских народов.

За несколько лет до второй мировой войны Тихонов направляется на Конгресс защиты культуры, состоявшийся в Париже, и затем совершает большую поездку по странам Европы. Книга «Тень друга» рассказывает о том, что он увидел и передумал в эти дни. Эта небольшая книга полна предчувствия трагических событий в мире. Эпиграфом к этой книге Тихонов взял четыре строки из своего стихотворения, написанного еще в 1922 году:

Средь лома молний молньям всем
Они не верят и смеются,
Что чайки, рея в высоте,
Вдруг флотом смерти обернутся.

Когда воздушный флот смерти появился над нашей Родиной и грянули первые выстрелы, Николай Тихонов ушел на фронт. Имя его навсегда связано с героической обороной Ленинграда. Девятьсот дней блокады были для Тихонова временем, когда он работал с особенным воодушевлением, отдавая родной армии все силы своего дарования и весь жар своего сердца. В военные годы он трудился с исключительной неутомимостью. Помню суровую пору, когда мы вместе работали в штабе Ленинградского фронта. Тихонов жил тогда в неимоверно тяжелых условиях, как все ленинградцы. Каждое утро он появлялся в нашей комнате в Смольном и приносил в полевой сумке все написанное им за очередную бессонную ночь при свете коптилки в холодной комнате на Петроградской стороне. Чего тут только не было! Фронтовые корреспонденции и радиоречи, фельетоны и стихотворные подписи к плакатам, стихи на тему военной истории, рассказы, песни и агитационные призывы, листовки, обращенные к солдатам вражеской армии, и воззвания к населению Ленинграда... День он проводил за текущей работой в штабе, а вечером по обстреливаемым улицам возвращался домой, чтобы в привычной обстановке заставленной книгами комнаты писать все, что нужно фронту и городу.

Написанные Тихоновым в годы войны стихи и рассказы волнуют нас и сегодня силой чувства и несокрушимой уверенностью в полной победе. В статье, посвященной Николаю Тихонову, большой художник нашего времени Алексей Толстой писал: «Он первый из нас, советских писателей, находит художественный язык, чтобы рассказать о герое нашего времени, о незаметных людях... это — русские люди, которые в тяжкие дни просто, незаметно и скромно нашли в себе нравственную высоту и души их заблистали как капельки алмазных слез».

Высоко оценивает Толстой написанную Тихоновым в самые трудные дни блокады поэму «Киров с нами».

Деятельность Тихонова после войны имеет большое значение. Председатель Советского комитета защиты мира, он неутомимо трудится на своем благородном посту, совершает поездки по самым отдаленным странам Азии, укрепляя дружбу свободолюбивых и мирных народов, пишет стихи и прозу об увиденном на бескрайних просторах древнего континента.

Страстный борец за мир, член Бюро Всемирного Совета Мира, Николай Тихонов участвует в великом движении народов против войны. Убежденное слово Тихонова звучит с трибуны всемирных конгрессов и национальных конференций, на многотысячных митингах и собраниях сторонников мира. И сегодня, в напряженные дни борьбы за мир, Николай Тихонов находится в первых рядах людей доброй воли, отстаивающих мир на земле.

Николай Тихонов — неутомимый общественный и государственный деятель. Он депутат Верховного Совета СССР, секретарь правления Союза писателей СССР.

Николаю Тихонову исполняется 60 лет. Нам особенно радостно, что этот праздничный для советской литературы день он встречает в полном расцвете сил как художник. Тот, кто знаком с Николаем Семеновичем, знает, как много у него творческих планов, как много увиденного и пережитого им еще ждет воплощения, как много неопубликованных рукописей лежит в его огромном архиве. Пожелаем же ему новых побед в любимой творческой работе, так нужной всему советскому народу.

Виссарион САЯНОВ

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ КАПИТАН

Рассказ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

У них была солидная разница в возрасте: капитану парохода недавно исполнилось двадцать четыре года, механику перевалило за семьдесят, а пароходу, по техническому паспорту, насчитывалось около пятидесяти лет.

Первым умирал пароход. Он умирал вот сейчас, в тихий сентябрьский вечер, прислонившись неуклюжим кожухом гребного колеса к низкому, болотистому берегу.

Жизнь уходила из него вместе со струей пара, которая вначале весело свистела, потом издала злое шипение, и наконец пароход вздохнул последний раз, тяжело и устало, как человек, честно отработавший нелегкую, длинную жизнь.

Вечер стоял безветренный, и седые груды пара не спеша расползались в разные стороны, клубились над зеленоватой водой, опутывали теплым туманом прибрежные заросли ивняка.

От наступившей тишины повеяло холодом, и капитан Евгений Николаевич Зорин зябко передернул плечами, еще крепче впился пальцами в отполированные капитанскими руками перила мостика.

Нужно, конечно, повернуться и обязательно что-то сказать механику Василию Васильевичу. Но что? Механик со вчерашнего дня не произнес ни слова и, когда пытались с ним заговаривать, отводил в сторону глаза, угрюмо дымил аршинной самокруткой.

— Ужин Антоновна соорудила,— услышал Зорин за своей спиной хриплый, с детства знакомый голос. — Отведаем на прощание, капитан.

Сухонькая, с острыми плечами фигура механика юркнула в люк, и Евгений Николаевич прищелкнул языком:

— Совсем не ладно с дедом!

Три поколения на реке знали: никогда за пятьдесят лет службы не ходил впереди начальства по трапу главный механик Василий Васильевич Гринчук.

В каюте бойким тенорком гудел самовар. Жена Гринчука Феоктиста Антоновна, или, попросту, «тетя Фекла», работавшая на пароходе коком, с трудом посторонилась, пропуская гостей.

— Милости прошу!

Высокая и толстая старуха была грозой всей команды. Она любила вмешиваться в дела, весьма далекие от камбузного производства, ради подтверждения истины не стеснялась при случае замахнуться уполовником.

Подходя к столу, Василий Васильевич рывком сдернул с продолговатой лысой головы замасленную кепку, не глядя, швырнул ее в угол и снова ошарашил Евгения Николаевича:

— Садись, Женьчик. Не стесняйся. Уху хлебать будем.

Перехватив изумленный взгляд Зорина, старик удовлетворенно рассмеялся невеселым, злым смешком:

— Чего пялишься? Ты мне больше не капитан, я тебе не механик! Забудь всякие там «Евгении Николаевичи». Ежели хочешь знать, ты в этой каюте своевременно в штаны надела. Привел тебя покойный батько на пароход, а тут как раз гудок. Ты аккуратненько и выдал. Может, неверно говорю? Подтверди, Фекла!

Последние слова Гринчук задиристо выкрикнул и по-петушиному вскинул голову на серой жилистой шее.

— Я не спорю, Василий Васильевич,— смутился Зорин. — Вы на реке с основания флота, все знаете...

— То-то, что с основания! Двадцать двух капитанов пережил.

— Со мной вместе? — непонятно зачем спросил Евгений Николаевич.

— С тобой вместе! — жестко отрезал старик.— Ты вроде дурной карты. Перебор.

— Но поймите, Василий Васильевич...

— Ладно! Помалкивай! Фекла, достань целебную! Чокнемся на прощание.

На столе появилась массивная бутылка с мутной желтой жидкостью.

— Выступлений не надо,— строго предупредил механик.—Что ни скажешь, все равно обман. По вывеске вижу: рад.

Зорин предпочел дипломатически не отвечать, поспешно чокнулся и залпом выпил. К его удивлению, желтая бурда оказалась слабее водки и пахла свежо, луговым сеном.

— Кто как хочет, а я вторую! — опять вызывающе заявил Гринчук.

Зорин украдкой покосился на тетю Феклу. Повариха даже не шелохнулась, продолжала сидеть в углу, сложив на коленях большие, перевитые венами руки.

«Полный переворот! —незаметно усмехнулся капитан.— Старуха воды в рот набрала, а деда не уймешь. Рассказать в пароходстве — не поверят».

По молодости лет считая себя человеком чрезвычайно хитрым, Евгений Николаевич вежливо повернулся к поварихе:

— Почему вы в нашей беседе не участвуете, Феоктиста Антоновна? Присаживайтесь поближе.

Феоктиста Антоновна не успела ответить: старик превратился в сущего дьявола и все видел, обо всем догадывался наперед.

— Ты не юли! — словно клюнул он костистым носом в лицо капитану.— Говори прямо: «Не понимаю, отчего Фекла не ругается, на плохой продукт не жалуется и уполовник на камбузе оставлен?». Может, не верно говорю? Не красней! Ты не девица, а я не жених.

Пожевав узкими, сухими губами, Василий Васильевич вдруг подмигнул Зорину.

— Слыхал поговорку: «Муж и жена — одна сатана»? Ежели правильно понимать, выходит, единое существо. Так? А живое существо разные оттенки характера имеет. Вот Фекла второй мой характер и изображала пятьдесят лет. Мне-то по положению сдерживаться приходилось. Теперь, конечно, сам орать буду...

Больше за ужином они не разговаривали. Обжигаясь наваристой, золотистой ухой, капитан думал, что Гринчук от старости чуточку не в себе.

— Мне пора, — поднялся Зорин из-за стола.— С командой попрощаешься?

— Ни к чему! — буркнул механик.— Спать лягу.

Уже в дверях Евгений Николаевич на всякий случай предложил:

— Не забывайте, Васильич. Вас ведь любой капитан возьмет.

— Ступай! Не волынь! — махнул рукой старик.— Дизеля не про меня придуманы. Будильники!

Он проснулся от странных, глухих ударов. Удары были неровные, тупые, от них шумело в висках, и старый механик сразу насторожился, прислушался: что произошло в машине?

А спустя минуту он уронил на подушку голову и беззвучно всхлипнул: машина молчала. В непривычной тишине под заштопанной тельняшкой билось его собственное сердце...

Из далекого-далекого прошлого выплыло полузабытое лицо Карла Францевича. Попыхивая коротенькой трубочкой, механик любил повторять молодому машинисту:

— Человек есть материал плохой. Быстрый износ без гарантии. Паровой механизм — материал патент. Мы умирать, он продолжать работать.

Немца машина пережила, как пережила многих матросов и капитанов. А вот он, Гринчук, очевидно, задержался сверх положенного срока и дотянул до беспощадной резолюции начальства о списании с эксплуатации парохода «Буревестник» и переоборудовании его под временное общежитие для рабочих перевалочной базы...

Стараясь не разбудить Феоктисту Антоновну, Гринчук отыскал впотьмах робу и осторожно выбрался на палубу.

Легкая волна, нудно причмокивая, плескалась о борт; над рекой, у самой воды, плавала молочная пена предутреннего тумана.

У Василия Васильевича опять защемило в горле, неприятно задергались веки.

Туман напоминал клубы пара, вытравленные из котла, и казалось, это живая душа парохода все никак не хочет отлететь от него, сиротливо просится обратно в горячее железное нутро...

«В детство впадаю! — рассердился на себя механик.— Скоро коврижки из песка начну лепить!..»

Надрывно завыла сирена, и, приминая туман, медленно выполз буксирный теплоход, похожий на короткий тяжелый утюг. За ним, недовольно поводя из стороны в сторону широкими носами, тянулись две баржи, взбивая шипучие буруны. Сирена повторила требовательное завывание, а потом, словно догадавшись, пренебрежительно умолкла.

«Буревестник» молчал, не имея пара на ответный гудок.

Поднятая баржами волна покачнула палубу, и, не сдержавшись, механик погрозил кулаком уходящему буксиру:

— А всё вы, мазутники проклятые!

Втайне Василий Васильевич винил капитанов буксирных теплоходов. Если бы по реке попрежнему ходили баржи среднего тоннажа, то, конечно, еще пять — шесть лет «Буревестник» продолжал бы рейсы. Но нахальные буксирники, не считаясь с техническим расчетом, принялись таскать огромные баржи-рудовозы, предназначенные только для низовья, далеко вверх по течению забили реку караванами и без конца жаловались в пароходстве на «Буревестник» за неповоротливость и малую скорость. Рудовозы могли двигаться вверх среди крутых поворотов и частых мелей лишь после отгрузки лишних тонн, вполне допустимых на низовье. Пришлось создать на голом болотном берегу перевалочную базу: жилье для крановщиков строилось медленно,— и это окончательно решило судьбу «Буревестника»...

«Утром появятся квартиранты,— фыркнул Гринчук. — Не пассажиры, а квартиранты. Тьфу!»

Поеживаясь от сырости, он спустился в машинное отделение и включил аккумуляторную лампу. Голубоватый свет ярко вспыхнул, осветил неподвижные стальные шатуны, золотыми искорками рассыпался на медных шарах старомодного регулятора. Дохнуло родным теплом еще не успевшего остыть металла.

На протяжении десятилетий было понятно: если мягко пришептывают поршни в цилиндрах, неторопливо мелькают гранеными углами мотыли на гребном вале и в масленках держится уровень масла,— значит, все в мире устроено, механик Гринчук живет на белом свете. Работу паровой машины он относил к таким самим собой разумеющимся вещам, как необходимость дышать воздухом, мыться под горячим душем, не замечать трубного голоса Феоктисты Антоновны.

Вот и кончилась жизнь. Не похоронен, а вроде мертвый...

Сквозь стекло верхнего люка в машинное отделение пробились неяркие лучи солнца, потускнела аккумуляторная лампа, и Гринчук направился в кладовую за красками.

Кто-то из начальства приказал немедленно замазать название «Буревестник» на кожухе гребного колеса и написать «Общежитие». Не впервые на памяти Василия Васильевича менял пароход свое имя. Сначала на нем медными буквами сияло: «Князь Тугаев». Купец Криночкин, владелец парохода, мечтал породниться с знатью и назвал так пароход в честь жениха дочери. Молодой Тугаев женился и, захватив приданое жены, удрал за границу.

Разъяренный Криночкин примчался на пароход и зубилом собственноручно содрал кованые буквы.

— А эти пусть остаются! — хихикнул купец.— Из князя стал он язем.

После революции «Язь» переименовали в «Буревестник», а теперь, стоя на дощатом трапе, опущенном на берег, Гринчук аккуратно вывел: «Общежитие» — и, подумав, решительно дописал: «№ 1».

Но на правом кожухе, со стороны реки, по-старому красовалось: «Буревестник»...

Неприятности начались в тот же день. Все мужчины с перевалочной были на работе, а их жены, пришедшие с чемоданами и узлами на пароход, резко отличались от пассажиров. Они занимали места не согласно купленным билетам, а выбирали каюты попросторнее и посветлее.

Василий Васильевич до хрипоты ругался, призывал к сознательности и разбирал сложные хозяйственные вопросы: куда девать козу и двух поросят?

К ночи все более или менее устроилось, на столиках закоптили керосиновые лампы, задымила труба над камбузом, и Гринчук еще раз обошел пароход, строго предупреждая:

— В случае чего огнетушитель в коридоре.

Бывшую каюту капитана Василий Васильевич решил пока попридержать, забронировать на крайний случай. Вспомнив, что она осталась незапертой, механик, позвякивая связкой ключей, подошел к каюте, дернул за дверь и, вскрикнув, испуганно отпрыгнул.

Из густой темноты на него смотрели два немигающих яркожелтых глаза, перечеркнутых посредине черной полоской, и раздался такой нечеловеческий, рыдающий вопль, что по спине пробежали колючие мурашки, ноги приросли к палубе.

— Кто там? — произнес сонный голос.

— Комендант,— еле выдавил Гринчук.

В каюте зажглась свеча, и старый механик задохнулся от бешенства.

— Ты что делаешь? Что делаешь, а?

На койке капитана безмятежно полулежал рыжий парень в майке, на столе возвышалась клетка с большим нахохлившимся филином.

Рыжий участливо предложил:

— Сбегать за валерьянкой?

— Бандитская морда!

Парень внимательно посмотрел на Василия Васильевича и заключил:

— Ага! Значит, в народный суд. Жалобу за оскорбление личности.

Слово «суд» как-то сразу остудило механика, он сухо спросил:

— Фамилия?

— Надкриничный Дмитрий Андреевич. Крановщик.

— В отдельной каюте положено находиться только женатым. Понятно?

— Так бы и сказали! — ни с того ни с сего обрадовался крановщик.— Завтра будет супруга.

— Ты надо мной шуток не строй! Выметайся!

Надкриничный потянулся и зевнул:

— За семейное счастье вступится общественность. Зачем вам лишние неприятности?

Встретившись со спокойным, насмешливым взглядом, Василий Васильевич окончательно понял, что жилец никуда из каюты не переселится, хоть кричи и топай на него всю ночь.

«Черт с ним! — решил механик. — Завтра уйдет на кран, дверь запру, и пусть прыгает. Не стоит нервы портить!»

Чтобы ничем не выдать своего коварного замысла, он грубо ткнул пальцем в клетку с филином:

— Убери! Вздумал нечисть держать!

— Предрассудки! — Надкриничный взял со стола папиросу и прикурил от свечи.— Очень удобная птица. Я, видите ли, против замков и разных задвижек. Вот и завел ночного сторожа. Всегда будит при появлении посторонних. Разрешите вопросик?

— Ну?

— Вы давно в домоуправах состоите? Что-то вежливости у вас маловато...

Вместо ответа Гринчук с размаху хлопнул дверью.

Утром, как ни рано поднялся Василий Васильевич, его все равно опередил ярый защитник незапертых помещений. На капитанской каюте в двух аккуратно вбитых скобах уже висел новый замок.

«Взломаю! — Механик решительно направился за ломом, но, сделав несколько шагов, тяжело вздохнул: — Это ж теперь не каюта, а квартира. Милицию позовет, рыжий прохвост! Ну, а если...»

Разработать новый план выселения Гринчук не успел. Из камбуза донесся пронзительный женский крик:

— Убивец! Не дам детей морить! Не дам!

Придерживая помятый козырек кепки, Василий Васильевич ринулся на помощь.

От дверей камбуза с чайником в руке пятился тихий, неразговорчивый слесарь Катков, и на него, размахивая кулаками, наступала же-

на крановщика Ильюшина Груня. С растрепанными волосами, выпятив вперед из-под халата округлый живот, она исступленно визжала:

— Смерти моей захотел! Глаза твои бесстыжие!

Увидев механика, Груня мгновенно залилась слезами:

— Куда комендант смотрит? Обиду за обидой наносят!

— Я ничего...— растерянно лепетал Катков.— Я только чайник думал вскипятить.

— Чайку пожелал! — снова взвизгнула Груня и рванулась к слесарю.— Может, с лимоном прикажете, с вареньем? А у меня дети мал мала меньше! Кто их накормит, кто?

— Но вы же всю плиту заняли, тетя Груня! Мне бы одну конфорку...

В стороне, прислонившись к поручням, стояла Феоктиста Антоновна. Стояла молча, плотно сжав губы, чужая, никому здесь не нужная...

Гринчук украдкой посмотрел на жену и, втянув голову в плечи, незаметно отошел на корму.

Наспех сколоченный загон до неузнаваемости изменил этот уютный уголок парохода. Над косо прибитыми досками торчала острая морда козы с осовелыми от сытного пойла глазами.

«Заготскот! — горько скривился Василий Васильевич.— В трюме свинарник, наверху животноводство, и в капитанской каюте птичник...»

— Задний ход, тетя Груня! — прогремел возле камбуза голос Надкриничного. — Кухня общая!

Что ответила Груня, механик не расслышал, а Надкриничный, словно лучший друг и приятель, первым бросился навстречу Гринчуку:

— Дорогой управитель! Окажите честь, познакомьтесь с моей благоверной.

Одним духом выпалив такую замысловатую фразу, крановщик легонько подтолкнул к Василию Васильевичу худенькую девушку.

— Валя,— сказала девушка и покраснела.

Ошеломленный механик осторожно пожал теплую ладонь и упрямо пробормотал:

— Женатый — еще не семейный...

— Чудите, папаша! — возмутился Надкриничный.— Все в свое время. Не могу же я скоростным методом!

— Митя! — прикрикнула девушка.— Ты опять?

— Молчу, молчу! — торопливо перебил ее крановщик и небрежно распорядился: — Объявите по домоуправлению: в субботу свадьба.

Поздно вечером Гринчука разыскала Ильюшина. Вытирая полные, по локти обнаженные руки, Груня слащаво запричитала, почти запела:

— Оказал ты помощь Митьке, Васильич. Век он тебя благодарить будет! Прямо счастье ему приблизил...

— Что плетешь? Какое счастье?

— А то ты не знаешь! — кокетливо погрозила пальцем Груня.— Ведь Митька пять месяцев за Валькой увивался. Она девка самостоятельная, не спешила за трепача выскакивать. А сегодня Митька ей объяснил, что, если не поженятся, жилплощадь потеряют. На тебя сослался: дескать, Гринчук советует...

— Иди ты!..— рявкнул механик.

В своей каюте он долго пил воду и, утершись рукавом, жалобно шмыгнул носом.

— Не по мне эта должность, пропади она пропадом! Что с тобой, Феклуша?

Феоктиста Антоновна лежала на койке, бледная, с нездоровой испариной на лице.

— Худо, Василек. Ноги не держат...

Подняться с постели поварихе не пришлось. Не помогли ни растирания целебной настойкой, ни старые чулки, набитые горячими отрубями.

Из города приезжал доктор. Он внимательно осмотрел Феоктисту Антоновну, прописал уйму порошков и в коридоре на все вопросы Гринчука уклончиво ответил:

— Возраст...

Механик окончательно забросил комендантские обязанности, ни во что не вмешивался.

Река покрылась голубой пленкой первого льда, навигация закончилась, и на зиму на пароходе остались лишь те, кто занимался ремонтом кранов и транспортеров, и их семьи — всего около восемнадцати человек.

Не переехал в город и Надкриничный. Он возглавлял ремонтную бригаду, и как-то само собой получилось, что по всем неурядицам общежития начали обращаться к нему. Рыжий крановщик ввел очередность на камбузе, шутя успокаивал скандалистов, а иногда, если поблизости не было Вали, не стеснялся обложить виноватого крепким мужским словом.

В общем, квартиранты жили дружной, большой семьей, и лишь Груня Ильюшина, опасаясь вступать в открытую схватку с Надкриничным, вымещала злость на Гринчуке.

— И за что человеку деньги платят? — шипела она вслед проходящему мимо Василию Васильевичу.— Комендант называется! Митька полную власть захватил!..

Но Гринчук не замечал язвительных выпадов Ильюшиной. Он старался ничего не замечать.

Первое время с Гринчуком пытались заговаривать, звали в гости. Митька, доставлявший из библиотеки книги, предложил ему почитать что-нибудь, но он угрюмо буркнул:

— Очки потерял. Отвяжись!..

Митька почесал затылок и, глядя Гринчуку прямо в глаза, задумчиво сказал:

— Звереешь ты, дед. Скоро, пожалуй, кусаться начнешь. Ума не приложу, какой к тебе подход требуется...

Василий Васильевич вздрогнул, съежился и поспешно отошел. Надкриничный ударил его по самому больному месту.

Механик уже давно со страхом ловил себя на мысли, что его раздражают человеческие лица, злит беззаботный смех.

Если раньше он любил с добродушной улыбкой наблюдать резвящихся на палубе детей пассажиров, то теперь его доводили до бешенства безобидные проказы ребятишек Ильюшиной. Обнаружив пятилетнего Сашу, пыхтевшего от натуги, возле штурвального колеса, Гринчук отшвырнул мальчишку, наградил подзатыльником и с остервенением заколотил двери рубки дюймовыми гвоздями. Стальные шляпки брызнули под молотком синими искрами, едва не задохнулся от дикого рева смертельно обиженный Саша, и с тех пор к Василию Васильевичу с легкой руки Груни прочно приклеилась кличка «Тронутый».

Кличка тоже не подействовала. Он попрежнему упорно не замечал обитателей парохода, как упрямо не верил в плохой исход болезни Феоктисты Антоновны.

— Ты не переживай, Феклуша,— говорил он жене.— Отлежишься. С первым паводком встанешь. Точно...

Каждое утро, с полчаса смущенно потоптавшись у ее койки, Гринчук воровато выскальзывал из каюты и старческими шагами пробирался в машинное отделение.

Здесь он усаживался на дубовый, насквозь пропитанный жирной смазкой табурет, сворачивал потолще самокрутку и просиживал в одиночестве весь день, до ранних зимних сумерек.

Если бы его спросили, о чем он думает в эти длинные, тягучие часы, механик не смог бы ответить. Просто тут никто не мешал, не приходилось выслушивать пустопорожних разговоров, и холодный, с застывшими на последнем взлете шатунами двигатель все равно согревал душу, был роднее и понятнее, чем ненавистные квартиранты общежития. Иногда, заметив осевшую пыль, Гринчук машинально доставал ветошь и терпеливо натирал до блеска металл, старательно попыхивая махорочным дымком с видом занятого настоящим делом человека...

Однажды в машинное отделение с грохотом скатился по трапу Надкриничный. Он с любопытством повертелся вокруг машины и, прочитав дату выпуска и марку английской фирмы, насмешливо протянул:

— Ну и древность!.. Собственноручно изготовлял Уатт.

— Сам ты гад! — отозвался с табурета Гринчук.— Катись отсюда!

— Давайте без выражений! — миролюбиво предложил Митя и добавил: — А пыхтелка все же зря пропадает. Надо в пароходстве потолковать. Пусть хоть на мельницу пристроят, что ли...

Механик вскочил с табурета и, сжав кулаки, шагнул к Надкриничному. Губы у него затряслись, зрачки потемнели, и изумленный крановщик, забыв про свой дурашливый тон, грустно покачал головой:

— Эх, дед! Съело тебя железо...

Митька ушел, а Гринчук прибежал в каюту и схватился за голову.

— Что делать, Фекла? Рыжий хочет двигатель забрать. Кому жалобу написать, а?

Повариха с трудом подняла на мужа тусклые глаза:

— Вези меня в город, Василек. Пора...

Феоктисту Антоновну похоронили в конце декабря. Она умерла в больнице, где пролежала около месяца.

В день похорон стояла оттепель, с неба падали по-весеннему крупные снежинки, и низкорослый мерин, тянувший розвальни с гробом, старательно втаптывал в грязь пушистые белые звезды.

За розвальнями шли три внука, Гринчук и капитан Зорин как представитель профсоюза водников. Возле ворот кладбища из снежной пелены неожиданно вынырнул курносый попик с мокрой бородкой. Он подобрал рясу и, ни слова не говоря, деловито зашагал рядом.

Зорин, не получивший у начальства никаких инструкций насчет религиозных обрядов, растерянно кашлянул.

— Она так хотела,— глухо сказал механик.— Всей работе полсотни цена...

Потом в ближайшей забегаловке они выпили по стопке водки и несколько минут молчали, пристально изучая талые лужи на полу. Из луж пялились слепые глаза оторванных селедочных голов, и плавали разбухшие окурки дешевых папирос.

— Переночуйте до завтра, дедушка,— не особенно настойчиво предложил один из внуков.

Ничего не ответив, Гринчук расплатился и направился к выходу. На перекрестке он задержал попутный грузовик и, не прощаясь, забрался в кузов.

К пароходу механик приехал вечером. Оттепель кончилась, и морозный ветерок лохматил бурые струйки дыма над загнутыми кверху жестяными трубами, торчавшими вдоль борта из иллюминаторов. Печки-времянки появились в общежитии после очередного скандала, учиненного в пароходстве Надкриничным.

Василий Васильевич поднялся на пустынную палубу и, никем не замеченный, тут же оказался в машинном отделении.

Аккумулятор ослабел, и лампочка едва затеплилась полукольцом желтых ниточек.

Механик не присел, как обычно, на табурет, а, нахмурив брови, встал перед машиной и поглубже засунул руки в карманы поношенной форменной шинели.

Сузив глаза, он пристально рассматривал двигатель, подолгу задерживал взгляд на отдельных деталях, словно впервые видел известный до последнего винтика механизм...

Вот пузатая медная масленка на левом цилиндре. Она сорвалась в тот далекий день, когда появился на свет старший сын, Миша. Миша был неплохим хлопцем, немного бесхарактерным. Хотел выучиться на инженера, но почему-то помер в бухгалтерах. Внук от Миши играет в городском оркестре на тромбоне. Он ему совсем чужой...

Динамо и распределительный щит появились недавно — лет двадцать назад. До этого машинное отделение освещалось керосиновым фонарем в металлической решетке. Фонарь висел на прочной тонкой цепочке, и, когда заработало динамо, Гринчук подарил цепочку младшему, Васе. Вася держал на ней пятнистую дворнягу.

Приезжая к Васе на денек, он обязательно интересовался:

— Цепочка-то цела?

— В сохранности, батя.

Шли годы, дворняга околела. Вася завел овчарку, а он продолжал спрашивать:

— Не порвалась цепочка? Нет? Ну и добре. Я на пароход. Клапана нужно подогнать...

Что он знал о младшем сыне? Высокий, светловолосый. Не дурак выпить, работал в пожарной охране, погиб под Смоленском.

Разве он не любил своих детей? Любил, да все откладывал заботу о них из-за сорванных масленок, непритертых клапанов, разболтанных подшипников...

Его награждали почетными грамотами — он считал это заслугой машины. Вручали после войны медаль «За трудовую доблесть» — развел на трибуне руками, искренне не понимая, за что его награждают. Не он же, Василий Васильевич Гринчук, а хорошо отрегулированный двигатель помог перевыполнению плана перевозки пассажиров...

Сегодня он похоронил Феоктисту Антоновну. Похоронил уже давно чужую, уставшую от одиночества рядом с ним. И на прощание она услышала не слова заботы и утешения, а дурацкую жалобу на рыжего Митьку...

А в начале века вся команда «Язя» удивилась, почему румяная хохотунья-повариха обратила внимание на хлипкого помощника машиниста. Не удивлялся лишь он один. Ведь никто не знал, сколько горячих любовных клятв произнес до венчания молодой машинист, сколько ночей просидел он с Феклой на корме, сколько рублей истратил в ярмарочные дни на дорогие шали! Но после свадьбы в пароходном буфете Карл Францевич сердито напомнил:

— Человек имеет семью. Больше заботы машине, больше денег...

И он, как казалось ему, исключительно ради благополучия Феклы начал лишние часы проводить в машинном отделении. А с женой разговаривал преимущественно все о тех же масленках и клапанах.

Феоктиста Антоновна в первые месяцы совместной жизни со страхом наблюдала за переменой, происшедшей с мужем, украдкой плакала, а привыкла, стала изливать тоску в спорах на камбузе, в ругани с матросами...

Признаваться надо до конца. Он обманывал и ее и себя, уверяя, что согласился на комендантство из-за привязанности к пароходу. Просто они так и не успели, как другие, обзавестись своим домиком под яблонями, на окраине города...

Не выдержал патентованный механизм, списан за ненадобностью, а он продолжает жить с неизрасходованной, не отданной людям душой. Поздно, слишком поздно начинать все сначала. И все же в груди бьется слабое, но не остывшее человеческое сердце...

— Подохла? — вдруг громко спросил механик, вынул из кармана руку и показал машине кукиш.— На, выкуси!

Он круто повернулся и почти бегом перебрался в кочегарку.

Опушенные инеем дверцы топки звонко клацнули, обожгли промерзлым металлом кожу на пальцах. Василий Васильевич зажег спичку, осветил решетку колосников, затем заглянул в бункер, где хранились остатки угля, и, подув на озябшие ладони, отправился на корму за дровами.

По всем правилам, как и полагается опытному кочегару, он сложил на колосниках крест-накрест «костер» из березовых поленьев, насыпал на него сверху десяток лопат угля и лихорадочно схватился за рычаг ручной помпы, чтобы накачать в котел первые кубометры воды.

Несмазанная помпа пронзительно заскрипела, пот горячими струйками защекотал спину, но Гринчук, тяжело дыша, все нажимал и нажимал на рычаг.

— Это ты правильно решил, дед. Молодец!

Механик испуганно оторвался от помпы. В одной тельняшке, равнодушный к морозу, стоял Надкриничный и улыбался широкой, понимающей улыбкой.

— Давно пора проверить котел,— продолжал крановщик.— Батареи парового отопления не то, что «буржуйки». От этих одна вонь. А люди тепло любят...

Густая темнота декабрьской ночи скрыла не менее густые красные пятна, выступившие на сером лице Василия Васильевича.

— Псих! — тихонько промычал механик.

Митя услышал и насторожился:

— Начинаются выражения?

— Не тебе,— смущенно кашлянул Гринчук.— Помпу не смазал. Скрипит.

Не рассказывать же в самом деле, для чего он сдуру хотел поднять пары.

«Ну и напасть ударила в голову! — Он зябко передернул плечами.— Нашелся герой: разбудить завтра гудком жителей, объявить, что я хороший, всех уважаю, приступаю к обязанностям. Связали бы — и в сумасшедший дом. А парень — молодец! Подавай людям тепло — и точка!»

— Слушай, Митя,— сказал Гринчук неожиданно виноватым голосом,— пока помпу смажу, слетай ко мне в каюту, возьми молоток и зубило. Оторви в штурвальной рубке двери. Можешь и штуртросы перебить. Чтоб легче вертеть...

— А?.. — издал непонятный звук Митя и весело приложил ладонь к непокрытой голове.— Есть, капитан!

Василий Васильевич грустно улыбнулся. Наверно, и вправду пора стать ему последним по счету капитаном «Буревестника» — двадцать третьим.

Альбом учителя

Переплет этого альбома изрядно потерт. И не удивительно: 35 лет прошло с той поры, как на страницах альбома учитель Нестор Леонтьевич Балтян впервые разместил портреты своих лучших учеников — питомцев сельской школы в Синнае, Одесской области.

Еще юношей мечтал стать учителем Нестор Балтян — сирота, батрачивший у богатеев. Но только после Октябрьской революции удалось ему получить среднее образование. Окончив в Балте школу для взрослых, Нестор Леонтьевич возвратился в родное село и здесь организовал школу для детворы. Обучая ребят, он сам продолжал учиться и на сороковом году жизни получил диплом Одесского педагогического института.

Нестор Леонтьевич Балтян.
Фото Ф. Федорова.

В Синнае, на пришкольном участке, оборудована метеорологическая станция. Все приборы ее выполнены силами учеников под руководством Нестора Леонтьевича. Неподалеку, на травяном зеленом ковре, учитель и ученики создавали рельефную карту Украины. Здесь в миниатюре показаны все богатства республики: ее реки, плотины, шлюзы, гидростанции, рудники, месторождения полезных ископаемых. Старый учитель воспитывает в детворе любовь к родному краю.

В альбоме, который бережно хранит Нестор Леонтьевич, собраны портреты сотен питомцев школы.

На одной странице несколько портретов учительниц Осадко, Ковальчук, Кожухар... Когда-то они сидели на парте перед Нестором Леонтьевичем, а теперь учитель Балтян зовет их своими коллегами.

В рядах Советской Армии служит полковник Федосий Пятковский, отличившийся в годы Отечественной войны. Передовыми методами работы известен железнодорожный машинист Петр Олейник. На шахтах Донбасса трудятся горняки Сергей Лисницкий и Иван Гажий.

Одна из страниц альбома.

Среди учеников Нестора Леонтьевича 56 учителей, 9 агрономов, 8 инженеров, 14 медицинских работников, 7 ученых, 15 железнодорожников, 100 трактористов и шоферов, немало знатных бригадиров и звеньевых в колхозах.

Нестор Леонтьевич переписывается со своими питомцами, которые живут и трудятся в разных уголках нашей необъятной Родины. Частенько на его имя приходят в Синнаю письма со штемпелями Москвы, Ленинграда, Бреста, Днепропетровска. Нередко бывшие ученики и сами навещают учителя, приезжая во время отпуска погостить в родное село.

Н. ХАЛЕМСКИЙ

Где водяной хозяин?

Василий ТИТОВ

Фото В. ТЕМИНА.

Бараба, Березовая степь, озерный и травный край, что залег между Иртышом и Обью. Край сибирских маслоделов, край животноводства.

Селения встали в этой раздольной Березовой степи на невысоких, да широких, долгих, иногда километров в тридцать — сорок в длину, гривах. Рассыпались по гривам, разбежались во все стороны, словно побродить вышли в степь, березовые колки. А между ними нивы, и пашни, и луга, и выпасы. По гривам вьются дороги. И часто бывает, оставишь дорогу, увлечешься какою-нибудь пестрой — вся в цветах — давно нехоженой тропою, уйдешь по ней в сторону и сам не заметишь, как начнет уже хлюпать под сапогом вода и болотная жижа между трав пузыриться. Грива кончилась, начинается неоглядное, на много верст и в длину и в ширину, болото. Там же, где болота осушены, в пояс травы встают, да такие, что в них и в самих заплутать можно. Верный путь в степи не тропа, а дорога. По ней ты выйдешь и к селению, и к покосным займищам, и к кирпичным строениям ферм и МТС, и на колхозные пастбища.

Под вечер, когда холодеет воздух и встают над низинами туманы, можно услышать, как хорошо поет где-нибудь на пастбище пастушья сибирская берестяная «дуда», и в этот час все дороги в степи пахнут молоком. Качая полным, распертым выменем, бредут к фермам и загонам сытые пестрые коровы «сибирки», роняют на дорогу белые капли молока. Капли заворачиваются в мягкую пыль, раскатываются по дорогам и лежат на них скатным серым жемчугом до утра.

А всего немногим более полста лет назад Березовая степь была совсем сплошным непросыхаемым болотом. Редкие селения стояли по тихим, ленивым речкам, и было здесь до того «людно», что сами о себе жители так говорили: «Тут от чалдона до чалдона, что от Березова до Дона».

Осохла местами неоглядными и обселилась Березовая степь сравнительно недавно — с конца минувшего века, когда через нее на восток к Оби, а потом дальше и до Байкала пробежала великая Сибирская железнодорожная магистраль. Дорогу эту, обновившую тогда Сибирь, строил тут, в Березовой степи, неутомимый изыскатель и замечательный русский писатель Н. Г. Гарин-Михайловский. Другой талантливый человек и тоже неутомимый изыскатель и «покоритель болот», И. И. Жилинский, проложил в степи первые осушительные каналы. Началось это в девяностых годах прошлого века, когда еще и Новосибирск не поднимался, а на его месте в вековом бору стояло глухое обское село Кривощеково да на левом берегу под редкими соснами ютилась сторожка рыбака Гусева. Вот тогда, когда пролегли в степи первые немудреные осушительные каналы, что сбросили воду из заболоченных мест в реки да озера, стало возможным и первоначальное заселение Барабы. С Калуги, с Черниговщины, со Смоленщины и Орловщины потянулись тогда в Березовую степь первые поселенцы, встали на гривах новые селения. И занялись переселенцы сразу молоком. Давала его неказистая корова «сибирка», что с незапамятных времен водилась в степи. Так началось барабинское маслоделие. Развилось оно и выросло в целую промышленную отрасль Новосибирской области особенно тогда, когда после коллективизации степь перешла на «колхозный двор». Взялся тут прежде всего народ за улучшение своей «масляной» коровки. Долго и хорошо работали над нею барабинские животноводы. Спаривали они ее с молочной, удойной породой остфризского скота, и старая «сибирка» на глазах менялась. Она становилась крупнее, молочнее, однако же упорно сохраняла и прежние свои лучшие качества — неприхотливость к кормам, привязанность к вольным выпасам, выносливость, отличную терпимость к морозам и всем передрягам климата. Встали на степи крупные механизированные маслозаводы; до минувшей войны Березовая степь столько давала масла, что оно эшелонами шло и на запад и на восток.

А вместе с маслом стала давать колхозная Березовая степь и хлеб. До колхозной поры в Барабе мало сеяли хлеба. Считали выгодным покупать его в соседней засушливой, но богатой пшеницей Кулунде, меняли масло на хлеб. Но пришли тракторы в колхозную деревню, и заколыхались в Березовой степи на гривах хлебные поля. Красноярская пшеница хорошо взялась на барабинских открытых гривных почвах, а рожь зашла в леса, и запестрела степь между колками тучными ржаными нивами, не знающими неурожаев...

Долго бродил я и ездил по гривам Куйбышевского и Барабинского районов Березовой степи, жил что ни на есть в самом сердце огромной Барабы, а везде слышал одно и то же: трудно стало добывать здесь масло.

Вот пошел я однажды знакомой дорогой на одну, давно известную мне гриву, где стоят села Чикуново, Микушино, Ново-Российка, Ефремовка, Кузнецово. Угодье в тридцать восемь тысяч гектаров! Пересекали его когда-то во многих направлениях немудрые, старые, но отлично справлявшиеся с делом каналы, и лежала эта грива совсем на сухý.

— А ты в Чикуново-то не ходи, — сказал мне у околицы Ефремовки, едва встретились и едва успели поздороваться, древний дед Истома Данилыч Березов, с которым когда-то охотились мы в урманах, — ты, милочек, туда не ходи, там теперь всего два двора осталось.

— Как же это так?

— А я почем знаю, как? — отвечал старик. — Там луга подтопли, так люди на сýхо к нам поближе перебрались. Да что толку-то! При всех при нас только сейчас и содержим сто девяносто четыре дойные коровы, а всего-то рогатого скота на наших угодьях имеется пятьсот голов. Вот она какая, арифметика! Хоть совхоз зови сюда володать, сами не растем. Живем за счет удоев только, а стадо наше никак не растет.

— А отчего это, Данилыч? — спросил я.

— А как тебе сказать, отчего? Тут у нас главное — водяного не стало.

— Кого?

— Водяного!

И старик рассердился:

— Да что у тебя, понимания нету? Водяного хозяина не стало, без водяного хозяина живем. Вон луга-то видел, как подтопли? А каналы заросли. Их, почитай, лет двадцать не чистили, лопатой не трогали. Ну вот и тонут луга, сенов взять стало негде. Вот, выходит, водяного хозяина у нас и нет. А без сенов нам и расти некуда. Корма, корма, милочек, все корма! У коровы молоко на языке, а масло у нас на лугах. Трудно его стало делать, трудно.

«Ладно, — думал я, шагая днем позже по другой гриве, что лежит на север от старого Каинска, ныне Куйбышева, туда, где стоят села Степановка, Новоплотниково, Соколовка, — ладно, ефремовцы подкачали, но степановцы-то попрежнему, видимо, ведут свое хозяйство как надо. У них, видимо, разговоров о кормах не услышишь».

Степановка — село старое и большое. Было отрадно видеть, что оно строилось. У покосившихся и покривившихся от времени изб стояло много новых собранных и разобранных срубов. На «сушине», поодаль села, выкатил под солнце крутые бревенчатые стены новый скотный двор, рядом строился второй — «литой», шлакобетонный. На берегу Ичи, у самой воды, вытянулось крепкое здание свинарника. Задрав высоко в небо хобот-трубу, работал у скотных дворов комбайн, насыпая хорошую кирпичную силосную башню рубленой зеленой рожью, которую подавали к нему на возах.

Но когда с Иваном Ивановичем Кашиновым, объездчиком колхозных лесов, членом ревизионной комиссии колхоза, да бригадиром производственной бригады Петром Никитичем Титовец поехали мы в таратайке смотреть угодья, которых с лесом и пашней у колхоза было ровно двадцать семь тысяч гектаров, выяснилось: коров-то у них дойных всего триста

Стадо колхоза имени Кирова села Степановки на луговых выпасах.

тридцать пять да прочего недойного рогатого скота четыреста семьдесят «хвостов». Развернувшись «фронтом», коровы ходили по сырому кочковатому лугу, и, глядя на них, Иван Иванович говорил:

— На наших угодьях свободно можно прокормить и вдвое и втрое больше скота, а держим вот столько.

— Отчего это так? — спросил я Ивана Ивановича так же, как спрашивал и деда Истому.

— А с кормами у нас трудно стало, кормов нет, — отвечал Иван Иванович.

— Как же это так, глядите, кругом в травах тонете! — возражал я.

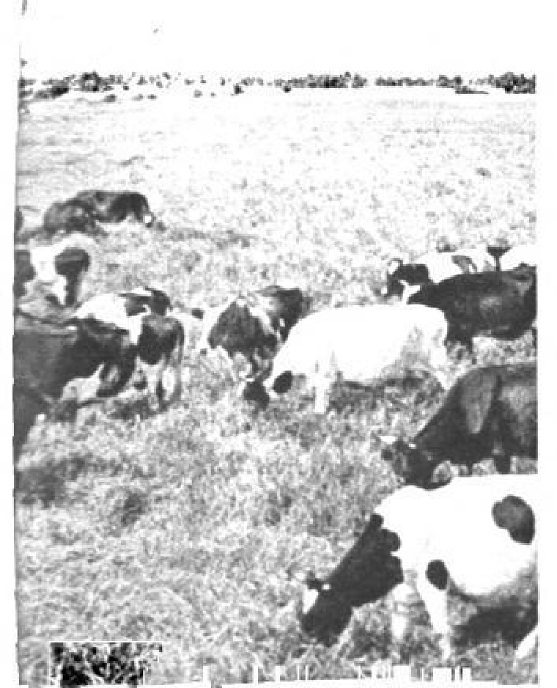
— Так-то оно так, да что с того? — отвечал за Ивана Ивановича Петр Никитич Титовец. — Луга-то замокрели, кочкой взялись, на них широкозахватной косилкой сена не возьмешь, тонет она. На них сейчас впору только «литовкой» работать. А «литовкой» сена много не набьешь. Нам его надо заготовить не одну тысячу пудов. Так вот, если брать его «литовкой», у нас столько заготовить и народу не хватит.

— А отчего замокрели луга?

— А вон он, видите, сбросовый канал, что через Болозиху-лес идет, видите, совсем заилился, высох, не принимает воды. А вот там, где куга высокая, другой сбросовый канал. Тот в стоячие бочаги превратился, кувшинки желтые в нем уже растут, не сбрасывает он воду, а подпирает ее на лугах, задерживает. Забыли мы как-то о них, давно не чистили. Ну вот, видите, нелегко нам оттого достается и сено и масло. В этом году рожь на силос пустили.

Жалобы о нехватке кормов услышал я и на другой гриве, где стоят села Сергино, Ляшкино, Ваганово, объединенные сейчас в один колхоз «Октябрь». Расстояние, чтобы объехать владения колхоза по окружности, равняется примерно ста пятидесяти километрам. Это все лесные, луговые, болотные да пашенные угодья. Не одну тысячу голов крупного рогатого скота могут прокормить угодья колхоза. Но в наличии у «Октября» оказалось всего только 377 коров, а из них дойных ровно полторы сотни. И здесь тот же вопрос: корма, корма...

Семнадцать лет назад бродил я и по этим и по другим гривам Барабинского и Куйбышевского районов почти целое лето в качестве младшего коллектора одного изыскательского отряда, который изучал возможность осушения последних болот в самом сердце Барабы.

Нет в Березовой степи нигде ни ключей, ни родников какихлибо особых, не сочатся на ней из-под почвы нигде и иные какие-либо подземные воды. Но едва отгуляет по просторам степи долгая буранная снежная сибирская зима, проклюнется черными проталинами на угорьях апрель, — в раздолках и необъятных западинах между грив — займищах — плещется талая вешняя вода, и среди нее гривы, что острова, плавают. Жаркое лето не забирает всей талой воды. Ленивые степные реки не успевают сбрасывать ее. Но всегда от займища к займищу через кугу и травы болото болоту «руку протягивает» — то пустит едва заметный ручеек, то силится водою перевалить через какую-нибудь ничтожную перемычку. И если хорошенько тут покопать даже простой лопатой и дать воде сток к рекам и озерам, то болото к болоту в гости непременно придет, а гривы, разделенные ими, встретятся. Тогда об этом не забывали, вопрос о кормах на «жилых» гривах тогда нигде не стоял. И если где возникал он, то жаловались в колхозах не на подтопленные луга, кочкарник, луговую мокреть, а на старые конные сенокосилки, которыми не много скосишь трав на сено. Теперь в МТС пришли мощные широкозахватные сенокосилки, каждая из которых одна за десять прежних малопродуктивных конных сработать может, а вот по лугам им не пройти: тонут, и кочка механизмы бьет.

В тот же день я шагал по сергинской гриве через тучные ржаные поля и приветливые березовые колки, полные цветов и благодатной тени, на развилку дорог, где проходят машины к Гжатской МТС: надо было повидаться с директором ее Иваном Андреевичем Рычковым. «Знать, прав ефремовский житель дед Березов, — думал я, — знать, прав он, когда сказал, что в степи не стало водяного хозяина. Был бы такой хозяин в степи, были бы в порядке те немудрые, простые каналы. А были бы в порядке каналы, — значит, и луга лежали бы сухими и были бы корма». Что скажет на это Иван Андреевич?

— А что я скажу на это? — ответил мне директор, как только свиделись мы с ним в его кабинете после совещания о заготовке силоса. — То же и скажу, что все. Трудно стало делать масло, трудно добывать корма. Вопрос с сочными-то кормами мы решим. Сеем кукурузу, зеленая рожь идет на выручку. Но это на зиму все для дойных коров. А для молодняка, второгодков, нужно сено. Без сена мы никак не увеличим стада, не создадим предпосылок для роста поголовья.

В большинстве наших колхозов, — продолжал он, — количество коров никак не превышает тридцати пяти — сорока необходимых процентов, когда надо иметь, по крайней мере, хоть пятьдесят. Ведь во всех районах Березовой степи, за исключением Венгеровского, на сто гектаров пашни, лугов и пастбищ приходится все еще гораздо меньше десяти голов крупного рогатого молочного скота вместо тех двадцати голов, которых могут прокормить каждые сто барабинских гектаров. А чуть колхозы захотят увеличить план прироста поголовья, как тут же встает нерешаемый вопрос о кормах. Хлеб мы научились сеять и убирать, для этого у нас есть техника. Да к тому же сеем мы его на сухих местах, на гривах. Но вот взять корма с заболоченных лугов невозможно. Они запущены, их надо приводить в порядок.

— Постойте, Иван Андреевич,— сказал я,— ведь у каждой МТС в степи полагается быть лугомелиоративному отряду. У вас есть такой отряд?

— Вот об этом отряде я и хочу сказать,— отвечал он.— Пойдемте.

Мы пошли на машинный двор. Ни тракторов, ни комбайнов на нем уже не было: вышли в поля. Только стояли, размахнув широко на обе стороны уже поржавевшие отвалы, ютились заброшенно и сиротливо похожие на плуги канавокопатели.

— Такие канавокопатели,— сказал директор,— в сухом полевом грунте хорошо делают канавы, а в лугах и заболоченных местах они зарываются в мокрую землю по самую раму, так что их уже не трактором тащить, а приходится запросто лопатой откапывать. Для нас они непригодны. Но это вот и есть почти вся наша лугомелиоративная техника. Еще есть несколько лущильников для закочковавшихся лугов да наливные катки для прикатки кочек. И все.

Он с досадой поглядел в сторону канавокопателей.

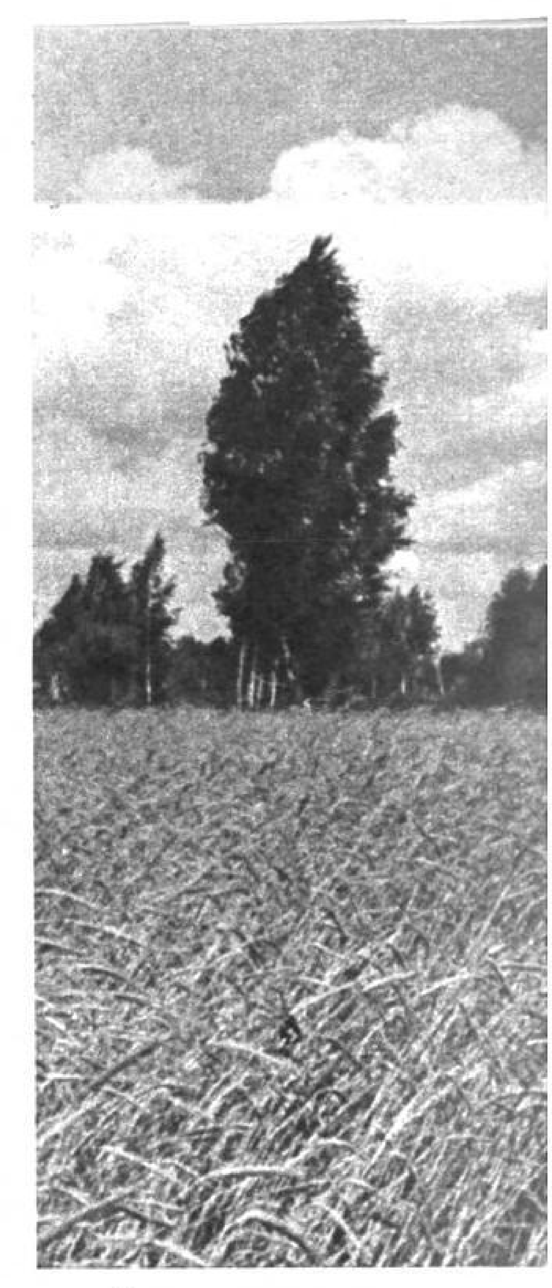
— Откровенно говоря, я и не мечтаю даже о настоящих многоковшовых канавокопателях, корчевателях, кусторезах. Зачем? Ну, будь у меня десять многоковшовых землеройных машин, — что бы я с ними сделал? Нарыл каналов, прорезал бы все топкие и сырые места. А для чего? Каналов бы я на лугах нарыл, слов нет. Ну, а вот воду-то куда я с них сброшу? Для этого нужны емкие магистральные межколхозные каналы. А с ними у нас тоже ни с места. Вот садитесь в машину, я еду в Куйбышев, по дороге покажу один такой магистральный.

Мы поехали. Высокая, насыпанная экскаваторами дорога, выровненная грейдерами, укатанная катками, побежала на юг. Чем ближе к городу, тем равниннее и беднее травою становились места. Редкие сухие метелки лисохвоста и овсюга качались по сторонам. Близко от города мы увидели канал. Пространство равнины перерезала широкая, сухая, без единой капли воды траншея, на которой не было нигде ни шлюза, ни переезда. По виду стройка была давняя, многолетняя.

— Вот он, наш дренажный районный магистральный канал, — указал на него Иван Андреевич.— Несколько раз начинали его строить и несколько раз бросали. А ведь нам в Барабе приходится решать задачу не только осушения заболоченных почв, но и орошения, подпитывания пересохших. Вот это пространство, которое перерезает канал, и есть та самая пересохшая почва, которую надо подпитывать. Если бы на канале стояли шлюзы, если бы он сбрасывал в реку только лишнюю воду и удерживал необходимую для подпитывания этого пространства,— оно сторицей отдало бы сенами. Но видите, этого нет.

— В чем же дело-то? Почему же канал не строится?

— Да потому... А впрочем, заезжайте-ка вы сейчас в межрайонное наше системное Управление обводхоза. Там вам объяснят. Или нет... нет... садитесь-ка вы лучше прямо на поезд да езжайте в Новосибирск, в Облводхоз . Это, пожалуй, надежнее и короче. Там сразу все и узнаете.

Колок и лесная пашня.

Но в Куйбышеве, не вняв совету Ивана Андреевича, я все же отыскал системное Управление облводхоза и зашел в него.

«Вот, — подумал я, — не прав дед Истома Березов, есть, оказывается, в степи и «водяной хозяин». Он представился мне в образе молодой женщины, которую звали Ядвига Климентьевна Тишковец. Она работала в управлении в должности начальника и, выслушав меня, всплеснула руками:

— Системное? Да вы не верьте вывеске! Никакой системы каналов у нас нет. Ни в Барабинском, ни в Куйбышевском районе ни один канал не действует.

— Это я знаю,— отвечал я,— а вот почему не действуют?

Ядвига Климентьевна поспешно достала из стола карту, развернула ее и сказала:

— Вот смотрите, все эти черные полосы под нумерами — давно заилившиеся, не чищенные, теперь уже совсем выбывшие из строя каналы. Они не грандиозны, даже совсем малы, чистить их, пожалуй, вовсе не стоит, дешевле откопать новые. А вот эти три больших — это новые каналы, но они сухи. Строил их «Барабводстрой». Впрочем, он «выдал» только «кубики». Отрыл канал — и дело с концом. Достраивать его должен кто-то другой. И вот вся наша «система». Сама с этой системой сижу, как кулик на болоте.

— А кто же должен достраивать каналы?

— Прямо и сказать не могу,— отвечала Ядвига Климентьевна.— Должно быть, какой-нибудь очередной подрядчик.

«В Новосибирск, в Облводхоз!» — подумал я, и там-то уж все объяснится окончательно.

И в тот же день я сел в славгородский поезд, что шел через Березовую степь из Кулунды.

В Новосибирске я отыскал главного «водяного хозяина» области. Он сидел, как и полагается в учреждении, за письменным столом. На стене висела заманчивая карта; на ней угадывались очертания Березовой степи от края до края, от Иртыша до Оби, но такой, что вся она, много гуще, чем на Марсе, была изрезана линиями новых, свежих каналов. Черные, красные, голубые линии вились по лицу степи на карте так свободно и просто, словно все это уже давно было не плодом фантазии и вымысла творца карты, а достоянием колхозов, совхозов, новых мощных хозяйств и воистину действующих линейных управлений.

Я приступил с вопросами. Главный инженер Управления водного хозяйства области Степан Иванович Малодид, выслушав меня, терпеливо разложил вещи на своем столе, достал какие-то бумаги, вырезки из газет, газеты и так начал отвечать:

— Вопрос о насущных нуждах Барабы не нов. Уже много лет подряд он не сходит с повестки дня нашей областной печати. Вот пачка газетных вырезок — это все о Березовой степи. А вот протоколы совещаний и заседаний. К нам предъявляют справедливые требования не только животноводы, но и хлеборобы. В самом деле, подумайте: в краю неизбывных трав хлеборобам приходится заниматься возделыванием их на полях, когда на заболоченных землях, освободи их от воды, эти травы можно было бы добыть без затраты лишнего труда. Все это справедливо. Но давайте поглядим вот на эту карту.

Степан Иванович встал, подошел к карте и так продолжал, указывая на нее:

— Создание многих лет труда и многих экспедиций — генеральный план осушения и мелиорации Березовой степи. Каналы-карлики и каналы-гиганты! Черные линии — каналы старые, теперь уже отжившие свое, цветные — каналы будущего и современные, но которые еще не начинали жить. Предусмотрены очистка и углубление четырнадцати рек протяжением в тысячу сто тридцать километров. Открывается возможность судоходства по многим из них. Если привести все это в исполнение, молоко польется реками и кисельные берега встанут сами по себе. Сказка! Правда, советский человек не имеет права работать, не заглядывая в будущее, не имеет права не мечтать о нем. Но скажем прямо: мы слишком увлеклись этим будущим и забыли о настоящем. Этот генеральный план завоевания болотной барабинской целины начал разрабатываться лет пятнадцать назад. Над ним работали лучшие мелиораторы страны. Первые отряды изыскателей вступили в барабинские болота еще тогда, когда вражеские пушки гремели почти под Москвой. Пять лет длилась эта изыскательская работа. И после войны мы сделали ставку на этот план. Вот тут и кроется наша ошибка. Покуда мы судили да рядили, Бараба победнела людом, забыли мы и об эксплуатации старых каналов. Не ахти уж это какие сооружения: лопатой сделаны. Но мы забыли о них, не ремонтировали, не чистили. Нас увлекал общий замысел завоевания болотной целины, грандиозные перспективы. Мы забывали, что время поставило новые неотложные задачи. Но поняли мы это слишком поздно. Вот отчего встал вопрос о бескормице в этой нашей болотной степи.

Степан Иванович задумался, сел за стол.

— Все же мы и сейчас мало делаем для нашей степи. Может быть, вы думаете, мы не имеем средств, техники? Давайте я вам расскажу, что мы имеем. Осушением болот и мелиорацией в степи у нас занимаются шесть организаций, шесть «институтов». Вот они: областное Управление водного хозяйства, «Барабводстрой», «Росгипроводхоз», Новосибирская машинно-экскаваторная станция, пять областных лугомелиоративных станций, пятнадцать лугомелиоративных отрядов при МТС. Правда, лугомелиоративные отряды при МТС плохо снабжены техникой, лугами они не занимаются, занимаются просто полевой пахотой. Но они все же есть. Седьмой нянькой можно упомянуть Убинскую лугомелиоративную опытную станцию. Итак, семь нянек, а дитя у них без глазу. И разберемся, отчего.

Малодид взял папку и вынул из нее нужный листок.

— Вот схема, как работают «няньки». Начнем с нас, с Управления водного хозяйства области. Мы, так сказать, идейный вдохновитель всего, голова мелиорации, руководящий центр. Облводхоз собирает заявки от колхозов на осушение массивов, увязывает и согласует, субсидирует. Но мы одновременно только и заказчики. Сами мы ничем не распоряжаемся. По схеме мы должны обратиться в «Росгипроводхоз». Это солидная московская организация. По нашему заказу она выполняет изыскательские и проектные работы прямо в Москве, присылает их нам. Первый подряд выполнен. Второй подрядчик — трест «Барабводстрой». Он имеет несколько контор, много бухгалтеров, но не имеет ни машин, ни строительных кадров. Подчиняется он не нам, а Главводхозу Министерства сельского хозяйства РСФСР. Так как «Барабводстрой» сам строить не может, он передает наш заказ субподрядчику — Новосибирской машинно-экскаваторной станции.

Степан Иванович вздохнул и вытер со лба пот.

—Это тоже организация солидная и самостоятельная. Управляется она непосредственно из Москвы. Экскаваторная станция берет подряды только на крупные работы. Ее дело — отрыть большой канал, «выдать кубики». Кто будет шлюзовать канал, строить на нем распределители и другие сооружения, ее не касается. На постройку малых каналов она работ вообще не берет. Это — дело ЛМС, то есть лугомелиоративных станций. Их задача — нарезать мелкую и среднюю осушительную сеть, прокладывать дренаж, вести раскорчевку пастбищ и лугов. Но магистральных каналов у нас еще нет, «привязывать» площади для сброса им некуда. Они занимаются главным образом рытьем... силосных ям, траншей и постройкой грунтовых дорог. К тому же действует каждая ЛМС по своему усмотрению. Зональные производственные управления, которым они подчиняются, не имеют в штатах мелиораторов. А нет мелиораторов, некому и руководить работами. Не снабжаются ЛМС и проектами. Да и трудно снабдить их ими, коли проекты выполняются не на месте, а в Москве. Вот сколько у нас «нянек» в степи...

Я вышел из управления поздно, вновь сел в поезд и поехал в Березовую степь. Мне очень хотелось побродить по ней еще да побывать на озере Чаны.

...Славгородский поезд шел по степи через ночь, в вагонах спали. И тут, в ночной тишине, под мерный стук колес, хорошо думалось и в голову приходили простые и ясные мысли. Вон там, на юге, лежит Кулунда. А в Кулунде уже поднята самая последняя, остатняя целина. Вот там, на юго-востоке, — Алтайский край. Алтайская целина тоже взметана и дает обильный урожай. Вот там, на востоке, бежит Обь. Скоро и сама она зашумит по-иному: ведь почти под самым Новосибирском строится на ней гигантская электростанция. Воды Новосибирского моря дойдут до самого Камня-города, будут плескаться у самого края засушливой Кулунды. Кулундинские хлеборобы ждут этой воды. Они уже мечтают о своих оросительных каналах, о вольных водопоях, о пресной, а не присоленной степной колодезной воде на столе и в поле в жаркий летний день. Да и сам Новосибирск — ровесник первых каналов, что пролегли в Березовой степи, с которой он вместе поднимался, — стал уже крупнейшим и могучим индустриальным центром Западной Сибири. Все это, вместе взятое, — Новосибирская область, богатая, со светлым будущим, с живым и бурлящим настоящим. И только Березовая степь — край неоглядных трáвищ, вольных выпасов, умелых и талантливых животноводов — лежит на лике ее пятном, до которого все еще не дошли руки. Что нужно для этого? Дивизии экскаваторов, батальоны землеройных машин? Нет, это все почти есть. Нужна хорошая, единая организация неотложных мелиоративных работ, серьезный государственный перспективный план, нужны талантливые люди-руководители. Тогда — ништо! Тогда все пойдет ходом, и придет час, когда последние болота исчезнут с лика Березовой степи и неоглядные трáвища оденут ее от запада до востока.

Художники Эстонии

История эстонской национальной живописи коротка — ей немногим более ста лет. Но в собрании эстонских художников есть полотна, запоминающиеся и красноречивые, написанные кистью мастеров, прочувствованные сердцем сыновей родины.

В дни декады эстонской литературы и искусства в залах Академии художеств СССР организуется выставка лучших работ художников Эстонии.

Здесь будут представлены и произведения Иохана Кёлера — основоположника эстонской реалистической живописи — и полотна наших современников.

Портреты отца и матери,— пожалуй, лучшие работы Кёлера. Простые, усталые от долгого труда лица эстонских крестьян с особенным теплом написаны художником.

О многих эстонских художниках — наших современниках — можно по праву сказать, что они живут одной жизнью со своим народом.

— Я много лет писал портреты и интерьеры,— рассказывает Валерьян Лойн,— до тех пор, пока не попал в рыболовецкий колхоз «Ваал» под Пярну. Там я познакомился, подружился с рыбаками. И мне захотелось создать серию картин об их жизни и труде. И сейчас жанровые композиции интересуют меня больше, чем все остальное. Картину «В рыбачьей гавани» я писал именно в колхозе «Ваал». Я ищу для будущих работ темы, в которых есть мужество, творчество, романтика.

Эвальда Окаса называют самым «многоплановым» художником Эстонии. Он работает и в области монументальной живописи, и в книжной иллюстрации, и в прикладном искусстве. А самая любимая его отрасль—это станковая живопись. Главная тема Окаса— люди. Хорошо известны в республике его иллюстрации к книгам писателей Сютисте и Борнхёэ о героическом прошлом эстонского народа, композиции из времен Великой Отечественной войны, участником которой он был. Есть у художника большое полотно «1905 год в Эстонии», а совсем недавно Окас закончил картину «Освобождение»: советские танкисты подошли к Таллину; их встречают жители городской окраины. Настоящая человеческая радость людей, освобожденных Советской Армией, взволновала в те дни сердце художника-солдата.

Эвальд Окас начал новую работу — «Крестьянское восстание в Юрьеву ночь». Не бросает он и книжной иллюстрации, вместе с художником А. Хойдре создает серию рисунков к эстонскому народному эпосу «Калевипоэг».

Любовью к родной природе согреты картины Рихарда Сагритса. Он родился на северном побережье Эстонии, в деревне Рутья, в семье рыбака. Суровые, овеянные холодными ветрами места эти полны своеобразного очарования. В студии Сагритса забываешь, что она в центре города. Вот рыбачья деревушка Рутья: тяжелые волны плещутся у каменных берегов залива, у пирса стоят рыбачьи лодки, ветер гонит над морем разорванные клочья тумана... Сосновый лес, согретый северным солнцем, прозрачный ручеек в зарослях густого кустарника, поле с молодыми всходами... Особенно милы сердцу художника яркая осень в родном краю — холодок утра в тумане и дыму пастушьего костра, прелесть позолоченных холмов южной Эстонии...

Совсем молодая художница Лейли Мууга недавно закончила Таллинский художественный институт. «Подготовка к празднику»— ее первая крупная работа. Ощущением полноты жизни, большой радости наполнена ее картина о девушках, шьющих костюмы к национальному празднику песни.

Н. ХРАБРОВА

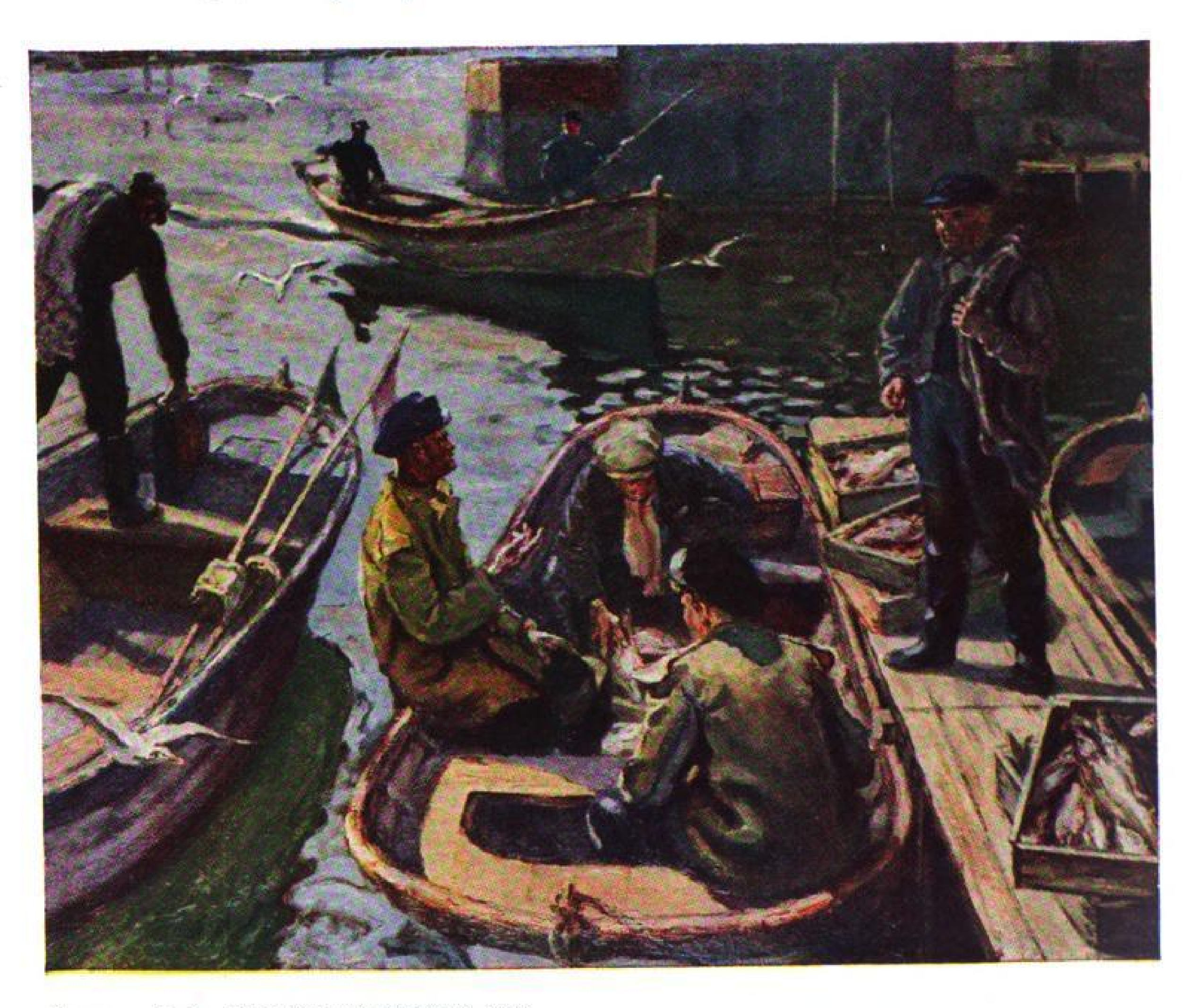
Эвальд Окас. ОСВОБОЖДЕНИЕ. 1956.

«Огонек». 1956.

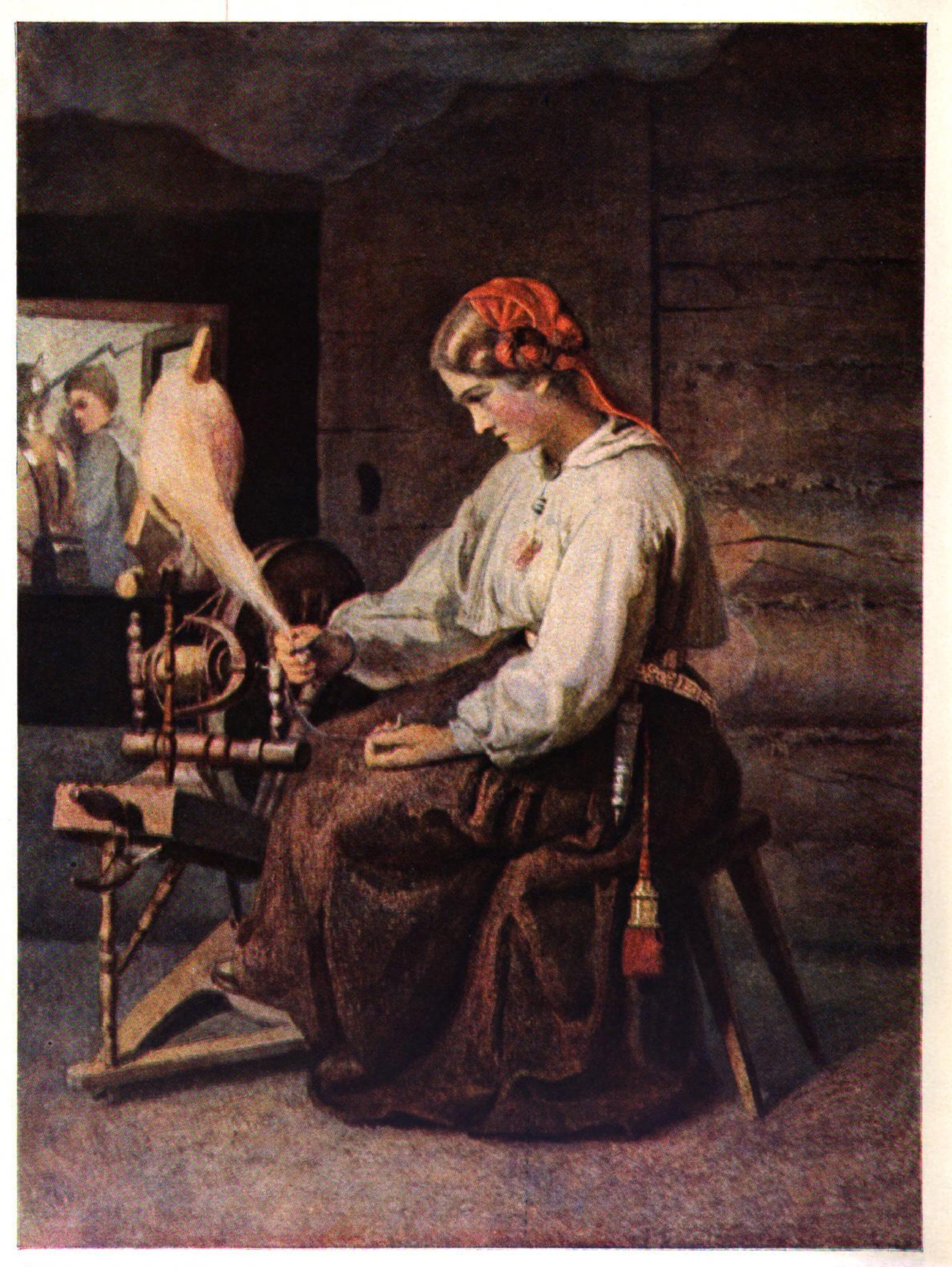

Лейли Мууга. ПОДГОТОВКА К ПРАЗДНИКУ. 1956.

Рихард Сагритс. ЗАЛИВ ТООЛСЕ. 1954.

Валерьян Лойк. В РЫБАЧЬЕЙ ГАВАНИ. 1956.

Иохан Кёлер (1826—1899). ПРЯХА. 1863.

Вахтанговцы

Н. ВОЛКОВ

Среди театров, рожденных в годы революционных бурь, одно из самых ярких мест принадлежит Театру имени Евгения Вахтангова.

Сейчас театру исполнилось 35 лет, и он находится в прекрасной поре творческой зрелости.

Кто помнит Москву двадцатых годов, вспомнит и тогдашний Арбат, с его булыжной мостовой и грохотом проносящихся трамваев. Здесь стоял внушительный особняк, а около него высились пирамидальные тополя — редкие гости в наших краях. В этом доме и поселилась Третья студия Художественного театра, начавшая на небольшой сцене свои спектакли 13 ноября 1921 года. Прошло еще пять лет, студия получила наименование «Государственный театр имени Евг. Вахтангова». Но истинной датой рождения театра надо считать двадцать первый год, ибо тогда еще был жив основатель будущего театра, руководитель юных студийцев Евгений Багратионович Вахтангов, скончавшийся весной 1922 года, когда ему было всего лишь 39 лет.

Вахтангов был выдающимся режиссером, превосходным, характерным актером, прирожденным педагогом. Но самое главное, он был неутомимым искателем новых путей в искусстве, «капитаном дальних плаваний». В своей, ставшей знаменитой статье «С художника спросится» он писал: «Если художник хочет творить «новое», творить после того, как пришла она, Революция, то он должен творить «вместе» с народом. Не для него, не ради него, не вне его, а вместе с ним».

Так эстетика Вахтангова слилась с общественной этикой. Таким художником высоких идей в искусстве он вошел в историю советского русского театра. Первый сезон студии был последним сезоном в жизни Вахтангова. Но, уже смертельно больной, он успел осуществить едва ли не самый обаятельный, самый жизнерадостный спектакль первых лет Октября — «Принцесса Турандот», комедию-сказку Карло Гоцци. «Турандот» не была завещанием Вахтангова, но драгоценным подарком его ученикам. Этот спектакль ставился свыше тысячи раз, неизменно вызывая счастливые улыбки зрительного зала, в каком бы городе и даже в какой бы стране ни играли его вахтанговцы.

Произнося почетное название «вахтанговец», мы имеем в виду не только непосредственных учеников Евгения Багратионовича (хотя и по сей день их в труппе 21 человек), но и всех тех, кто, войдя в стены вахтанговского театра, сумел наполнить свое искусство, мастерство любовью к жизненной правде, стремлением к созданию глубоких сценических образов, умением сочетать реализм игры с острой театральностью. Традиции Щепкина, систему Станиславского — все это Вахтангов сумел передать ученикам вместе со своими уроками. И это творческое наследие они в дальнейшем развили, обогатили, порой, быть может, оступаясь, порой, быть может, ошибаясь, но неизменно двигаясь вперед по дороге реализма.

Не будем перечислять имена лучших вахтанговцев — их хорошо знают зрители: и старейших, и мастеров, пришедших из других коллективов, и артистов среднего поколения, и молодых актеров, делающих еще первые шаги. Но одно имя хочется поставить рядом с именем Вахтангова. Это имя Бориса Васильевича Щукина, создавшего впервые и на сцене и на экране с необыкновенной духовной силой образ Владимира Ильича Ленина.

Щукин был по природе своих устремлений создателем больших социальных образов, таких, например, как Егор Булычов. Вот где во всю ширь развернулось дарование Щукина! И по всей справедливости имя его присвоено театральному училищу, существующему много лет при вахтанговском театре.

За 35 лет Театр имени Вахтангова осуществил 108 постановок. Цифра не малая, за нею таится столько трудов и дней, бессонных ночей и напряженных репетиций!

Когда вглядываешься в список сыгранных пьес, многие названия которых можно найти только на стендах музея вахтанговского театра, видишь, каким разнообразным и каким смелым был его репертуарный вкус, как много сил отдано и пьесам советских драматургов и классике.

Немало советских постановок на сцене Театра имени Вахтангова были крупными драматическими и сценическими произведениями.

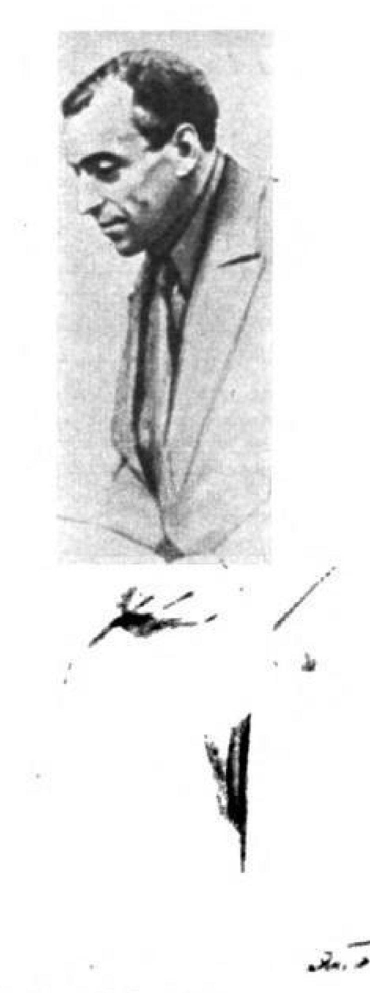
Такова, например, «Виринея» Л. Сейфуллиной, первая пьеса о советской деревне, поставленная в 1925 году. Таков был «Разлом» Лавренева, блестяще показанный в десятую годовщину Октября. Таковы «Барсуки» Леонова, «Человек с ружьем» Погодина, да всего не перечислишь! Особенно хочется подчеркнуть творческую дружбу вахтанговцев с Алексеем Максимовичем Горьким, чьи пьесы о Булычове и Достигаеве впервые увидели свет на сцене этого театра, и не только увидели свет, но были знаменательной вехой и утверждением горьковского начала в советском драматическом искусстве.

На долгом творческом пути театра были и победы и поражения. Такими поражениями были, например, режиссерские решения трагедии Шиллера «Коварство и любовь» и «Гамлета» Шекспира. Характерно, что поражения наступали всякий раз, когда театр забывал слова Вахтангова «с художника спросится» и увлекался бездумной зрелищностью, слащавой красивостью, погоней за оригинальничанием, но проходил этот угар, и театр вновь овладевал утраченными позициями.

Начиная с 1939 года последние 17 лет художественным руководителем театра и его главным режиссером является Рубен Николаевич Симонов, впитавший в дни своей юности все заветы Вахтангова и как артист и как режиссер. Великолепный характерный актер, Симонов и в эпизодических и в главных ролях всегда радует свежестью воображения и изяществом исполнения.

В его режиссуре — будь то страстная публицистика «Фронта» Корнейчука, беззаботность «М-ль Нитуш» или трудная судьба Фомы Гордеева — всегда есть свой угол зрения, свое индивидуальное решение режиссерских задач. Но, стоя во главе театра, носящего имя Вахтангова, Симонов не заслоняет собой вахтанговцев. Он только правофланговый в их шеренге. И если уж говорить о том, в чем главная, опорная сила этого театра, то она заключается в крепко спаянном коллективе, в котором различны таланты и дарования, но где каждый вахтанговец прочно стоит на своей «вахтанговской земле».

Так, в боях и трудах, в тревогах и радостях, в достижениях, а порою в огорчениях прошла и молодость Театра имени Вахтангова, окруженного любовью многих и многих тысяч зрителей. Давно на Арбате нет особняка, в котором начинала свою жизнь Третья студия МХАТа. Но в громадном театральном здании, что ныне воздвигнуто на Арбате, по-прежнему кипит беспокойная вахтанговская жизнь, звучат страстные слова любви Ромео и Джульетты, гаснет сумрачный закат драмы Гауптмана, отважно борется герой гражданской войны Олеко Дундич, воскресают дни октябрьских боев в «Человеке с ружьем»... Сдвигается занавес, и зрители рукоплещут поэтическим картинам современности и прошлого, воссоздаваемым вдохновенным и страстным искусством театра.

Портрет Е. Б. Вахтангова. Рисунок Э. Бенделя.

Б. В. Щукин в роли Егора Булычова.

Здание студии Е. Б. Вахтангова на Арбате (начало 20-х годов).

Из новых стихов

Геворг ЭМИН

Я ИЗ ТОЙ СТРАНЫ...

Я из той страны, в которой камень
В изобилии лежит веками,
Те ж, кто храмы в скалах высекали,
В глиняных лачугах прозябали.

Я из той страны, где век за веком
Тесно было бурным горным рекам,
Где мутнели воды от безделья,
А теперь в труде помолодели.

Я из той страны, где хлеб веками
Пожирало злых пожаров пламя,
Или шел врагу он на потребу,
А теперь народ — хозяин хлеба.

Я из той страны, где средь ущелий
Раздавался только плач свирелей,
А теперь в горах ее суровых —
Грохот фабрик и заводов новых.

Я из той страны, где мудрость века
Превращалась в слово человека —
В рукопись... Но долгие шли годы,
Прежде чем прочли ее народы.

Я из той страны, чьи песни смело
Вышли за высоких гор пределы,
Чтоб сказать о давних днях страданья
И о новом счастье созиданья.

Перевела с армянского
Вера ЗВЯГИНЦЕВА.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Шуршат чуть слышно тополя листвою,
Темнеют над деревней небеса.
Из будки на луну собака воет,
Как будто видит там другого пса.

Звон колокольчиков нивесть откуда...
И горы в полуночной тишине
Напоминают караван верблюдов,
Несущих вдаль деревни на спине.

Со снежных высей слушают века,
Как ветерок дрожит над тополями,
И Млечный путь, как тихая река,
Течет небесными полями.

Перевела И. СНЕГОВА.

* * *

Есть деревья на свете с тугими кронами,
А тебя едва ли заметишь весною.
Но когда бы не тень твоя робкая, скромная,
Я бы умер давно от жары, от зноя.

Есть моря, что на камни рушатся с грохотом,
Ты лишь капля в сравненьи с силой такою.
Но когда б не вода в роднике твоем крохотном,
Я б от жажды вовек не нашел покоя.

В этом мире, где пламя бушует исстари,
Ты лишь искорка в неоглядных просторах.
Но от той неприметной горячей искорки
Мое сердце вспыхивает, как порох.

Перевел Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ПАСТУХ

Рассказ

Владимир КОЗИН

Рисунок О. ВЕРЕЙСКОГО.

В юрте у родника жили доярки. Вокруг юрты стояли тяньшаньские ели; под елями пахло молоком, навозом, костром, теплой травой, и эти же запахи приносил ветер: всюду на джайлоо паслись коровы, лошади, овцы, росла сытная трава, и цветы были до конца лета, и синели на голубом горном небе высокие ели, и быстро текли под ветвями пресные родники.

В соседней юрте, за зеленым хребтом, жили табунщики, а еще выше, у грязного подножия оплывшего под солнцем ледника, что ночью казался ясным просветом меж гор, над облаками, среди скал и ползучих сосен обитали пастухи овечьих стад.

Пастух Иван пас один из подсосных косяков. Путь его косяка от юрты к высоким пастбищам и обратно лежал через большой родник.

Всякий раз, встречая Ивана верхом на крупной лошади летней вороной масти, заведующий искусственным осеменением на фермах осеменатор дед Егор говорил конному пастуху:

— Играешь под елями, Ванюша?

— Играю, дед Егор!

— Ну, играй, играй. До чего-нибудь доиграешься.

На закате Иван возвращался с косяком к своей юрте.

Доярка Клавдия мыла подойники у родника; рядом с нею стоял дед Егор и говорил, что хорош парень Ванюша-гармонист, сердечнее его нет на ближних и дальних сыртах.

— В молодости я был очень схож с ним! — сказал старик.

Дед был похож на горную карликовую сосну — стойкую, узловатую, ловкую, некрасивую; казалось, таким он был и в молодости.

Клавдия улыбнулась. К роднику подошли лошади пастуха Ивана.

Клавдюша улыбалась радостно, преданно, осторожно.

— Ванюша!

— Здравствуй, Клавдия! — сказал пастух и спокойно проехал мимо.

Дед Егор понимающе сказал:

— Ну, значит, у Вани-гармониста все дела в порядке!

На рассвете лошади опять прошли через родник и на закате вернулись с пастбища к девичьему роднику.

Клавдия мыла у родника сепаратор.

Пастух Иван остановил свою вороную.

— Здравствуй, Клавдюшенька!

Клавдюша взглянула снизу на большое, темное брюхо лошади, по которому протянулась толстая жила, на тонкие ее ноги, блестящие от воды, и подняла несмелые глаза на пастуха.

— Что случилось?

— Соскучился.

— Беда какая?

— «Радость» захромала!

— Ну, так и знала!

— Гулять пойдем сегодня?

— Непутевый ты мой!

Пастух улыбнулся смущенно и обрадованно, снял с конской гривы яркий цветок, протянул его Клавдии и поехал прочь, оглядываясь.

Дед Егор сказал Клавдюше:

— Приласкать надо парня!

Клавдия стояла над родником усталая и задумчивая.

— За что его ласкать, дедушка? Как беда у него, так любит! А как все ладно, так и взглянуть на меня не хочет!

— Любовь, она хитрая! — сказал веселый дед Егор.

Родник был чистый, черный, вершины елей красные; дальний ледник розовел. Вечерело.

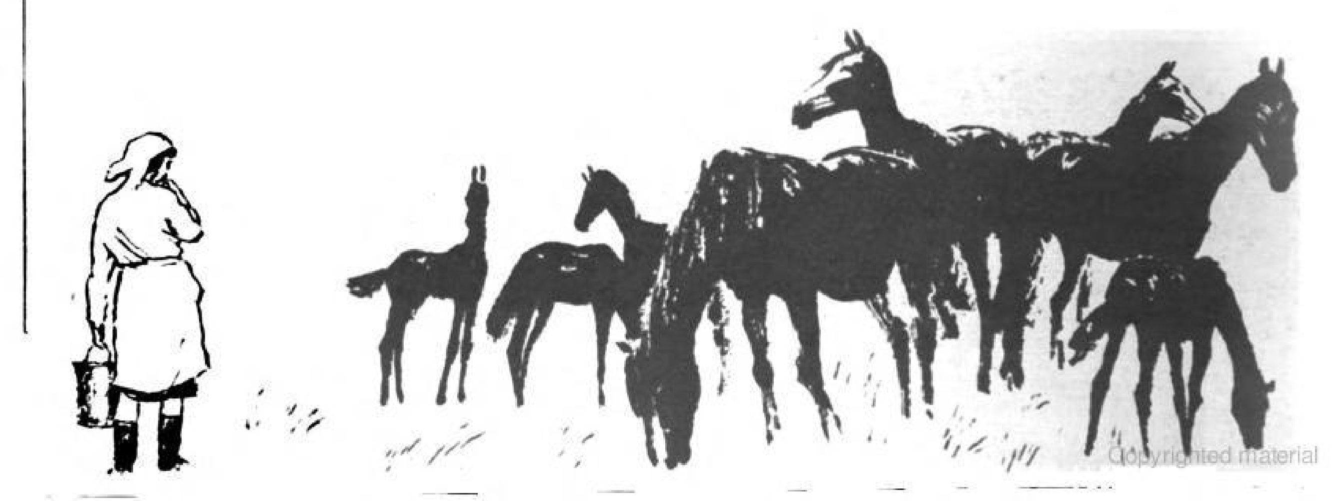
Огромный круг под елью был чист от травы, засыпан иглами и шишками; на высоте всадника ель разделялась на три ствола, четвертый шел над самой землей и круто загибался вверх, к небу; на стволе сидел Иван и возился с гармонью.

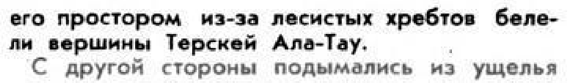
Лошади смотрели на него.

С одной стороны ели спускался обширный пологий склон; его покрывала высокая трава; цветущее пастбище простиралось вниз, к покосам и сверкающей, неслышной сверху горной реке.

В полуденной траве отдыхали жеребята.

Весь равнинный склон был виден пастуху, до самых дальних стогов и юрт; над глубоким

его простором из-за лесистых хребтов белели вершины Терскей Ала-Тау.

С другой стороны подымались из ущелья вершины елей.

По ущелью узкой тропой, пропадавшей меж скал и каменных россыпей, ехал верхом толстый человек.

Он остановил коня у ели с четырьмя стволами и стал внимательно смотреть на солнечное пастбище, на сонных жеребят.

Конь, поднявшись из ущелья, тяжело дышал, но пастух не слышал коня. Человек достал из кармана газетный листок, махорку и закурил. Пастух повернул голову на запах дыма.

— Здравствуй, Досалы! — спокойно сказал он толстому человеку, заведующему животноводством соседнего колхоза. — Новости есть?

— Есть. Что это, Ваня, лошадки у тебя сегодня невеселые?

— Музыки нет. Сломалась моя гармонь!

— Вот беда-то!

— Беда! Скучают лошади, пасутся плохо.

— Понятно. У нас в колхозе коровы зимой к радио призыкли, а оно вдруг целую неделю молчало. Так многие коровы удой сбавили.

— Сбавишь!

Все спали. Клавдия неслышно подошла к своей юрте.

С высоких овечьих пастбищ спускался туман; справа, отчетливые среди ясной ночи, стояли ели, и звезды над ними были чистые; слева еловые ветви казались призрачными, бесконечными; туман спускался медленно, пахнул коровами; он был густой внизу, у самой земли; коровы, не двигаясь, стояли по колено в тумане.

У юрты сидел дед Егор и курил трубку. Два крупных теленка, такой нежной масти, что их незаметно было в туманной ночи, сонно и настойчиво лезли к любимому деду, стараясь лизнуть его.

— Как мухи! — шептал дед Егор и лениво отстранял от себя толстые, ласковые телячьи морды. — Все спят давным-давно, а им целоваться приспичило. Как дети!

Клавдюша присела рядом с Егором и вздохнула.

— Нагулялась? — деловито спросил дед и ткнул морду теленка Клавдюше в лицо.

— Дедушка, а с Ванюшей беда!

— У тебя с твоим Ванюшей всегда беда. Ну не договорятся никак! — сказал дед теленку.

— Спасать Ванюшу надо! — проговорила Клавдия таким спокойным, строгим голосом, что старик испугался.

— Захворал?

— Гармонь у него сломалась.

Старик передохнул, зажег спичку и осторожно осветил лицо Клавдюши.

— Починить надо.

Клавдюша задула спичку и тихо прошептала:

— Починит гармонь — разлюбит меня.

Старик ладонью отвел от себя теленка.

— Ну, не чините!

Потом сердито оттолкнул другого.

— Пойдите вы к лешему с вашей любовью!

— Лошади без музыки второй день не пасутся! — сказала Клавдия. — На Ванюшку, сердечного, смотреть жалко; он ведь простой у меня, простой, непутевый. А гармони только в городах и чинят!

— Спать пора! — сказал дед и трубкой замахал на упрямых телят.

— Значит, пусть Ванюша меня любит?

— Ну, а зачем было приучать лошадей к музыке?

— Ванюша весной мне играл, а лошади слушали.

К вечеру дед Егор подседлал верховую прохолостевшую лошаденку. Клавдия села на мягкую подушку, положенную на ленчик седла, поставила перед собой футляр с гармонью и поехала вдоль родника вниз, в усадьбу колхоза.

Тропка была крута, камениста; тропе мешали корни елей, скалы, разлившиеся под травой родники. Лошаденка осторожно ставила ноги, оступалась, оседала на круп, но Клавдюша сидела спокойно, смотрела вперед. Огромное голубое небо было впереди; встречные ели розовели со стороны заката.

Ели остались позади. От близкого зеленого, веселого плоскогорья донесся запах свежего сена. Лошадь перешла через горную реку и поднялась из реки в такую высокую траву, что стало трудно сидеть в седле.

Солнце скрылось за хребтами, и все внизу потяжелело, а Клавдюша еще ехала по высокой влажной траве, потом вновь переправилась через горную реку.

Лошаденка бойко пошла по широкой колесной дороге.

За новым, недостроенным зданием гидростанции Клавдюша встретила председателя колхоза.

Лошади остановились.

— Куда?

— К вам, по делу. Гармонь сломалась.

— А дело какое?

— У Ванюши-гармониста лошади без музыки не пасутся.

— Одумаются.

— Нет, скучают очень!

— У нас гармони чинить некому.

— В город надо! Завтра поутру я поеду. Можно?

— Коровы сами будут доиться?

— Девчата согласились за меня.

— В городе долго не гулять!

— Не с кем мне, Вана-хун!

— Знаю! — сказал, улыбаясь, дунганин, тронул коня и поехал смотреть колхозную гидростанцию.

Через неделю гармонь починили.

Иван сел поутру под свою ель, на любимый низкий ствол, и свистнул. Ближние лошади подошли к нему.

Пастух сел удобнее, растянул гармонь и заиграл.

Вечером, на закате, Клавдюша мыла подойники у родника, когда под елями показались лошади пастуха Ивана.

— Ванюша!

— Здравствуй, Клавдия! — сказал пастух и спокойно проехал за косяком мимо.

МЕБЕЛЬ, КОТОРАЯ НАМ НУЖНА

Шкафная перегородка в двухкомнатной квартире.
Фото Е. Тиханова.

Новоселье в наши дни — одно из самых распространенных семейных торжеств. В многоэтажных домах больших городов, в коттеджах рабочих поселков советские люди радостно отмечают его, случись то в октябрьские, майские праздники или в разгар трудовых будней. И нередко, собравшись в дружеском кругу за столом, гости и хозяева на все лады обсуждают достоинства нового жилья, советуясь, как лучше его обставить.

Немудреная, казалось бы, вещь — шкаф. Но каждому хочется, чтобы он был и вместительным и не очень громоздким. Или, скажем, диван. Кому не желательно видеть его раскладным, портативным: чтобы и спать было мягко, удобно и проход в комнате не загромождался? А книжные полки? А комод для белья? Их тоже подобрать по вкусу не так-то просто!

Нередко случается, что, когда обстановка куплена и привезена, в квартире становится вдруг так же тесно и неуютно, как в мебельном магазине.

Прежде чем праздновать новоселье друзей, побываем на новоселье у мебели. Сотни и тысячи образцов ее были показаны недавно на выставке в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха.

Зал просторного павильона как бы поделился на множество комнат и квартир. И каждый такой «бокс» был обставлен мебелью в едином стиле, с учетом требований нового жилищного строительства.

Организаторы выставки — работники Министерства торговли СССР — совместно с мебельщиками, архитекторами и художниками использовали остроумный прием противопоставления плохого и хорошего. Наряду с опытными, необычными образцами сюда собрали мебель массового производства, предназначенную для продажи в магазинах. Пузатые комоды, сутулые шкафы, громоздкие диваны с цветастой обивкой, колченогие стулья и столы составили как бы обширный склад, который посетители метко окрестили «комнатой ужасов». После этого паноптикума уродств как-то особенно ярко и свежо воспринимается все то новое, что действительно красиво и удобно.

Невольно залюбуешься обстановкой однокомнатной квартиры, представленной латвийскими мебельщиками. Миниатюрный раскладной диван, стоящий у стены, без труда превращается в широкую двуспальную кровать. Гардероб комбинирован с книжным шкафом. Очень легки прочные, устойчивые стулья. И всему этому найдено место на двенадцати квадратных метрах. По комнате двигаешься свободно, не ощущая тесноты.

Оригинально решила планировку двухкомнатной квартиры архитектор А. Л. Мятлева из Академии строительства и архитектуры СССР. Две соседние комнаты разделены здесь не обычной капитальной стеной, а шкафной перегородкой. В ней размещены книжные полки, платяной шкаф, за гладкой дубовой панелью скрыта пружинная кровать с матрацем, одеялом, подушками. Откройте панель, и кровать, стоящая вертикально, опустится на пол, примет горизонтальное положение. Благодаря тому, что большая часть мебели вмонтирована в стену, небольшая, в сущности, квартирка выглядит просторной.

Радуют глаз светлые, окрашенные под цвет слоновой кости кухни, спроектированные архитекторами института «Ленпроект». На нескольких квадратных метрах умело размещены и газовые плитки, и мойки для посуды, и полки, и шкафы. Даже холодильник, и тот выглядит здесь почти незаметным. Обычная кухонная табуретка сконструирована так, что, приподняв сиденье, вы можете превратить ее в лестницу-стремянку.

«Спасибо ленинградцам! Такие кухни — наша мечта!» — записали домохозяйки в книге отзывов.

Еще более лестные характеристики заслужил на выставке аспирант Московского высшего художественно-промышленного училища Ю. В. Случевский. По его проекту мебельная фабрика имени Халтурина изготовила набор мебели из стандартных деталей и щитов. Когда входишь в двухкомнатный «бокс», обставленный этой мебелью, обращают на себя внимание сложенные рядком щиты, прямоугольные, разных форм и размеров.

— Это наши унифицированные детали,— поясняет Юрий Васильевич Случевский. Взяв в руки несколько щитов, он быстро скрепляет их между собой. Получается вместительный ящик-секция.

Из таких секций, соединенных в различных комбинациях, собраны шкафы с отделениями для белья, книг и посуды, тахта, двуспальная кровать. 60 видов мебели — разнообразная обстановка для двухкомнатной квартиры — собираются из щитов двенадцати размеров и типов.

Изготовление щитов и секций упрощает сложные, трудоемкие процессы обработки древесины, позволяет заменить дефицитные материалы более ходовыми и дешевыми, намного расширяет производственные возможности предприятий.

Секционный набор имеет еще одно преимущество: предметы обстановки, состоящие из однотипных секций, можно приобретать не все сразу, а постепенно, сохраняя при этом единый стиль всего набора мебели. И насколько удобнее, проще перевозить такую мебель: не целиком, готовыми изделиями, а в разобранном виде.

Новая технология завоевывает признание на многих мебельных предприятиях и в конструкторских бюро Российской Федерации, Украины, Латвии, Литвы. На выставке было показано немало наборов, изготовленных из унифицированных взаимозаменяемых деталей и щитов. Разная по внешнему виду, мебель эта имеет общие характерные черты: четкость и простоту архитектурных форм, компактность, портативность. Но, странное дело, именно эти преимущества вызывают скептическое отношение со стороны работников торговли.

— Ящики, грубые ящики,— морщился представитель Мосмебельторга, рассматривая секционный набор.— Нет тут ни резьбы, ни украшений.

— Такая мебель у нас не пойдет,— безапелляционно заявил представитель ГУМа.— К такой мебели покупатель не привык.

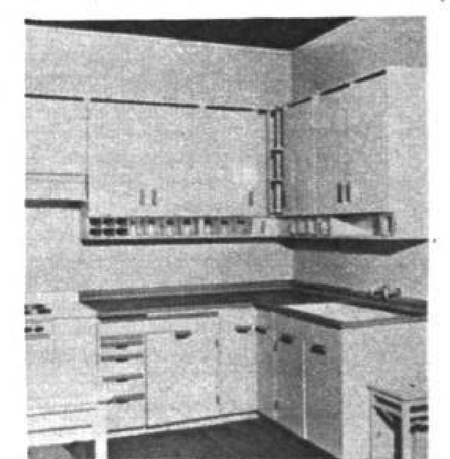
Зато вычурные, громоздкие шкафы, причудливо изогнутые спинки двуспальных кроватей и стеклянные двери буфетов, затейливо разрисованные разводами никелированной впайки, вызывали единодушное одобрение тех, кто считает себя знатоком вкусов и потребностей покупателя.

Некоторым работникам торговли свойственно и такое мнение: поскольку технология производства мебели еще не совершенна, при массовом поточном производстве можно получать только грубые, некрасивые вещи.

Неверно! Приглядимся хотя бы к образцам, показанным на выставке украинскими мебельщиками. Нежнейшими перламутровыми переливами сверкает платяной шкаф, облицованный волнистой березовой фанерой. Такую фанеру с волнистой поверхностью научились делать под Киевом, применив новые оригинальные станки. А круглый столик, будто из красного дерева? Нет, дерево тут ни при чем. Такие столы на Украине делают из пластмассы.

Выставка образцов новой мебели, работавшая в Москве около трех месяцев, выявила огромные возможности, которыми располагает наша промышленность. И теперь все дело в том, чтобы от опытных образцов перейти к массовому производству, чтобы в изобилии дать покупателю удобную, красивую, прочную мебель.

Есть над чем задуматься и работникам торговли. Надо так организовать продажу мебели, чтобы воспитывать у покупателей хороший вкус, чтобы внедрять в быт советских людей все то новое, что красиво, добротно и дешево.

Кухня, спроектированная ленинградскими архитекторами.

С. МОРОЗОВ,
Л. КАМЕНСКИЙ.

Аксинья — Э. Быстрицкая, Григорий — П. Глебов.

«ТИХИЙ ДОН» НА ЭКРАНЕ

На Московской студии художественных фильмов имени М. Горького идут съемки кинокартины «Тихий Дон» по одноименному роману М. А. Шолохова. Автор сценария и режиссер-постановщик фильма — народный артист СССР Сергей Герасимов.

Посредине павильона декорации людской — комнаты усадьбы Листницких — Ягодного, — в которой живет Аксинья. Ночь...

Режиссер дает последние распоряжения. Оператор направляет камеру на окно, выходящее в степь...

— Внимание! Мотор! — звучит команда.

«В окно Аксиньи раздается сдержанный стук. Затем кто-то, не владея собой, стал бить кулаками в раму...

Перед аппаратом мелькнуло испуганное лицо Аксиньи, она открыла дверь и вскрикнула.

Григорий обнимал Аксинью здесь же, в сенцах, заглядывая ей в глаза.

— Стучал ты как! А я уснула, не ждала... Любимый мой!

— Озяб я...

Аксинья чувствовала, как в крупной дрожи сотрясалось все большое тело Григория. Она метнулась разводить огонь.

— Не ждала!.. Давно не писал. Думала, не придешь ты... Хотела тебе гостинцев послать, а потом думаю, погожу, может, письмо получу... — И через плечо взглядывала на Григория. На губах ее не таяла замерзшая улыбка».

Это один из эпизодов нового фильма. Советское кино не знало такой грандиозной по времени, по охвату событий и числу действующих лиц постановки.

С мая 1955 по сентябрь 1956 года в контакте с Михаилом Шолоховым Сергей Герасимов работал над сценарием. Вначале было решено ставить фильм в двух сериях, но в процессе работы стало ясно, что события, описанные в романе, с трудом вместятся в три серии.

— «Тихий Дон» Шолохова — моя любимая книга, — рассказывает Сергей Герасимов. — Это и народная эпопея, и своеобразный словарь русского языка, казачьего языка, и энциклопедия характеров. Давно я мечтал о постановке фильма по этому роману. Не один раз в Институте кинематографии я готовил со своими учениками отрывки из «Тихого Дона».

Как известно, первая попытка экранизации «Тихого Дона» была сделана еще в 1930 году режиссерами О. Преображенской и И. Правовым. Но это был фильм о личной драме Григория и Аксиньи. Тогда писателем была написана только первая книга, да и кинематограф оставался немым, не освоили еще цветную съемку.

Будущий фильм — это киноповествование о рождении социалистического мира, о революции. В нем много массовых, масштабных сцен: эпизоды и события империалистической войны, картины гражданской войны. В эпизоде разгрома белых армий под Новороссийском будут участвовать подразделения всех родов войск, включая флот.

В «Тихом Доне» снимаются в основном молодые артисты. Роль Григория Мелехова исполняет артист Драматического театра имени К. С. Станиславского Петр Глебов. Это его дебют в кино.

— Я очень хочу, чтобы будущий зритель полюбил моего Григория, — говорит Глебов. — Мне нравятся его самобытный характер, его страстность и целеустремленность, его выразительная речь. Я ведь сам выходец из деревни, хорошо знаю ее быт, ее людей. Поэтому в образе Григория мне многое близко, понятно.

Первый раз снимается в кино и З. Кириенко — студентка Института кинематографии. Она играет Наталью. В роли Петра Мелехова выступает московский артист Н. Смирнов, в роли Евгения Листницкого — ленинградец И. Дмитриев. Михаила Кошевого играет артист Г. Карякин из Ярославля.

Зритель увидит в «Тихом Доне» и популярных киноартистов: Олега Жакова в роли большевика Штокмана и молодую актрису Эллину Быстрицкую — Аксиньи.

Мы попросили актрису рассказать о своей новой работе.

— Впервые с шолоховской Аксиньей я встретилась много лет назад, — говорит Быстрицкая. — Будучи на первом курсе Киевского театрального института, я играла Аксинью в инсценировке из «Тихого Дона». В марте нынешнего года я была утверждена на эту роль и с тех пор как бы живу жизнью своей Аксиньи. Много предстоит кропотливой, серьезной работы. Так хочется, чтобы зритель поверил в бурную, всепоглощающую любовь гордой, свободолюбивой казачки!

В фильме более тридцати главных и до ста второстепенных ролей.

Сейчас творческая группа выехала на натурные съемки в район Северного Донца. На хуторе Диченском, в 14 километрах от города Каменска-Шахтинского, будут вестись съемки основных сцен фильма, происходящих осенью, зимой и весной. Следующим летом группа начнет съемки эпизодов периода империалистической войны.

В конце октября художественный совет Студии имени М. Горького просмотрел первую тысячу метров рабочего материала будущего фильма и положительно оценил работу коллектива. Съемки I и II серий будут закончены к 40-летию Великого Октября.

Б. ПОЛЯКОВ

СИЛА КОЛЛЕКТИВА

У стола высокопоставленного чиновника неподвижно стоит человек в форме морского инженера. Подтянутый, стройный, с лицом благородным и открытым, он напоминает нам многих самоотверженных и непреклонных передовых русских людей прошлого века. Это капитан Корнев, герой одноименной пьесы поэта В. Тютьманова.

С волнением и болью следят за судьбой Корнева зрители, заполнившие зал Великолукского драматического театра. Прекрасна вдохновляющая идея — достигнуть Северного полюса. Но, борясь за ее осуществление, Корнев сталкивается с произволом царских чиновников, с обманом торгашей. С огромными трудностями пробивается он во льдах и умирает, так и не достигнув цели похода.

Роль отважного исследователя Севера играет артист Н. Теньгаев. А на следующий день театр показывает пьесу, также рожденную в его стенах, «Андрей Ставров» инженера-лесника И. Шура. Заглавную роль снова исполняет артист Н. Теньгаев.

Андрей Ставров, как и капитан Корнев, — человек большой воли, ума, энергии и таланта. Но он зазнался, обюрократился, стал равнодушным к людям. Трудно узнать вчерашнего исполнителя роли воспитанного, корректного капитана Корнева в этом крикливом, предельно невоспитанном человеке, каким выглядит в начале спектакля Андрей Ставров.

На протяжении пьесы Ставров, пониженный в должности, проходит долгий и трудный путь. И зритель понимает: Ставров многое передумал, перечувствовал. Пережитое помогло ему стать самим собой, прежним Ставровым — мечтателем, способным мыслить, творить вместе с коллективом. Преображается он и внешне: движения его становятся медлительнее, интонации мягче, и в глазах вместо злости появляется задумчивость. В таком раскрытии роли — заслуга актера Н. Теньгаева.

Великолукский театр не первый год работает с местными авторами. Журналисты, железнодорожники, художники — люди самых различных профессий несут в театр свои пьесы. Все маломальски интересное, своеобразное, что есть в этих произведениях, привлекает внимание режиссуры и после кропотливой совместной работы автора с театром воплощается на сцене.

Едва ли не самый удачный пример творческого содружества автора, режиссера и исполнителя можно найти в постановке другой пьесы И. Шура — «Горящее сердце».

Разболтанным, своенравным дичком-подростком, полным недоверия к людям, появляется впервые на сцене Саша — В. Седов. Но вот пройдена суровая жизненная школа, наступила война, и мы видим другого Сашу Матросова — бойца, попрежнему порывистого, горячего, но дисциплинированного, воодушевленного сознанием воинского долга.

«Я гражданин Советского Союза...» — в эти полные глубокого смысла слова присяги артист вкладывает всю силу присущего ему темперамента. И в них звучит клятва советского воина Родине, во имя которой Александр Матросов отдал жизнь.

Три главных героя названных пьес — капитан Корнев, Андрей Ставров и Александр Матросов, — различных по своим характерам и судьбе, воплощают в себе, по существу, одни и те же черты: смелость, упорство, волю к победе, безграничную преданность Родине. Спектакли эти позволили театру показать характер русского человека.

Е. ХОДУНОВА

Н. Теньгаев в роли Корнева. «Капитан Корнев» В. Тютьманова.
Фото А. Охлопкова.

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕЙ

Е. ПОПОВКИН

Фото А. НОВИКОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

В Москве меня спросили:

— Вам не приходилось видеть небо над Афинами?!. О-оо!

Господин Стратис, греческий профсоюзный деятель, с которым мы только что познакомились, сделал столь красноречивый жест, черные глаза его блеснули так темпераментно, что я подумал: должно быть, небо над Грецией и впрямь необыкновенно.

Но прежде чем нам довелось увидеть столицу древней Эллады в ослепительных лучах щедрого солнца, она предстала перед нами в изумительно красочных ночных огнях.

Самолет югославской авиационной компании, на который мы днем пересели в Белграде, с час уже шел в предвечернем сумраке. Потом пустынные, мрачноватые Балканские горы с одиноко мерцающими точечками на склонах поглотила непроглядная тьма.

И вдруг далеко внизу, под крыльями самолета, распростерлась безбрежная, переливающаяся всеми цветами россыпь светлячков — бледнозеленых, пурпурных, оранжевых, голубых, красных, золотых, малиновых. Это Афины!

Причудливые лабиринты огней, то неподвижных, то бешено вертящихся, плывущих, прыгающих, кружащихся в хороводе, стремительно поднимались нам навстречу.

Отодвинув до отказа занавеску, я вглядывался в сверкающую мозаику: так вот она, колыбель древнейшей в Европе культуры, святыня греческого народа, «Эллада в Элладе»!.. Город Перикла и Геродота, Фидия и Протагора!.. Страна, так хорошо известная нам еще со школьной скамьи и так мало пока знакомая сегодня...

Внезапно огненная россыпь устремляется куда-то в сторону, медленно вращается вокруг самолета...

— Греция! — с будничной корректностью сообщает стюардесса, пробираясь вперед, к кабине пилотов.

«Берьозка» — это хорошо!»

В Афинах, куда мы прилетели в начале сентября, градусник показывал немногим меньше сорока в тени. В номере отеля «Акрополь-Палас», приготовленном заботливыми друзьями, я случайно прикоснулся к металлической пепельнице: она была горяча, как остывающая сковородка.

— Днем немножко теплее,—пошутили друзья.— Днем афиняне спят. С часу дня до пяти закрываются все магазины и конторы...

Через дверь, распахнутую на балкон, врывался в душную комнату многоголосый шум незнакомого города, из тенистого парка, что наискосок от гостиницы, доносились звуки своеобразной музыки, газетчики зычными голосами сообщали последние новости...

Один из современников Перикла две с половиной тысячи лет назад писал: «...Так ты чурбан, если не видел Афин; осёл, если видел их и не восторгался; а если по своей охоте их покинул, то ты верблюд».

Прочитав это в записной книжке, привезенной из дому, и решив, что неудобно оказаться хотя бы чурбанами, мы стали готовиться к выходу в город. Смуглый рослый официант, принесший из буфета содовую воду со льда и такой же ледяной газированный апельсиновый сок, именуемый здесь «портокаладой», сказал, ставя бутылочки на стол:

На улицах Афин. Продавец губок.

— Добра утра! — и, смущенно улыбаясь, поправился: — Добра ночи!.. «Берьозка»... хорошо!

Незадолго до нас в этом отеле, обычно заполненном туристами из Англии, Америки, Франции, жили артистки ансамбля «Березка». Мы имели возможность много раз убедиться, как искренне полюбился грекам этот талантливый коллектив и какую добрую память о нем сохраняют афиняне.

Молоденький, почти совсем юный лифтер в черной курточке, с живыми глазами и еле обозначенными усиками, раскрыв дверь лифта и распознав по каким-то, ему одному известным приметам, что мы из Советской страны, не преминул высказать свое отношение к нам. Для этого ему пришлось мобилизовать весь свой запас русских слов.

— Оч-чен хорошо!..— скороговоркой произнес он.— Пожалуйста... Спасибо... До свидания...

Было необычайно приятно в первые же минуты увидеть, как радушно относятся в Греции к советским людям.

Забегая несколько вперед, замечу, что проявление искренних чувств, неподдельный и живейший интерес к советскому народу ощущались нами всюду.

Скрывать нечего, в Греции далеко не всем это нравится. Скажу больше: кое у кого сближение советского и греческого народов вызывает раздражение и плохо скрываемое недовольство. Но каждый раз, обмениваясь дружеским рукопожатием с простыми тружениками — табаководами и рыбаками, портовыми рабочими и служащими, артистами и писателями,— мы неизменно слышали:

— Как замечательно, что можем видеть у себя русских!

Или лаконичное и сердечное, идущее от души:

— Друзья!..

За месяц с лишним нам удалось побывать во многих уголках этой солнечной, изумительной по красоте древней земли.

Мы были в живописных горных деревушках и рыбачьих поселках Пелопоннеса, в оливковых и лимонных рощах долины Аргоса, на хлопковых полях и виноградниках Фессалии, Фракии, в знойной Аттике и суровой Македонии.

Мы видели рабочие кварталы Драпецона и Коринфа и взбирались на крутые горы Навплиона и Микен.

Мы беседовали со старыми и молодыми рабочими и работницами табачных фабрик Пирея и оливкового завода в Элевсисе.

Нам удалось взглянуть на жизнь тружеников города Волоса, пострадавшего от землетрясения, и со многими сдружиться; встретиться с посетителями салоникской международной ярмарки и обменяться с ними впечатлениями; потолковать с купцами и деревенскими кооператорами.

Мы были в гостях у композиторов и писателей, видели, как отдыхают портовые грузчики в бедняцких тавернах.

Мы побывали в двадцати городах и десятке крестьянских селений Греции, встречались с самыми различными людьми в Фивах и Ливадии, Ларисе и Новой Ионии, Патрах и Эгионе, Марафонской долине и курортном местечке Лутраки... И всюду: была ли это овощная лавчонка или опрятный домик фольклориста из Волоса, закопченная мастерская чеканщика церковной утвари в старом уголке Афин — Монастираки — или скромная соломенная овчарня фессалийского влаха — мы на каждом шагу видели горячее желание дружить, торговать с Советской страной, обмениваться с ней культурными ценностями и достижениями науки.

Однажды, уже собираясь расставаться с гостеприимной Грецией, мы зашли в первый попавшийся на пути магазинчик сувениров. Хозяин дремал, прикрывшись газетой. Судя по всему, коммерческие дела были у него неутешительными.

Догадаться об этом было легко по той стремительности, с какой он, отшвырнув газету, разложил на прилавке свои грошовые драгоценности.

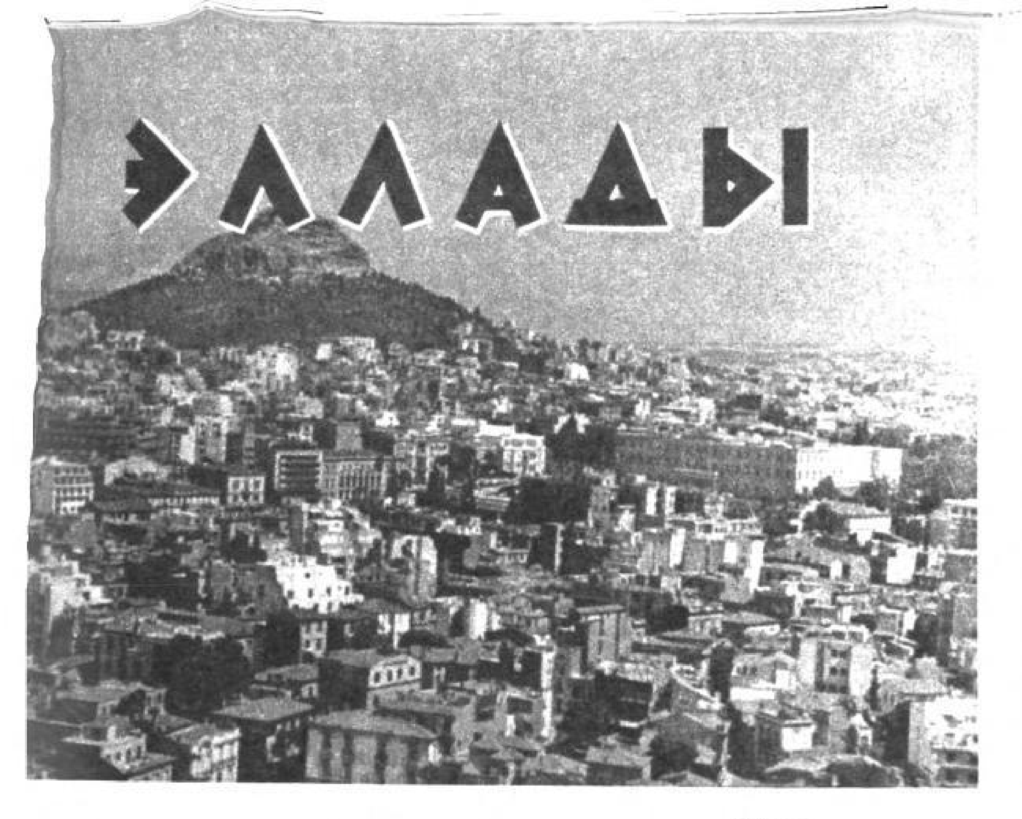
Мы купили кое-какую мелочь.

— Американ? — осведомился продавец.— Инглиш?

— Россико,— сказал я, храбро произнеся одно из тех слов, которые мы слышали наиболее часто.

— Сталинград?! — воскликнул продавец сувениров, глядя на нас во все глаза и возбужденно причмокивая.

Этим словом, повидимому, исчерпывались его познания в русском языке. Но нашему собе-

Афины.

седнику очень хотелось сказать что-нибудь еще. Наморщив лоб, порозовев, он вдруг воскликнул:

— «Берьозка»!.. Это хорошо!

Обезьянка Карло

Итак, мы выбрались на шумные улицы Афин...

Было уже близко к полуночи, но казалось, город лишь недавно проснулся и ни у кого и в помыслах не было покинуть его улицы, площади, скверы. Потоки гуляю-

Продажа лотерейных билетов.

щих текли друг другу навстречу так же густо, как и идущие впритирку к узким тротуарам вереницы велосипедистов, косяки разноцветных автомобилей, троллейбусов, юрких ройроллеров, оглушительно стрекочущих мотоциклов.

В Афинах водители машин сигналами не пользуются, но тише от этого не становится. Разве смогли бы клаксоны состязаться с хорошо поставленными, а к ночи уже осипшими голосами темпераментных чистильщиков обуви, энергичных продавцов вечерних газет, фисташек и жареных кукурузных початков.

Уличные торговцы жмутся к ярко освещенным витринам магазинов, кинотеатрам с ядовито-пестрыми афишами у входа, снуют меж столиками бесчисленных таверн, кафе, закусочных или располагаются со своим немудреным товаром у ларьков с прохладительными напитками. Здесь гуще толпа, следовательно, больше шансов заработать хоть несколько драхм.

Кто-то сказал, что в Греции любят и умеют торговать. В этом мы убедились в первый же вечер, прогуливаясь по ночным афинским улицам.

Магазины были уже закрыты, но чем только не торговали прямо на тротуарах! Киоски, расположенные друг от друга в нескольких десятках метров, по существу, маленькие универмаги. Увешав снаружи киоск сверху донизу иллюстрированными журналами и газетами или сверкающими гирляндами дешевой ювелирной дребедени, владелец будет бодрствовать за своим окошечком, пока улицы совсем не опустеют.

У него есть все: сигареты и шоколад, бритвенные лезвия и жевательная резинка, Венеры из мраморной прессованной крошки и бензин для зажигалок, темные очки и найлоновые зубочистки, дамские чулки и вездесущие содовая вода и холодный лимонад...

Владелец киоска уже перехватил наш рассеянный взгляд и, быстро высунувшись из окошечка, высоким голосом, в котором слышатся и железная настойчивость и дружеская просьба, приглашает купить хоть что-нибудь.

Но нас уже экспансивно атакует такой же громкоголосый, загоревший до черноты пожилой мужчина с усталыми добрыми глазами. В руках у него длинный шест, снизу доверху утыканный лиловыми бумажками.

Мужчина щедро обещает вам чудесную виллу, автомобиль, удобную квартиру, мотоцикл, чековую книжку. Надо только не пожалеть несколько драхм и приобрести у него лотерейный билетик. И так как этот лиловый лоскуток бумаги пока, пожалуй, единственный доступный всем способ стать в одно прекрасное рождественское утро богатым человеком, возле продавца лотерейного счастья подолгу и задумчиво простаивают скромно одетые молодые люди и озабоченные женщины.

Грустно вздохнув, они шагают дальше, мимо зеркальных витрин, за которыми сверкают лаком не призрачные, а самые настоящие новенькие лимузины и мотоциклы, красуются отсвечивающие никелем холодильники и радиолы, ультрамодные дорогие пальто и костюмы. И вдруг в одной из следующих витрин два добродушных щенка; потряхивая длинными плюшевыми ушами, они стараются вырвать друг у друга лиловую бумажку...

Если и шустрые собачонки не сумели убедить вас в том, что ваше обеспеченное будущее — в лотерейном билете, то на следующем квартале вам начнет подмигивать щетинистыми бровями из-за оконного стекла красноносый и краснощекий морячок из папье-маше. Он указывает пальцем то на одного, то на другого прохожего, затем, вздрогнув, радостно трясет перед собой заветной лиловой бумажкой.

На одной из самых шикарных и многолюдных улиц, Панепистимиу, что значит Университетская, мы невольно задержались возле конторы с неоновой вывеской «Карло». Внимание наше привлекла уже не игрушечная, а настоящая обезьянка. Оказалось, что ее и зовут Карло. Она бойко носилась по металлической, занявшей все окно спирали. Время от времени клерк протягивал ей пачку все тех же лиловых билетиков. Карло сердито выхватывала один из них, и клерк с серьезным лицом и корректным поклоном передавал билетик будущему обладателю богатства.

Афиняне говорили нам позже, что Карло, если она в хорошем настроении, обязательно обеспечит вам безбедную жизнь...

«Фальшивая монета»

Одно из наиболее излюбленных и, что важнее, доступных вечерних развлечений у афинян — это посидеть за столиком в кафе или в таверне, благо, кафе тесно жмутся друг к другу и столики подчас занимают весь тротуар квартала. Можно спросить свежую газету, чашечку кофе или бокал обыкновенной холодной воды, можно, не торопясь, перелистать газеты «Акрополис» или «Авги», «Элефтерию» или «Этнос» — в соответствии с симпатиями и укоренившейся привычкой. В Афинах пятнадцать газет, тысяча двести профессиональных журналистов...

Можно, вернув гарсону газету, просто смотреть на толпы гуляющих...

Что ж, присядем и мы... Спросив разрешения у одиноко коротавшего свой досуг пожилого мужчины, мы устроились за его столиком.

Мимо, обдавая нас запахом отработанного бензина и нагретой резины, проносились «шевроле», «бьюики», «паккарды», «форды». Медленно прохаживались парочки. Коротко подстриженные черноволосые и смуглые красавицы с узкими, как у балерин, талиями, в пышных яркозеленых и яркокрасных юбках и белых блузках, с неизменным крестиком на груди... Такие же черноволосые, с темно-оливковым от солнца цветом лица мужчины в узеньких брюках и элегантных пиджаках... Американские и английские патрули с кобурой пистолета на животе. Уличные фоторепортеры с блиц-аппаратами через плечо... Греческие полицейские в шлемах и белых нагрудных перевязях на кремовых мундирах... Американские солдаты и матросы в штатском; их здесь сразу распознают по цветастым, пестро разрисованным ситцевым рубашкам и по развязности...

Мужчина, сидевший рядом за столиком, некоторое время внимательно прислушивался к нашему разговору, затем неожиданно спросил:

— Москва?

— Да, из Москвы.

— Поли калá!

Наш московский друг, давно живущий в Греции, перевел: «Очень хорошо!».

Мы с этим согласились.

— Зимой у нас лучше,— немного помолчав, сказал мужчина.— Тогда горы и деревья зеленые... Все цветет... Сейчас выгорело...

Не ожидая ответа, он вдруг, приблизив к нам худое, коричневое лицо и поглядывая то на переводчика, то на нас, с надеждой, перейдя на конфиденциальный шепот, проговорил:

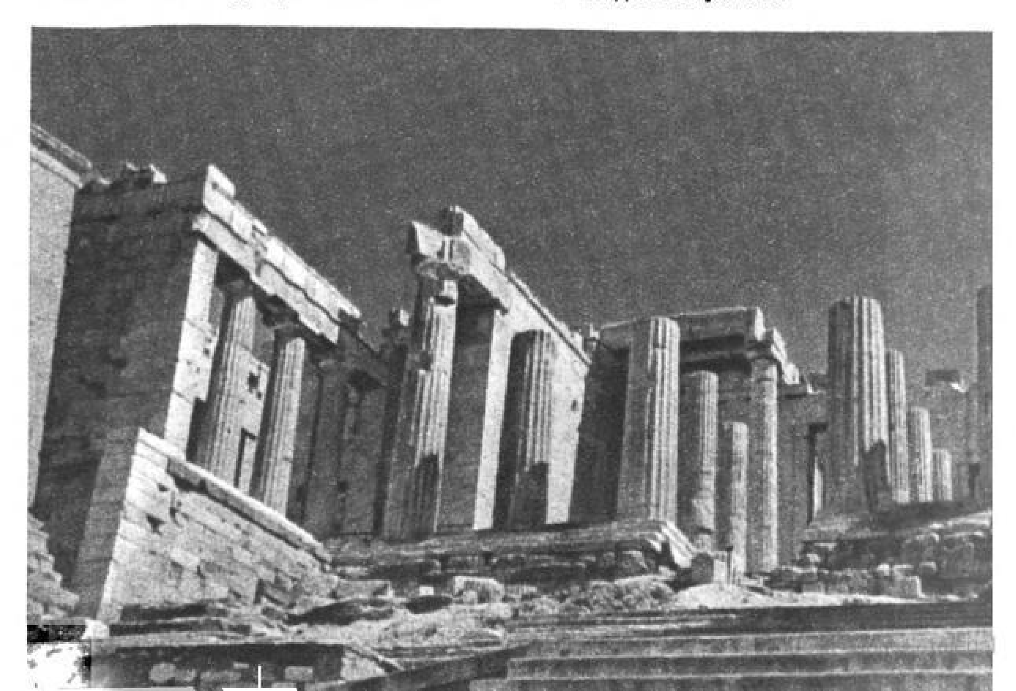
— Если у вас есть капитал, мы можем вместе начать выгодное дело. Я давно намерен открыть свой большой магазин.

Мы смущенно ответили, что коммерцией нам как-то заниматься не приходилось и компаньонами мы оказались бы плохими.

— Тогда займите мне денег, если располагаете, и я вам помогу заработать,— внес энергичное предложение будущий владелец магазина.— На процентах...

— А чем, если это, разумеется, не составляет тайну, вы занимаетесь сейчас? — поинтересовался я.

— Пока работаю дворником в мэрии,— охотно сообщил наш собеседник.— Там заработки низкие... Видите, я даже не могу позволить себе чашечки кофе... Он

У входа в Акрополь.

сто́ит две драхмы... Мой полудневный заработок... А я так люблю кофе!

Перед нашим случайным, располагающим к себе бесхитростной простотой собеседником стоял недопитый стакан воды. Он решительно, с подчеркнутой гордостью отказался разделить с нами скромный ужин и сидел, попыхивая сигаретой и озабоченным взглядом следя за снующей толпой.

И вдруг в памяти у меня возникло все, что я видел в «Фальшивой монете». В этом фильме скромный, честный и талантливый Анаргир, втянутый в авантюру и потерявший свои небольшие сбережения, печально восклицает:

— Как я мечтал пить свой кофе!

И слепого скрипача мы видели только что на перекрестке оживленных улиц. Он не столько водил смычком, сколько прислушивался к звяканью монет о дно жестяной кружки.

И подозрительно густо подкрашенных женщин успели мы заметить на тротуаре у отеля «Гранд Бретань».

А наш собеседник торопливо порылся в карманах старомодного, выцветшего, но опрятного пиджака и извлек потертую на сгибах газету «Элефтерия».

— Вот! — Он развернул газетный лист и ткнул пальцем в пометку карандашом.— Вы непременно прочитайте!

Нетрудно было заметить, как волнует его начатый разговор.

— Я сам прочитаю! — торопливо сказал он.— «...Около тридцати процентов живущих в нашей стране людей, которых мы хотим видеть здоровыми, гордыми, послушно выполняющими законы, честными патриотами, готовыми на любые жертвы, и фанатическими защитниками греко-христианской культуры, имеют в день дохода на душу меньше, чем четыре драхмы...»

Он перевел дух и, убедившись, что мы слушаем переводчика очень внимательно, продолжал:

— «...На это они должны питаться, одеваться, платить за квартиру. Шесть процентов жителей Греции имеют в день четыре — шесть драхм дохода...»

Наш собеседник, не дочитав, уныло махнул рукой и, отдавая нам зачем-то газету, добавил:

— Единственный выход для меня — открыть магазин... Ни фальшивые, ни честные лиры на тротуарах не валяются... А лучше всего ни о чем этом не думать!

В голосе его прозвучали шутливые нотки. Положив на мраморный столик две мелкие монетки, он с достоинством поклонился нам и направился к выходу.

Мы с искренним сочувствием проводили его взглядом.

У стен Акрополя

Каждому, кто приезжает в Грецию впервые, конечно, хочется прежде всего увидеть воочию памятники ее древности. Акрополь я увидел совершенно неожиданно с балкона нашего отеля на улице Патиссия. Предрассветное небо над Афинами было не алым и не светлоголубым, а почему-то неправдоподобно желтым, каким его любят изображать на картинах из библейской жизни. Прозрачность этого удивительно яркого небосклона подчеркивали черные, словно исполненные тушью силуэты гор, окаймляющих город с востока...

На улицах Афин.

Высокий, видимый далеко в окрестностях акропольский холм еще лежал в тени, а Парфенон был уже освещен первыми солнечными лучами. И это утреннее волшебство светотеней создавало иллюзию, что весь многоколонный храм создан из слоновой кости и озарен каким-то внутренним золотистым светом, праздничным и жизнерадостным.

Позже я видел Парфенон и днем, и в сумерки, и при лунном свете. Видел в те часы, когда его подсвечивают снаружи прожекторами в честь какого-либо праздника или большого события. Он всегда неповторим и всегда поразному прекрасен. Мне удалось повидать замечательные памятники еще более древних веков — акрополи Коринфа, Аргоса, Микен. Но ничто не могло затмить первого и наиболее сильного впечатления, какое произвел афинский Акрополь, один из совершеннейших архитектурных ансамблей мирового искусства.

Греческие экскурсоводы обычно сообщают туристам, что Парфенон построен из пентелийского мрамора выдающимися архитекторами Иктином и Калликратом; что Пропилеи строил другой талантливый архитектор, Мнесикл; что Калликратом воздвигнут и вот этот маленький храм Ники Аптерос («Бескрылой Победы»); что завершающий архитектурный ансамбль храм Эрехтея «Эрехтейон» построен в ионическом ордере за четыре столетия до нашей эры.

Напомнит гид своим слушателям и о том, что статуя Афины Девы из слоновой кости и золота сделана первым скульптором Эллады Фидием и что он же руководил восстановлением Акрополя после разрушений военных лет...

Наконец, нетерпеливо поглядывая на часы, гид добавит, что в XVII веке, во время войны турок с венецианцами, здание Парфенона снова сильно пострадало...

Все это интересно, важно... Но вы, естественно, желаете знать больше.

Нам древние памятники Греции казались не мертвыми камнями, хотелось видеть в них живые страницы яркой истории народа, у которого свободолюбивые и демократические традиции, уходящие корнями вглубь веков, поднимали греческих патриотов на борьбу за независимость и в прошлом веке и во времена минувшей войны.

В самые тяжкие дни, когда кровавый террор гитлеровских оккупантов особенно свирепствовал в стране, над Акрополем высоко взвился национальный греческий флаг. Его водрузил на каменной вышке, охраняемой эсэсовцами, греческий патриот Манолис Глезос. Только чудом он смог это сделать и чудом не был схвачен гестаповцами.

Мы стоим на этой вышке. Под нами совершенно отвесная циклопическая каменная стена. Далеко внизу, сколько охватывает глаз, — бесконечные кровли огромного города, раскинувшегося между выцветшими от зноя горами и бирюзовой водной ширью. Крыши, то белые и плоские, то черепично-оранжевые, конусообразные, спокойная гладь Эгейского моря, очертания островов в туманной дымке, Пирейский порт, залив с рыбачьими фелюгами, парусниками и катерами... И снова несметные крыши домов, приземистых храмов, окруженных серебристо-пыльными купами олив и синими кипарисами, прямые и длинные улицы с конторами агентств, торговых и туристических фирм, бетонно-зеркальными громадами универмагов и банков, запутанные переулочки с допотопными мастерскими ремесленников, просторные парки и тесные рыночные площади...

В современных Афинах, греческой столице с полумиллионным населением, немало контрастов. Однако новый человек не сразу разберется, что здесь от тысячелетней древности и что от современных английских «офисов» и предприимчивых американских бизнесменов.

Так же, как и сто и тысячу лет назад, невозмутимо цокают копытцами по улицам куцые ослики и мулы, на спинах которых покачиваются корзины и ящики с овощами, фруктами. Равнодушные к блистающим лаком «шевроле» и «бюикам» поджарые лошаденки влачат старомодный фиакр с флегматичным возницей и обнявшейся парочкой. Из распахнутых настежь дверей прокуренных кофеен и таверн несет чадом бараньего сала и пригоревшего оливкового масла, доносится азартный стук игральных костей, а наискосок, в американском баре с мраморными стойками и высокими стульцами, тянут виски и коктейли франты и их экстравагантные разодетые подруги.

Страстно-печальная восточная музыка, мелодичные звуки старинного инструмента бузуки заглушаются воем и скрежетом джазов, призывные крики водоносов — свистом реактивных самолетов над городом.

В лавчонках, торгующих крестиками, образками, иконками, миниатюрными иконостасиками, предложат вам и американскую губную помаду и английские найлоновые пакеты для белья.

В богатых домах и дорогих отелях воздух охлаждают ультрасовременными приборами — эйркондишен. Немецкие холодильники, английские пылесосы и автоматы для фруктовых соков и американская жевательная резинка сосуществуют с примитивной наковальней кузнеца, первобытно простыми лодками рыбаков, тростниковыми туфлями бедняка.

Греция, которой так и не дали развить свою крупную промышленность, вынуждена покупать в других странах все жизненно важное для себя: машины и сталь, сельскохозяйственные орудия и транспортные средства, нефть и бензин, каменный уголь и текстиль. И те города, которые могли бы производить многое, за что сегодня приходится платить валютой, — Афины, Пирей, Патры, Салоники, Волос, Родос — перебиваются тем, что изготовляют сигареты, керамику, оливковое масло, кожевенные и ковровые изделия.

— Нашим друзьям, американцам и англичанам, выгоднее, чтобы мы производили только шелковые коконы и овечий сыр, — сказал с горькой усмешкой греческий коммерсант, с которым я познакомился на одном из табачных складов Пирея.

Прибрав к рукам промышленность, торговлю, иностранные монополисты разрешают Греции вырабатывать лишь то, чего не могут завезти в страну их фирмы.

Чтобы свести концы с концами, в Греции стараются побольше сажать и побольше продать за границу табака, винограда, олив, лимонов. Меньше стали предъявлять спроса, скажем, на сушеную коринку, морские губки, и это уже вызывает тревогу.

Когда-то большой доход приносил стране туризм. Здесь вспоминают, что накануне войны, в 1937 году, Грецию посетило около полутораста тысяч иностранных туристов. В 1947 году их было всего четырнадцать тысяч.

Правда, в последнее время поток туристов снова усилился. В благоприятном для греческого туризма 1955 году здесь, как с удовлетворением сообщала газета «Этнос», побывало иностранцев даже больше, чем накануне войны, — около двухсот тысяч. Но в силу некоторых обстоятельств англичане, например, которые, по словам той же газеты, были «королями туризма», стали ездить в Грецию значительно меньше, как, к слову сказать, и меньше покупать у греков сушеной коринки и табака.

Мы зашли в туристическое бюро братьев Караяниди, на улице Стадиу, 58.

— Знаете, к вам, в СССР, уже выехала первая группа греческих туристов, — сообщили нам с нескрываемой радостью. — Врачи, адвокаты, кустари... Посмотрят Москву, Киев...

В конторе было многолюдно, оживленно, шумно, как и обычно в горячие для туризма дни сентября. Но хозяева, отложив дела, принялись тщательно подбирать маршруты, проспекты, справочники.

— Пожалуйста, поезжайте по нашим историческим местам, — сказали нам. — Будем довольны, если вы увидите землю Эллады, какой она есть... И расскажите своим землякам, что их здесь ждут всегда с наилучшими чувствами!..

Беженцы на лодках покидают Порт-Саид.

ЕГИПЕТ В ЭТИ ДНИ

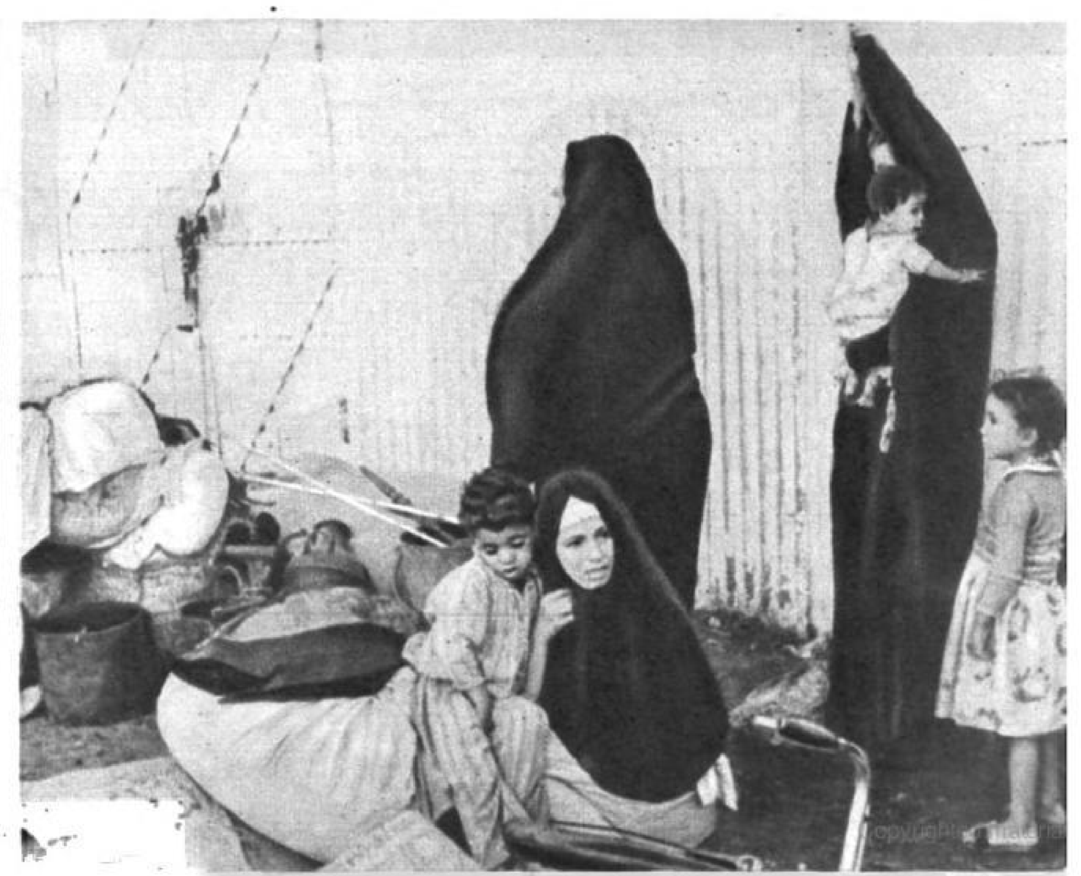
Николай ДРАЧИНСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Тяжелые дни переживает Египет. Англо-французские и израильские оккупанты вторглись в страну. Они разрушили и разграбили прекрасный город Порт-Саид. Их бомбы падали на мирные города и села республики. Весь народ Египта — мужчины, женщины, дети — стал на защиту родной земли, своей свободы, национального достоинства.

Несмотря на требования Генеральной Ассамблеи о немедленном и полном выводе англо-франко-израильских войск с территории Египта, войска интервентов все еще остаются там. Это вызывает большое беспокойство всех миролюбивых народов. Они настаивают: вывести войска агрессоров из Египта!

Английские оккупанты в западной части Порт-Саида.

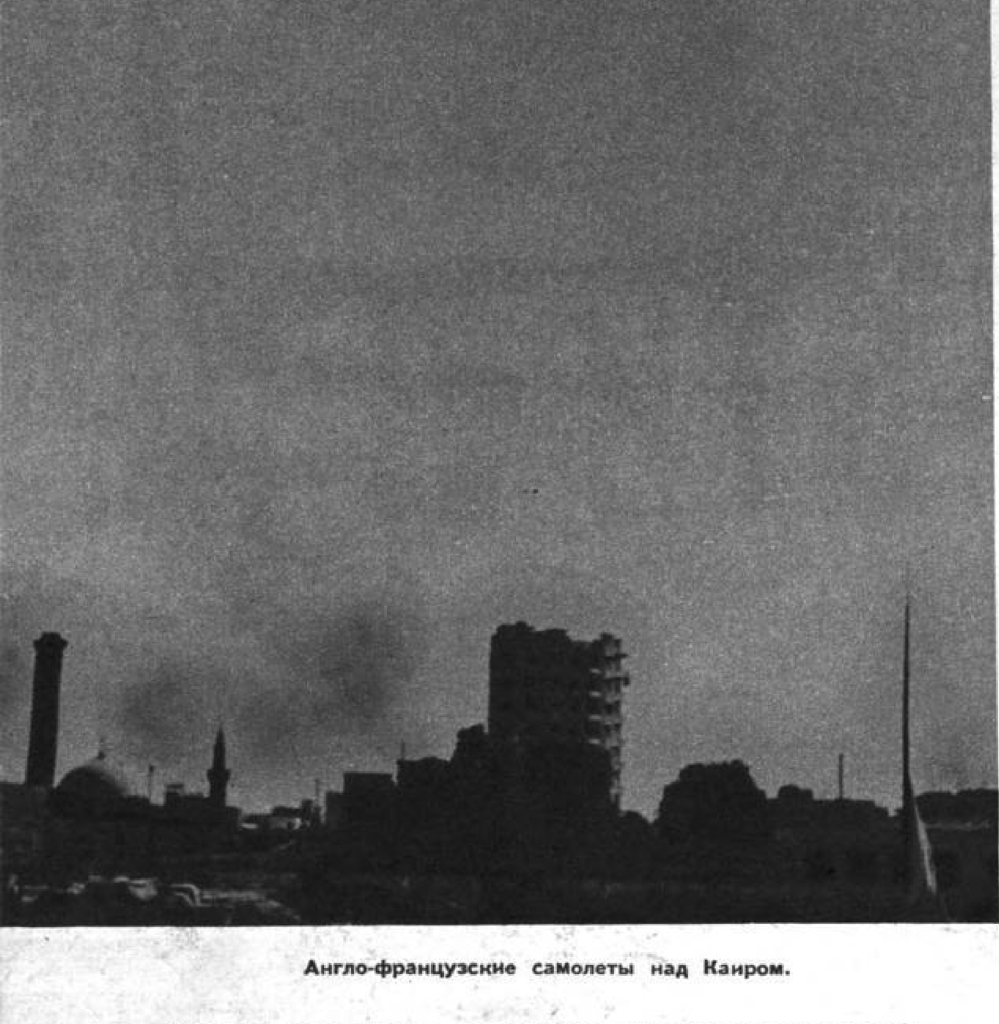

→ Беженцы из Порт-Саида в городке Эль-Матария.

ЕГИПЕТ В ЭТИ ДНИ

Тысячи египтян добровольно вступили в Армию освобождения. Они спешно учатся владеть оружием. **На снимке:** одно из подразделений Армии освобождения.

Англо-французские самолеты над Каиром.

Ударные отряды Армии освобождения выполняют боевое задание.

Студенты, учителя, школьники старших классов овладевают военным делом. Старый солдат Абделфаттах Абу (слева) обучает стрельбе учителя Мусада Абдеррахмана.

Лейтенант флота Рауф Хасуна, участник атаки египетских торпедных катеров на флот интервентов. В этом бою торпедисты потопили два миноносца агрессоров.

Сержант Мустафа Салям, получивший награды за борьбу с интервентами.

Студентка Зейнам Фарат — солдат Армии освобождения.

Служащие каирских учреждений проходят боевую подготовку. На снимке справа: Махмуд Хамза — известный в Египте стрелок-спортсмен, участник многочисленных международных стрелковых соревнований. Ему 70 лет. Он готовит для армии снайперов.

Лейтенант Махмуд Сираг поздравляет школьника, солдата Армии освобождения, Атефа Абдельмоти с отличным выполнением задания.

Первые медали

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Секундомеры пущены

Один журналист, обращаясь ко мне, сказал: «Давай договоримся больше не писать о погоде: в Москве подумают, что нам больше и писать не о чем». «Давай», — согласился я. И вот начинаю вторую корреспонденцию из Мельбурна с погоды. Как же о ней не писать! Австралийское небо еще 20 ноября было пасмурным, 21-го — облачным, а 22-го стало солнечным, голубым.

Ко мне позвонил мой новый знакомый — местный коммерсант — и торжественно спросил: «Ну что?» Да, наши опасения, к счастью, не подтвердились: день открытия Олимпиады был по-летнему жаркий, даже знойный. И словно от действия невидимых лучей падали на траву люди, несшие на параде открытия таблички с обозначением стран. Все они были австралийцы, и вот не выдержали своего же солнца.

— Мы немного «пересолили»,— шутили они, — но завтра установим температуру, более подходящую для спортивных состязаний.

...Теперь все это уже далеко позади; над олимпийским стадионом неугасимо горит олимпийский огонь, словно врезаясь по вечерам в звездное небо. Но не только факел горит на стадионе. Вспыхивают над трибунами шустрые электрические буквы на огромном щите, будто кто-то стирает мокрой тряпкой спортивные показатели и пишет новые.

Вежливость прежде всего

О том, что советские спортсмены вежливы, уже сообщали австралийские газеты. Думается, в этом они правы, но обычно проявление вежливости наблюдает один или несколько человек; Владимир Куц в беге на 10 тысяч метров показал свою вежливость перед лицом 100 тысяч.

Дело было вот как: Куц сразу вырвался вперед, однако, буквально наступая ему на пятки, следом бежал Гордон Пири. Один из зрителей в азарте уверял, что видел, как у советского спортсмена на затылке шевелились волосы от дыхания английского бегуна. Может быть, это не понравилось Куцу, потому что после нескольких кругов он уступил бровку Пири. Но англичанин не заметил вежливого предложения и притормозил бег. Тогда Куц опять занял бровку и пробежал еще несколько кругов впереди, но природная вежливость, видимо, взяла верх: советский бегун снова предложил Пири возглавить состязание, уже красноречивым жестом руки. Пири предпочел более легкий вариант следования по маршруту вокруг зеленого поля, и Куц вновь пошел впереди.

Глядя на его бег, мне вдруг вспомнилась тепло встреченная олимпийским стадионом колонна советских спортсменов на параде. Там вся колонна шла как один человек. Здесь один человек шел, как колонна, — так мощен, покоряюще красив был его бег. Все же Пири воспользовался однажды предложением Куца и метров 100 лидировал, а затем Куц снова стремительным рывком вышел вперед. Когда до финиша оставалось 5 кругов, Пири перестал дышать, не вообще, конечно, а в затылок Куца. Гордон Пири стал резко отставать. Многие зрители спрашивали: «Куц, кажется, думает, что это бег на полмили?» С удивлением смотрели они, с какой быстротой советский спортсмен кончал бег, оторвавшись от ближайших противников почти на сто метров. Стадион ревел. Вслед Куцу неслись восторженные возгласы, а когда он, в последнем рывке подняв правую руку, потащил за собой ленточку финиша, казалось, что само небо лишилось своего олимпийского спокойствия.

Подняв в приветствии руки, Куц пробежал, снизив темп, еще один круг. Это уже был круг почета. А затем его наконец захватили фоторепортеры. И вдруг сквозь них протолкнулся полицейский, но совсем не для того, чтобы наводить порядок. Полицейский подошел, чтобы просто пожать руку Куца. Усталой походкой подошел и Пири и молча похлопал Куца по плечу. А потом победитель сел на траву, стал стягивать туфли, и один из судей помогал ему. Думается, что ни одна пара обуви в магазинах Мельбурна не стоила сегодня так дорого, как шиповки олимпийского чемпиона.

Вскоре после этого Куц поднялся на пьедестал почета. Справа от него стоял венгр Ковач, слева — австралиец Лоуренс. Надо ли говорить, как торжественно звучал Гимн Советского Союза в честь большой победы советского бегуна!

На другой день газеты запестрели фотографиями. Куц рвет ленточку. Куц бежит круг почета. Газеты писали: «С самого начала бега было видно, что Куц хочет загнать своих противников в землю быстротой».

«Шляпы полетели в воздух, когда русский богатырь пошел последний круг».

«Все полюбили моряка! Целые полчаса принадлежали русскому моряку на главном стадионе в Мельбурне».

Гордон Пири заявил: «Он меня зарезал своей быстротой и сменой темпа бега».

Журналистка из Сиднея сказала мне: «Куц покорил Австралию своим бегом, он сделал больше, чем многие дипломаты в понимании русского народа».

Радости и огорчения

Наши места на первом баскетбольном матче оказались рядом с чехословацкими журналистами. Один из них спросил:

— Как вы думаете, кто победит?

— Не знаю, кто,— ответил я,— но хочу, чтобы победили наши.

Как известно, в конечном итоге команда СССР выиграла у команды Канады. После игры чехословацкие журналисты горячо поздравили нас, так горячо, будто это мы, а не баскетболисты выиграли только что трудное состязание.

В. Куц, победитель бега на 10 тысяч метров.

Увы, не всегда соревнования приносили нам радость — таковы законы спортивной борьбы! Свою вторую встречу наши баскетболисты проиграли команде Франции, и мы утешали себя тем, что это только предварительные соревнования и что наша команда все же сумеет выйти в полуфинал. Так это и случилось.

В состязании дискоболов ситуация оказалась не менее сложной. За первое место борьбу вела

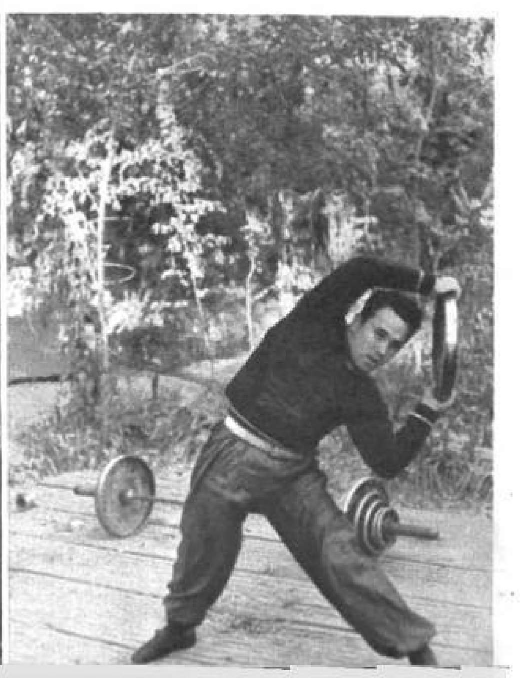
В. Иванов, чемпион XVI Олимпийских игр по гребле на скифе-одиночке.

Ольга Фикотова (Чехословакия), Ирина Беглякова и Нина Пономарева (СССР). Только эти три спортсменки заставляли весь стадион замирать при виде летящего диска. Кажется, что драматичного в этом соревновании? Но зрители, затаив дыхание, следили за разгоравшейся борьбой. Вот Нина Пономарева метнула диск, и он упал около белой черты, отмечающей олимпийский рекорд, установленный Пономаревой на XV Олимпийских играх в Хельсинки. Следом за ней, почти квадратная негритянка Э. Браун, представительница США, едва не побила этот рекорд, не докинув диск

Советские штангисты, чемпионы XVI Олимпийских игр. Слева направо: И. Рыбак (легкий вес), А. Воробьев (полутяжелый вес), Ф. Богдановский (полусредний вес).

всего на 7 сантиметров. Зрители еще приходили в себя, когда Ирина Беглякова перебросила диск на 32 сантиметра дальше рекордной черты, а Пономарева почти достигла результата своей подруги, метнув диск на 51 метр 61 сантиметр.

Откровенно говоря, после этого мы приготовились наблюдать борьбу за первое место между Ниной и Ириной, но неожиданно для нас спортсменка Чехословакии кинула диск на 30 сантиметров дальше Бегляковой. Так вот и кинула и, не оглянувшись, пошла одеваться. Она обернулась только тогда, когда стадион аплодисментами отметил ее успех. Через десять минут Ирина Беглякова продвинула рекорд еще на полметра дальше, но все закончилось после отличного броска Фикотовой, превысившей бросок Бегляковой на 115 сантиметров. Цифру 53 метра 69 сантиметров невидимая рука зажгла на доске показателей, над стадионом на высоком шесте поднялся флаг Чехословакии, а с двух сторон — флаги Советского Союза. Судьба золотой медали была решена.

Я не встретил после окончания борьбы дискоболок чехословацких журналистов и не мог, в свою очередь, поздравить их с успехом. Тем более хочется сделать это сейчас.

О скворцах и футбольных болельщиках

Пословица «аппетит приходит во время еды», пожалуй, применима и к футболу. Не всюду, конечно, но в Австралии она годится. Здесь появились болельщики; это верный признак того, что футбол получит признание австралийцев. Один глубокомысленный собеседник решал, откуда появились в Австралии скворцы: завезли их сюда или они сами появились? Вопрос со скворцами остался открытым. Но, по всем признакам, болельщики Австралии возникли самостоятельно. Думается, после Олимпиады микроб болельщиков распространится по пятому континенту и, возможно, будет способствовать дальнейшим выступлениям здесь советских футболистов.

Игра нашей команды собрала меньше зрителей, чем легкоатлетические соревнования, но все же тысяч двадцать человек рискнули высидеть под палящим солнцем и при вихревом ветре, дующем, как казалось, со всех сторон. Скажем прямо, болельщики команды Германии численно превосходили болельщиков нашей команды. Это почувствовалось сразу. Немцы играли резко и часто сбивали советских игроков с ног. Однако наши скоро освоились с тактикой и методами игры немецких футболистов. Этот матч мало походил на балет, впрочем, острота и резкость игры понятны: ведь проигравшие выбывали из соревнований. Тем не менее футболистам Германии пришлось испытать горечь поражения. На 23-й минуте первого тайма Исаев сильным ударом с хода всадил первый мяч в верхний правый угол ворот.

Стоявший рядом со мной толстый юноша, надувавший щеки, как барабан, и гудевший, как только мяч оказывался в ногах немецких футболистов, осекся на полузвуке и недоуменно посмотрел на щит, где показалась цифра один. Немцы кинулись в атаку. Одна из

Гребцы Ю. Тюкалов и А. Беркутов завоевали первенство на двойке-парной.

Фото Б. Светланова.

них чуть не увенчалась успехом. Яшин, оставшись с глазу на глаз с правым краем, отбил грудью удар. Так и кончилась первая половина игры.

Вторая была еще резче. За Татушиным гонялся немецкий полузащитник. Татушин увертывался от всех его подножек. Больше всего пострадал сидевший на траве возле немецких ворот фоторепортер. Сильным ударом мяча Стрельцов опрокинул его навзничь. Чужая беда иногда выглядит смешной. Стадион покатывался от хохота, видя, как фоторепортер менял место, но и Стрельцов больше не стремился бить по низу, а послал мяч в правый верхний угол. Это произошло за 7 минут до конца, и, конечно, наши решили, что игра сделана, а решив так, через минуту легкомысленно пропустили мяч в свои ворота.

У советской команды впереди боевые схватки.

Когда хочется победить

Обычно бегуны на дальние дистанции, закончив свой нелегкий путь, с удовольствием переходят на мерный шаг. В этом же виде спорта все наоборот: 50 километров люди трудолюбиво вышагивают, а дойдя до финиша, переходят на легкий, грациозный бег. Так поступают, конечно, не все, но молодой новозеландец Норман Рид, первым появившийся на стадионе после пятидесятикилометрового пути, так просто, как будто он вышел за угол выпить содовой воды, был поистине грациозен. Вторым появился советский спортсмен Е. Маскинсков в чуть полинявшей на ходу майке. Все-таки 50 километров пройдено за 4 часа 32 минуты 57 секунд. Зрители тепло встретили и шведа Юнггрена, а пришедший четвертым итальянец Памич в изнеможении рухнул возле финиша на траву. Кто-то в ложе журналистов удивился: как же это так, Новая Зеландия, такая маленькая страна... Где он там мог развернуться, этот легконогий спортсмен? Другой ответил: «Страна маленькая, но желание победить было большое». Мы не думаем, что у остальных участников было меньшее желание получить золотую медаль. Победил просто сильнейший. Интересно отметить, что Рид приехал в Австралию за свой счет, не попав в состав сборной своей страны, и упросил допустить его к участию в борьбе.

Просьба мамы Камербика

Олимпийские игры текут в своем широком русле. Поднимают невероятные штанги тяжелоатлеты, секунданты надевают боксерам перчатки, ведут свою трудную борьбу гребцы. Иногда после окончания соревнований на пьедестал почета поднимаются представители сразу трех континентов. Так было, например, после соревнований по прыжкам в высоту. Представитель Америки негр Ч. Дюмас занял первое место, спортсмен Австралии Ч. Портер — второе, а представитель Европы И. Кашкаров — третье.

Центром Мельбурна сейчас является стадион. К нему стремятся тысячи людей. Счастливцев, имеющих абонементы, провожают завистливыми взглядами. Телекомпания объявила в газетах, что каждый может поставить дома телевизор и смотреть все виды состязаний за 10 фунтов. Если учесть, что средний заработок рабочего 15 фунтов в неделю, можно легко представить себе контингент телезрителей. Интерес к Олимпиаде огромный. Вот одна деталь: австралийцы выразили недовольство по поводу того, что спортивные результаты сообщаются в метрах и сантиметрах: они привыкли измерять расстояния в футах и ярдах.

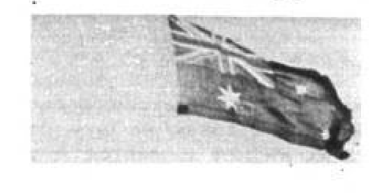
Одна из газет объявила: Мельбурн покинул последний голландский спортсмен. Кого-то в Голландии опечалило подавление контрреволюционного мятежа в Венгрии, и голландцы отказались от участия в играх. Один из голландских спортсменов, У. Камербик, сказал: «Мне было заявлено, что если я сейчас же не вернусь, то не буду допущен в дальнейшем ни к одному состязанию. Мне очень не хочется уезжать, но моя мать слезно просила вернуться». Камербик, как сообщают газеты, плача, покинул Мельбурн. Здесь сейчас находятся только два голландских журналиста. «Нам, — сказали они, — никто не сможет приказать уехать из Мельбурна: на поездку в Австралию мы истратили свои денежки. Мы будем писать об Олимпиаде в свои газеты и постараемся показать, какую большую ошибку совершили наши деятели, отозвав домой спортсменов».

Можно искренне пожалеть голландцев, потерявших право участвовать в Олимпийских играх.

С предельной нагрузкой работают в эти дни телеграф, телефон, радио. Тысячи журналистов передают в свои редакции последние новости из Мельбурна. В городе возник новый вид спорта: погоня за такси. Их в Мельбурне явно не хватает, и люди, жаждущие побывать на соревнованиях, буквально охотятся за машинами. Каждый из нас принимает посильное участие в этих состязаниях. Игры идут. Олимпийский огонь все ярче разгорается над Мельбурном.

Мельбурн, 26 ноября.
По телеграфу.

Мельбурн. У входа в олимпийский городок.

Василий Иванович

М. ЛОКТЮХОВ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Новый управляющий был одет в синий добротный костюм, сшитый по фигуре. На нем белая шелковая сорочка, синий галстук и прямоугольные золотые запонки. На вид ему лет сорок. Его тучный живот, здоровенные волосатые руки и красная шея, как будто только что вымытая холодной водой и насухо вытертая махровым полотенцем, свидетельствовали о большой физической силе.

Звали его Василий Иванович.

Сотрудники треста, как это всегда бывает при смене руководителя организации, на досуге собирались вместе и, что называется, «по косточкам» разбирали качества нового управляющего.

— Наш хозяин,— говорил инженер Дзампаев,— похож на борца тяжелого веса. Такого только разозли — нальется кровью, как индюшиный гребень, не попадайся под руку!

— Да-а,— как-то неопределенно соглашался с ним сметчик Загатин,— глаза у него действительно не васильки, но человек он интеллигентный.

— Откуда это видно? — спрашивали сотрудники.

— Как откуда? — иронически улыбался Загатин. — Разве вы не заметили: на левом мизинце у него длинный ноготь — верный признак культуры!

— Ну, знаете ли!..— смеялись сотрудники.

— Поживем — увидим,— мрачно говорил Дзампаев.— О каждом деле судят по результатам...

Между тем Василий Иванович принял дела и сразу же, не выезжая никуда, провел совещание.

На совещании он произнес короткую, но энергичную речь.

— Я вас ругать не буду,— сказал он собравшимся,— но жать буду.— И сжал кулак.

Потом предоставил слово главному инженеру, а сам сидел неподвижно и строго смотрел в одну точку.

И только однажды, когда мимо него, жужжа, пролетела муха, он взглянул на нее и сделал попытку поймать.

С приходом Василия Ивановича в тресте установились непривычные порядки.

Новый управляющий без вызова никого не принимал. Приглашенные на прием руководители строительных управлений и предприятий выстраивались в длинную очередь у дверей кабинета, часами дожидаясь приема. С вызванными на прием Василий Иванович почти никогда не говорил о деле. Заложив правую руку за пояс брюк, он расхаживал по кабинету и с металлом в голосе говорил, обращаясь к очередному посетителю:

— Вот взять, к примеру, вас. Ну что было бы с вами в старое время? Вы были бы пастухом или влачили бы жалкое существование на каких-нибудь задворках, а сейчас вы руководитель большого предприятия. Вы должны понимать это и ценить, дорогой товарищ!

Скоро сотрудники поняли, что вызов к управляющему не вносит никаких изменений в работу, что все делается по установленному обычаю, изменить который Василий Иванович уже не мог.

Жизнь организации вошла в обычную колею.

В кабинете Василия Ивановича блестели заново окрашенные стены, оконные переплеты, паркет, начищенный до блеска, бронзовая люстра, купленная в комиссионном магазине, красивые цветные дорожки.

Блистал довольством и сам Василий Иванович.

В местной газете было напечатано, что трест, в котором обновлено руководство, успешно справился с квартальной программой. Правда, Василий Иванович работал в тресте меньше месяца и, естественно, не мог влиять на ход событий, но...

Все шло отлично. Одно обстоятельство беспокоило Василия Ивановича. К нему часто звонили жильцы, въехавшие в жилые дома, построенные трестом. Они жаловались на плохое качество строительных работ, на перекосившиеся и растрескавшиеся двери, на щели в полах, на шум работающих лифтов и многое другое, при наличии чего даже в новом доме жить как-то неудобно.

Василий Иванович поначалу всем сочувствовал, говорил, что он новый человек, обещал оказать помощь, потом, потеряв терпение, вызвал начальника планового отдела и, ласково улыбаясь, сказал ему:

— Вы знаете, голубчик, нам надо в тресте провести некоторую реформу. Не кажется ли вам, что в штате треста нужно предусмотреть специальную должность смотрителя зданий? Пускай он следит за состоянием новых домов и кстати ведет все переговоры с жильцами...

Скоро появился новый сотрудник — смотритель зданий, которого работники треста называли «техник по недоделкам». Высокий, рыжеволосый, он целыми днями, развалясь, сидел в кресле и отбивался по телефону от атакующих его новоселов.

— Вы говорите, что у вас не работает газовая колонка? — мрачно выдыхал он в телефонную трубку.— Ну и что из этого? Пока ходите в баню. От этого, кстати, не умирают...

Теперь уже ничто не беспокоило Василия Ивановича. Все «обстругалось», как он говорил, и стало на свое место.

Любитель поесть и поспать, Василий Иванович приезжал на службу к одиннадцати часам. Но трест из месяца в месяц выполнял программу. Василий Иванович сумел так организовать свою работу, что дело обтекало его, лишь слегка касаясь.

— Я, знаете ли, сторонник принципа децентрализации,— в минуту откровенности говорил он своим близким людям, которыми как-то незаметно успел окружить себя.— Руководитель организации должен решать узловые, кардинальные вопросы, а трудиться должна периферия. Ну, а что касается плана,— прищурив левый глаз, говорил он,— то выполнение его, как известно, в значительной мере зависит от того, как составить план. Не случайно я поддерживаю связь с Андреем Захаровичем — начальником планового отдела главка. Там-то и решается судьба нашего плана.

До назначения в трест Василий Иванович работал начальником производственно-технического отдела главка. Начальник главка был в восторге от своего подчиненного. Василий Иванович аккуратно составлял ответы на все бумажки с мест и из министерства, причем писал всегда так, что вроде как и ответ дан и никакой ответственности. Это приводило в восторг начальника.

Работники периферии, однако, не были в восторге от деятельности Василия Ивановича, и руководимый им производственно-технический отдел, именуемый коротко ПТО, называли почтово-телеграфным отделением.

Но вот представился удобный случай, и начальник главка рекомендовал Василия Ивановича на должность управляющего трестом.

— Самое главное,— говорил он, напутствуя Василия Ивановича,— заключается в том, чтобы ты никогда не задирался с начальством. С начальством ссориться — это все равно, что плевать против ветра. Искусство же управлять заключается в том, чтобы «давать жизни» своим сотрудникам, пускай они бегают, как мыши по плинтусу!

На новом месте Василий Иванович быстро зарекомендовал себя как «человек на уровне». Во всех вышестоящих организациях он обычно молчал, а если изредка и говорил, то учтиво, медленно, почти шепотом, как будто боялся растерять ценные мысли или обидеть слушателей. И это нравилось.

А когда случалось, что в вышестоящих организациях ставился на обсуждение острый вопрос, касающийся деятельности треста, то всегда как-то получалось так, что еще накануне Василию Ивановичу нездоровилось и он отсутствовал по болезни.

Многие полагали, что Василий Иванович,— «кажется, ученый, кандидат технических наук, что ли...» Другие говорили, что он наспех окончил какие-то курсы при институте, где вместо диплома выдавали справку. Третьи утверждали, что он и этого не успел сделать, а учится третий год на втором курсе заочного института. Как бы то ни было, а все-таки большинство сходилось на том, что он человек толковый и знающий.

И в самом деле, Василия Ивановича трудно было раскусить. В своем кабинете, например, он держал себя по-разному. Когда появлялся посторонний, неизвестный ему человек, он выходил из-за стола, шел навстречу, здоровался за руку, усаживал посетителя в кресло и внимательно слушал. Но когда дело доходило до необходимости принять решение, ли,— довольным тоном говорил Василий Иванович и приступал к опросу следующего руководителя.

В кабинете начальника главка Василий Иванович держал себя по-иному. Он неслышно подходил к столу, собирал в кулачок свое мясистое лицо и, ласково улыбаясь, говорил:

— Иван Кузьмич, вот теперь я понимаю, как вам тяжело. Вы все делаете за нас. В других министерствах нам, среднему комсоставу, работать куда труднее. А у нас? У нас все есть. У нас только одна забота — трудиться, трудиться, выполняя уже готовые разработки главка.— И складывал ладони рук так, как будто собирался нырнуть в воду.

Когда к Василию Ивановичу приходил какой-нибудь сотрудник и с возмущением указывал на то, что трест работает ниже своих

Василий Иванович, поиграв карандашиком, как-то плотнее усаживался в кресло, опускал глаза и принимал такой вид, что каждому становилось ясно, что разговаривать с ним дальше — это все равно, что подойти к русской печке и попросить ее сдвинуться на три вершка в сторону.

Со своими сотрудниками разговаривал резко, иногда, не закончив разговора, бросал телефонную трубку и кричал так, как будто боялся, что его опередят.

На совещаниях Василий Иванович обычно говорил один. Он ругал всех собравшихся вместе и каждого отдельно. Часто подчиненный, отчитываясь о выполнении программы, стоял перед ним часа полтора.

— Ну, так как? — спрашивал Василий Иванович.— Программа будет выполнена?

— Невозможно,— отвечал подчиненный.— Не оформлено финансирование, нет материалов, не хватает рабочих.

— Не рассказывайте мне сказки! Это меня не интересует! — в раздражении говорил Василий Иванович.— Мне нужны люди, способные выполнять план. Подумайте! — И, заложив руки за спину, нервно ходил по кабинету. Возвращаясь к столу, спрашивал: — Ну, так как, программа будет выполнена?

— Постараемся,— выдыхал потный от духоты и напряжения подчиненный.

— Вот так бы сразу и сказа-

возможностей, что необходимо перестроить работу, внедрять новое, передовое, Василий Иванович выходил из-за стола и протягивал руку посетителю.

— Дайте руку, товарищ! Спасибо! Вы говорите то, о чем я сам всегда думаю! Да, нам необходимо перестроить свою работу, и мы сделаем это. Но, знаете ли,— переходил он на задушевный говорок,— не все сразу. Все «обстругается», друг мой, и станет на свое место. На солнце и то есть пятна! — трагически восклицал Василий Иванович и... вежливо выпроваживал человека из кабинета.

Когда возникал вопрос о выдвижении на ответственную работу кого-нибудь из нужных ему людей, Василий Иванович приходил в расстройство.

— Как вы смотрите,— говорили ему,— на выдвижение инженера Петрова на руководящую работу?

— Что же, хороший работник, грамотный инженер. Но, знаете ли, есть маленький недостаточек,— ласково улыбался Василий Иванович.

— Что именно? — спрашивали работники отдела кадров.

— Часто болеет,— говорил Василий Иванович и тяжело вздыхал.

— Как? — удивлялись кадровики.— Петров здоров, как бык!

— Это так только кажется,— сочувственно говорил Василий Иванович и снова тяжело вздыхал.

— А как вы думаете, если мы будем рекомендовать инженера Иванова? — не унимались кадровики.

— Что вы, что вы! — говорил Василий Иванович.— Он пьет запоем! — И махал рукой, как будто отгонял табачный дым.

Неугодных же ему людей никогда не увольнял, а осторожно выдвигал с повышением, но... в другие организации.

Однажды Василий Иванович опоздал на совещание к своему начальнику. Все полагали, что наконец-то ему достанется. И действительно, Иван Кузьмич был возмущен. Он нервно ходил по кабинету и сжимал кулак. Когда в дверях появился Василий Иванович, начальник главка строго спросил:

— Вы почему опоздали? Вас ждут люди!

Василий Иванович неслышно подошел к столу и, вытирая пот со лба, дрожащим голосом сказал:

— Иван Кузьмич! Машина-то у нас старая. Едет, едет — и станет. Вот и толкаешь ее, толкаешь... Прямо горе. Вот и опоздал!

Иван Кузьмич немного подумал, вызвал помощника и приказал выдать Василию Ивановичу новую легковую машину.

Когда Василию Ивановичу надо было подписать какой-нибудь документ, за который потом и «ответить можно», он заходил к своему заместителю и, отчаянно махнув рукой, говорил:

— Знаешь что, я решил рискнуть! На, подпиши! — Клал документ на стол и выходил из кабинета.

...И вот на активе треста Василий Иванович должен сделать очередной доклад о выполнении программы. Он даже не готовился, будучи уверен, что средние цифры плана не вызовут серьезных критических замечаний. К тому же всем хорошо известно отношение к нему Ивана Кузьмича...

Но был очень удивлен, когда коммунисты и беспартийные резко критиковали его за безразличное отношение к делу, отрыв от рабочих, пренебрежение ко всему новому, прогрессивному и передовому.

После актива спокойствие Василия Ивановича было нарушено. Даже тогда, когда после сытного обеда он в своем кабинете плотно усаживался в мягкое кресло и просматривал газеты, его не покидала назойливая мысль: «Чего хотят от меня эти люди? Что им надо? О тресте пишут как о передовой организации, а они требуют еще чего-то нового... Я же их не беспокою. Что нужно от меня этим людям?..»

На отчетно-выборном партийном собрании коммунисты снова критиковали его за то, что он окружил себя подхалимами, «своими людьми», боится всего нового и прогрессивного, за то, что трест работает ниже своих возможностей.

Инженер Дзампаев, выступая на собрании, сказал, что такие люди, как Василий Иванович, ночью спят, а днем отдыхают.

При выборах бюро коммунисты треста забаллотировали Василия Ивановича. Он расстроился до такой степени, что слег в постель и две недели жаловался на боль в сердце.

— За что?!

Этого он, кажется, так и не понял.

Хороший подарок

На 1957 год мы, женщины, получаем специально наш отрывной «Календарь женщины». До сих пор у нас были общие с мужчинами календари, которые помогали нам не забывать о воскресеньях и неопровержимо доказывали, что после зимы наступает весна.

Изданием «Календаря женщины» отнюдь не предусматривается удлинение прекрасного месяца мая или упразднение сурового декабря. Но ежедневно, отрывая очередной листок, мы будем получать маленький приятный подарок, или, лучше сказать, мы повседневно будем чувствовать чье-то милое внимание и заботу. Таких внимательных к женщинам и заботливых людей оказалось очень много: врачи и педагоги, инженеры и политические деятели, портные и поэты, садоводы и художники, юристы и... всех не перечтешь.

Женщины любой специальности и любого возраста каждый день будут находить на листке календаря что-нибудь интересное и полезное, необходимое или веселое.

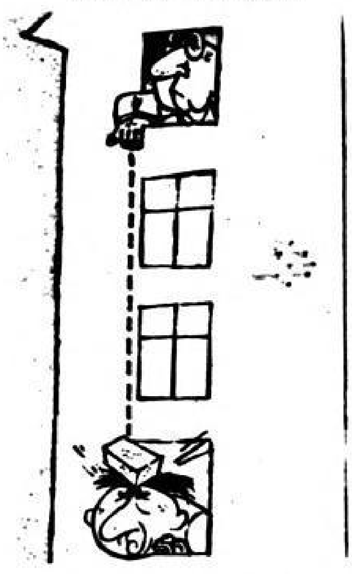
Я даже не боюсь, что меня упрекнут в преувеличении, если скажу, что не слишком хорошая хозяйка к концу года научится отлично стряпать, быстро и хорошо убирать квартиру и даже сделать ее при небольших затратах изящной и уютной. Любая мама немедленно даст прочитать папе «Как бороться с капризами ребенка» или статью «Приучайте детей уважать старших». А разве не интересно узнать, «Как одеваться худым и полным» или как сшить куртку для мальчика? Или о лечебных свойствах меда?

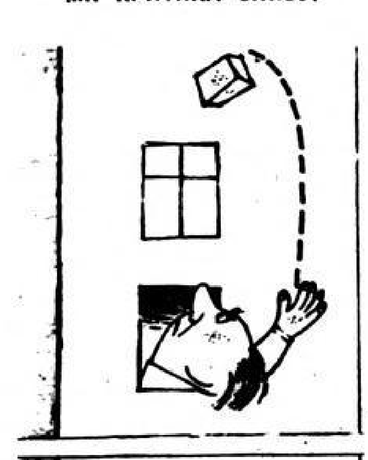
И уж, конечно, всей семьей вслух будет прочитан рассказ «Простой, как правда» о Ленине; и статьи о славных, знатных людях; и об Индии, о Корее, Вьетнаме и других странах. В календаре много мудрых, строгих, веселых и насмешливых пословиц и поговорок.

Мне кажется, что мужчины сделают отличный подарок своим женам, невестам и подругам (кстати, в календаре есть совет и относительно подарков), если сумеют купить им этот календарь. Я говорю «если сумеют» потому, что тираж его хотя и большой — три с половиной миллиона, — но явно недостаточный. И жаль будет, если многие женщины останутся обделенными.

Варвара КАРБОВСКАЯ

КРИТИКА СВЕРХУ...

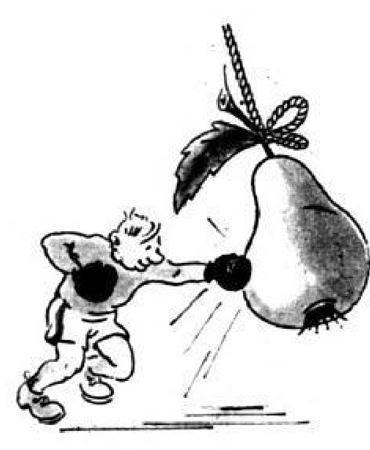

...И КРИТИКА СНИЗУ.

Рисунки К. Шрадера («Уленшпигель»).

БОКСЕР-МИЧУРИНЕЦ

Изошутка М. Ушаца и К. Невлера.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин художников Эстонии и четыре страницы цветных фотографий.

Вечная мерзлота на юге

Я. П. Каменюка (с. Петровка, Ворошиловградской области) сообщает, что летом около хутора Вольного, Верхне-Тепловского района, при осмотре мергельных карьеров он, к своему удивлению, обнаружил участок вечной мерзлоты. Колхозники, добывающие из карьеров камень, неоднократно пытались разработать этот участок, но в любое время года наталкивались на мерзлоту.

«Характерно то,— пишет читатель «Огонька»,— что мерзлота расположена на открытом юго-восточном склоне мергельной горы, причем слой размельченной породы, прикрывающий мерзлоту, составляет 1,5—2 метра. Мерзлота начинается в основном с массивного залегания мергеля. В карьерах, расположенных вблизи, имеются глубокие трещины, из которых летом дует холодный ветер, а зимой идет пар».

По поводу этих наблюдений читателя старший научный сотрудник Института мерзлотоведения Академии наук СССР С. П. Качурин сообщил:

— Факт нахождения пятна многолетнемерзлых горных пород в пределах Ворошиловградской области не относится к числу необычайных. Подобные описанному читателем, незначительные участки с мерзлыми горными породами вдали от области их распространения известны на Северном Кавказе, в Крыму и других местах. Мерзлые трещиноватые мергельные породы, о которых он говорит, по способу их охлаждения следует отнести к образованиям «пещерного» типа. Они возникают за счет холодных воздушных масс, проникающих в каменные россыпи и нагромождения, в пещеры (например, Кунгурскую). Осенняя и весенняя влага, фильтрующаяся через трещины и поры каменных россыпей, в зоне охлаждения превращается в лед, который и цементирует собой трещиноватые породы. Сходный случай нахождения мерзлых пород описан в журнале «Природа» № 9 за 1951 год.

Сообщение читателя «Огонька» представляет интерес в том отношении, что фиксируется новая точка с подобным явлением природы.

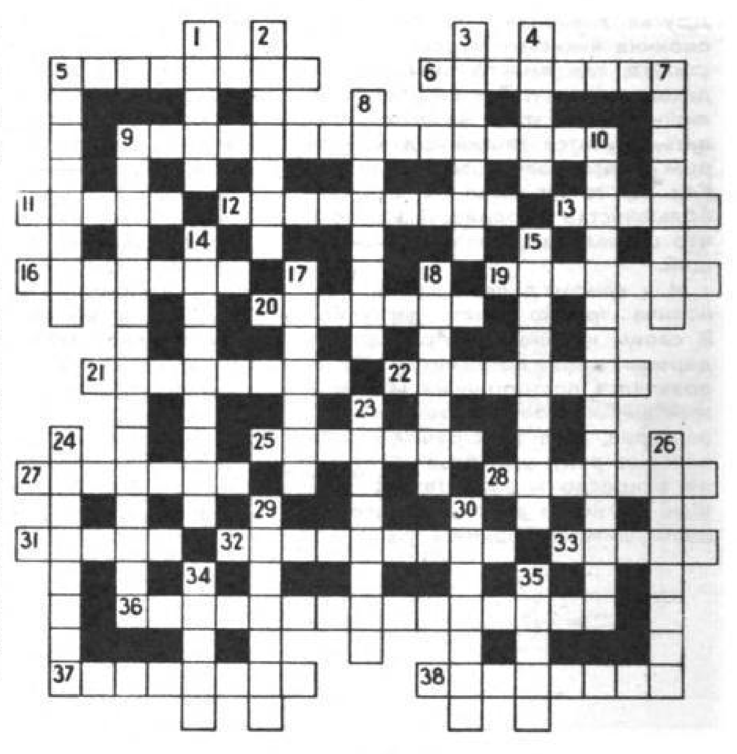
ДЕТСКИЕ ШАЛОСТИ

— Уймите же наконец своего сына!
— Пускай резвится. У мальчика переломный возраст.

Рис. Л. Самойлова (Рига).

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Сподвижник Богдана Хмельницкого. 6. Прибор для регулирования темпа и ритма при исполнении музыкальных произведений. 9. Человек, имеющий общую с другим родину. 11. Английский химик, физик и философ XVII века. 12. Должностное лицо. 13. Приток Южного Буга. 16. Датский парламент. 19. Автономная республика. 20. Русский полководец. 21. Французский писатель XIX века. 22. Русский полярный исследователь. 25. Точка лунной орбиты. 27. Записки, воспоминания. 28. Принадлежность штукатура. 31. Плантация. 32. Группировка изделий и оборудования по определенным признакам. 33. Минерал, разновидность халцедона. 36. Руководство управлением корабля в плавании. 37. Озеро на Восточном Памире. 38. Органическое вещество, фармацевтический препарат.

По вертикали:

1. Деталь ткацкого станка. 2. Часть квитанционной книжки. 3. Рыболовная снасть. 4. Воинский строй. 5. Взрывчатое вещество. 7. Планета. 8. Ученый. 9. Сельскохозяйственная машина. 10. Обработка пищевых продуктов для удлинения сроков их хранения. 14. Винодельческий комбинат в Крыму. 15. Прибор для исследования морских глубин. 17. Перепончатокрылое насекомое. 18. Декоративная ткань. 23. Ископаемое пресмыкающееся. 24. Работник печати. 26. Проводник электричества для подвода тока. 29. Музыкальный инструмент. 30. Плодовое дерево. 34. Плод. 35. Сплав, применяемый для изготовления деталей точных измерительных приборов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

1. Характеристика. 7. Зонд. 10. Антропов. 11. Единение. 12. Имаго. 13. Окуляр. 14. Отрог. 17. Интенсификация. 19. Мелодекламатор. 22. Араго. 23. Карась. 24. Сукно. 27. Осинники. 28. Инстинкт. 29. Ейск. 30. Гипотенуза.

По вертикали:

2. Абориген. 3. Альпы. 4. Тарим. 5. Ковентри. 6. Рационализатор. 7. Звукосочетание. 8. Десятиклассник. 9. Безграмотность. 15. Фестон. 16. Сандал. 17. Ишим. 18. Явор. 20. Евгений. 21. Окулист. 25. Тикси. 26. Эскиз.

Нарядные платья

В предстоящем сезоне для нарядных платьев рекомендуются материалы лилового, сиреневого, голубовато-серого и розового цветов.

Мы предлагаем ряд моделей нарядных платьев художников Общесоюзного дома моделей Н. Голиковой и А. Левашевой.

1. Прямое открытое прилегающее платье, в талии неотрезное. На спинке продольные швы заканчиваются складками. На платье надевается короткий жакет с втачными длинными рукавами.

Такой покрой платья рекомендуется женщинам любого возраста.

2. Длинное вечернее платье из плотного торчащего шелка. Юбка из 6 раскошенных клиньев, с высоким корсажем Лиф спереди задрапирован.

3. Простое по форме платье, неотрезное по талии, юбка книзу раскошена.

Платье можно носить с широким косым кушаком ниже талии.

4. Платье из тафты, муара или кружев. Юбка из двух раскошенных клиньев. Талию туго перехватывает кушак из куска прямой блестящей ткани, на который прикалывается брошь.

Рис. Н. ГОЛИКОВОЙ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

А 12745. Подписано к печати 28/XI 1956 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 991. Заказ № 3162.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

1
2
3
4
Нарядные платья

Цена номера 3 руб